

реальные истории

КЭТИ ГЛАСС

Будь моей мамой

Искалеченное детство

Кэти Гласс
БУДЬ МОЕЙ МАМОЙ
Искалеченное детство

В Британии на сегодняшний день более 75 000 детей, находящихся на попечении местных властей. Этим детям повезло. Но есть огромное количество детей, не попавших в это число. Брошенные родителями и с ранних лет вынужденные терпеть издевательства взрослых, они пока остаются лишенными помощи социальных служб.

Эта книга рассказывает правдивую историю моего знакомства с одним из таких детей, восьмилетней девочкой по имени Джоди. Я была ее патронажной воспитательницей, и это был наиболее тяжелый случай из всех, которыми я занималась.

*Моей семье за вашу любовь,
терпение и понимание*

ГЛАВА 1
Эмоциональный шантаж

Раздался телефонный звонок. Это была Джилл из агентства по патронату, с которой мы всегда работали вместе.

— Кэти, попечители менялись не дважды, а целых пять раз, — сообщила она. — Пять! А на патронат ее отдали всего четыре месяца назад.

— Боже правый! — Я была поражена. — И ей только восемь? С этим нужно что-то делать. А что с ней не так?

— Пока точно не знаю. Но социальная служба хочет устроить предварительное совещание, чтобы не привозить ее лишней раз. Ты все еще заинтересована?

— Не вижу причин, чтобы передумать. А когда?

— Завтра в десять.

— Отлично, тогда увидимся завтра. Как ее зовут?

— Джоди. Спасибо, Кэти. Если не справишься ты, то уже никто не справится.

Я была тронута. Приятно на протяжении стольких лет чувствовать, что тебя ценят. Мы уже четыре года работали с Джилл, и отношения у нас установились самые теплые. Она была сотрудницей патронатного агентства «Дорога домой», работала с конкретными делами и была связующим звеном между фостерскими семьями¹ и социальными работниками. Объясняя попечителям требования социальных служб, в случае необходимости она предлагала свою помощь и поддержку. Неопытному попечителю иногда нужна какая-то дополнительная информация или разъяснение принципа работы патронатной системы, и тогда ему помогает агент. Четыре года совместной работы — это долгий срок, но до того я уже была опытным опекуном, так что мы с Джилл легко сошлись и даже привыкли друг к другу. Если она говорила, что я справлюсь, можно было не сомневаться — это сказано не ради красного словца.

Но предварительное совещание... Должно быть, дело плохо. Обычно детей сразу приводят в дом и знакомят с новой семьей, забрав от прежнего попечителя или прямо из родного дома, — тогда ребенок стоит на вашем пороге с пустыми руками. И то, и другое на

¹ Фостерские семьи (Foster Families) — государственные детские дома семейного типа, в которые помещают детей, оставшихся без родителей или других родственников, готовых взять на себя заботу о них, а также детей, родители которых находятся под судом или следствием по обвинению в жестоком или халатном обращении с детьми. — *Здесь и далее примеч. пер.*

моей практике случалось не раз, но предварительных встреч мне не устраивали никогда. Обычно все участники соглашения встречались уже после того, как ребенок пришел в новый дом, но чтобы заранее...

Тогда и родилось мое первое подозрение: это дело будет особенным.

Следующее утро началось как обычно: все проснулись, оделись, позавтракали. Потом дети отправились в школу. Эдриану семнадцать лет, Поле — тринадцать, они мои дети, а Люси, которой было пятнадцать, вошла в наш дом два года назад (по программе патроната). Теперь она полноправный член нашей семьи, моя приемная дочь и сестра Эдриана и Пола. В истории Люси счастливый конец: она пришла ко мне отверженная и озлобленная, но постепенно научилась верить людям и сумела вернуться к нормальному существованию, и если в ней иногда просыпалась злость, то это было вызвано переходным возрастом, а не тем кошмаром, который ей пришлось пережить в детстве. Я гордилась ею, она была доказательством моей правоты, я верила, что любовь, доброта, внимание и дисциплина — это главные факторы, необходимые для развития ребенка.

Я смотрела, как дети собирались в школу, и туг меня охватило дурное предчувствие. Девочка, о которой пойдет речь на сегодняшнем совещании, несомненно, нуждается в любви и повышенном внимании, но мне придется на некоторое время распрощаться со своим относительно спокойным, размеренным существованием, пока она не начнет доверять мне, пока не освоится здесь, как освоилась Люси. Но в том-то и смысл попечительства — это никогда не бывает просто, зато награда за труды невообразимо велика. Кроме того, вот уже двадцать с лишним лет под моей опекой практически постоянно находятся дети, и я просто не помню, какой была моя жизнь прежде.

Когда дети ушли, я поднялась наверх, стянула домашнюю одежду, переделась в элегантные темно-синие брюки и джемпер и направилась в офис социальной службы. Уже много лет я хожу по знакомому маршруту, как к себе домой, привыкнув к интерьеру, выдержанному в серых тонах, флуоресцентным лампам, а также к атмосфере вечной занятости с хаосом неотложных дел.

— Кэти, здравствуй.

Как только я вошла в приемную, Джилл с приветливой улыбкой подошла поздороваться. Она ждала моего прихода.

— Привет, Джилл. Как ты?

— Нормально, спасибо. Хорошо выглядишь.

— Да, у нас пока все неплохо. Дети в порядке, они с головой погрузились в свои дела и учебу. Полагаю, у меня настало время для нового испытания. — Я улыбнулась.

— Пора. Думаю, все уже готовы.

Джилл провела меня по коридору в конференц-зал, где за огромным столом красного дерева сидели человек десять — двенадцать. Что все это значит? Было очевидно только одно: дело непростое. Сообщение Джилл говорило о нерядовой для патроната ситуации — немногие дети умудряются сменить пятерых попечителей за четыре месяца. Хотя ни одного ребенка нельзя назвать рядовым — все они уникальны, и проблемы каждого сугубо индивидуальны. Лишиться родителей — такое событие не проходит без последствий, это всегда травма, всегда эмоции и, естественно, проблемы.

Но что-то подсказывало мне: на этот раз все сложнее, чем когда-либо. Вернулась тревога, совсем как вчера в разговоре с Джилл. И в то же время мне было любопытно: что же это за ребенок такой, случай которого требует вмешательства стольких людей?

Мы с Джилл уселись на свободные стулья в глубине зала, и я ощутила на себе оценивающие взгляды присутствующих: годится ли она?

Председатель, Дэйв Мамби, руководитель группы социальных служб, представился первым. Слева от него сидела Салли, судебный представитель, ее прислали защищать интересы Джоди. Дама слева от нее представилась как Никола, домашний педагог Джоди.

Домашний педагог? Почему девочка не ходит в школу, интересно мне знать.

За Николой сидел Гэри, нынешний социальный работник Джоди. Он сообщил о решении отказаться от этого дела и передать девочку Эйлин, которая сидела рядом с ним и заслуживала моего пристального внимания. Ведь если я возьмусь за Джоди, нам с Эйлин придется работать бок о бок. На первый взгляд это была невыразительная женщина за сорок, умеющая создавать атмосферу спокойствия и невозмутимости, что уже неплохо.

Смена социального работника не вызвала у меня удивления. Это случается постоянно — такая уж работа, всем нужно двигаться дальше. Только вот детям и семьям каждый раз приходится знакомиться с новыми людьми, учиться доверять им и заново строить отношения. И хотя я понимала, что этот нескончаемый поток новичков — часть системы со всеми ее недостатками, я не могла не посочувствовать Джоди. Смена социального работника только усилит надлом, и я спрашивала себя: скольких она уже успела сменить?

Следующей представилась Дейрдре. Она работала в агентстве, которое предоставило Джоди нынешних попечителей. Потом подошла моя очередь, и взгляды всех собравшихся за столом обратились ко мне. Я не осталась в долгу и тоже окинула взглядом их всех.

— Меня зовут Кэти Гласс, — произнесла я так четко и твердо, как только смогла. — Я патронатный воспитатель из агентства «Дорога домой».

На этом этапе вряд ли можно было добавить что-то еще, ведь я даже не представляла сути происходящего, и я передала слово Джилл.

После нее выступил представитель от бухгалтерии, затем — член местной комиссии по распределению. Они говорили, а я посматривала на Гэри, который до сих пор работал с Джоди. Он молод, должно быть, не старше двадцати пяти. Удалось ли ему наладить взаимоотношения с Джоди? Интересно. Может, Эйлин как женщине удастся найти общий язык с маленькой девочкой, и тогда перемена социального работника пойдет только на пользу? Хорошо бы так.

Когда все представились, Дэйв поблагодарил нас за то, что мы собрались здесь, и вкратце изложил положение дел, или, если придерживаться точной терминологии, пересказал личное дело Джоди. Я сразу прониклась к Дэйву симпатией. Он говорил мягко, но решительно и все это время смотрел прямо на меня. Я отметила для себя основные моменты. С самого рождения Джоди числилась в группе риска — это означало, что все восемь лет жизни девочки ее семья стояла на учете у социальных служб. И хотя родители были под подозрением по поводу плохого обращения с детьми, никто не предпринял никаких мер, чтобы защитить Джоди или ее младших брата Бена и сестру Челси. А четыре месяца назад по вине Джоди произошел пожар — она подожгла свою собаку (я просто содрогнулась от такой жестокости). И вот тогда все зашевелились, и социальные службы взяли детей под свой контроль. Бен и Челси жили в фостерских семьях, у них все было хорошо, но у Джоди оказался «крайне непростой характер». Услышав это выражение из уст Дэйва, я вздернула брови. Все прекрасно понимали его истинное значение, а именно: «совершенно неконтролируемое поведение».

— Думаю, вам будет полезно послушать ее социального работника, — обратился ко мне Дэйв. — Гэри работает с ней уже два года. Не стесняйтесь, задавайте любые вопросы.

Несмотря на свой юный возраст, Гэри держался уверенно и методично излагал данные о Джоди и ее семье.

— Увы, общая картина не самая благоприятная, как вы можете заметить. В семье есть несколько проблем. Мать Джоди употребляет наркотики внутривенно, ее отец — алкоголик. За последнее время, которое Джоди провела дома, она получила несколько травм, в том числе ожоги, порезы, синяки и перелом пальца. В больнице все это зафиксировали, но, несмотря на предположения, что эти травмы не относятся к разряду несчастных случаев, доказать чью-либо вину оказалось невозможно.

Гэри продолжал свой рассказ о несчастной брошенной девочке, а я сосредоточилась на фактах. Ужасная история. Мне не раз приходилось слышать подобное, и все же это не умаляло моего изумления и ужаса: как люди могут быть так жестоки и безразличны к собственным детям?! Меня захлестнула жалость к бедняжке. Как ребенок может расти и

нормально развиваться в такой обстановке, да еще с такими родителями в качестве примера для подражания?

Гэри продолжал:

— Из-за недавних событий Джоди больше не ходит в школу, ей назначили домашнего преподавателя. У нее расстройство психики с потерей способности к обучению. К девочке нужен особый подход.

Довольно прямолинейно. Мне не впервой присматривать за детьми, отстающими в развитии и в учебе. И все же я подозревала, что история Джоди в версии Гэри была неполной. Столько лет занимаюсь опекой, но никогда не слышала, чтобы ребенок за четыре месяца пять раз сменил опекунов. Когда Гэри сделал паузу и посмотрел на меня, я сразу этим воспользовалась.

— Мне бы помогло, если бы вы вкратце описали предыдущие семьи, в которых жила Джоди, — попросила я, надеясь получить ответ на вопрос: почему Джоди сменила их столько и в такой короткий срок? — Сколько у них было детей, были они старше или младше? Был ли у попечителей опыт работы с такими детьми?

Гэри прокашлялся. Казалось, он колеблется.

— Раньше ее определяли в семью совершенно произвольно. Одна пара впервые брала ребенка на патронат, и мы, конечно, не должны были отдавать им Джоди. Это была наша ошибка, и то, что ничего не вышло, вполне закономерно.

Справедливое замечание, но я не поверила своим ушам, когда Гэри продолжил рассказ: другая пара родителей имела опыт в таких делах... а следующая пара выдержала Джоди только три дня. Объяснение, что «во всем виноваты обстоятельства», было дано лишь для того, чтобы представить девочку с лучшей стороны, так что не стоило принимать его всерьез.

Дейрдре, агент, представляющая нынешних попечителей Джоди, не могла не выступить в их защиту. В конце концов, если бы девочка была так безобидна, как уверял Гэри, у них бы не возникло таких проблем.

— У Джоди наблюдается задержка в развитии, — сказала она. — Прошу прощения, но она ведет себя как трех- или четырехлетний ребенок, а не как восьмилетний. У нее случаются сильные вспышки гнева, она очень раздражительна и необщительна, склонна к жестокости, насилию и разрушению. И хотя она провела у Хилари и Дэйва совсем немного времени, но успела сломать немало вещей, даже тяжелую деревянную дверь...

Я была поражена: неплохо для восьмилетней девочки.

Но Дейрдре еще не закончила. Она продолжала перечислять проступки и недостатки Джоди. Супруги характеризовали свою подопечную как «холодную, расчетливую, очень грубую, неприятную, склонную к манипуляции» — сильные слова для характеристики маленькой девочки.

Я не сомневалась: в любой ситуации можно найти что-то хорошее, чтобы сказать это о ребенке, например, возможно, Джоди нравилась их кухня. Дети в приемных семьях часто жадно поглощают пищу, ведь у них в сознании укоренилось сомнение: когда еще выпадет случай так поесть? Но нет, ни единого доброго слова, хотя бы «ей нравилось, как Хилари готовила какао». Выходило так, будто у Джоди нет ни одной привлекательной черты, зато имелся подробный перечень ее провинностей, с примечанием, что воспитатели находили ее физически пугающей: Джоди была крупной девочкой и выглядела угрожающе.

Мы с Джилл переглянулись. Угрожающе? Для них? Да ей же всего восемь! Чем она может быть опасна? Я поймала себя на мысли, что сейчас нахожусь на стороне Джоди. Каково это, когда все вокруг так яростно выражают нелюбовь к тебе? Неудивительно, что девочка нигде надолго не задерживалась.

Салли в своем выступлении защищала права Джоди. Она вкратце изложила официальную версию: социальная служба отправила дело в органы опеки и попечительства, то есть, вопреки воле родителей, ребенка забрали из дома и поместили под временную опеку местных властей. Теперь начинались судебные процессы, которые должны будут определить

судьбу Джоди. Если суд, закрыв глаза на все опасения, решит, что ребенку лучше проживать дома, тогда родителям вернут право опеки. Если же суд согласится, что дома Джоди грозит опасность, ее отдадут под постоянную опеку государства, и ребенка навсегда заберут у родителей, найдут ему постоянных опекунов, то есть приемных родителей, или (наименее желательный вариант) отдадут в детский дом. Процесс этот долгий и тягостный, и при всех попытках его ускорить он все равно длится порядка года, если не больше, пока суд не придет к окончательному решению.

После Салли слово взяла учительница Джоди, Никола. Она месяц занималась с подопечной на дому, используя материал, разработанный для дошкольников. Из своего опыта я знала, что это со всем не редкость. У меня и раньше были воспитанники, которые учились читать и писать намного позже своих сверстников. Из неблагоприятной среды и из проблемных семей часто выходят дети, которые не в состоянии усваивать материал так же быстро, как дети из нормальных семей.

Финансовый представитель со своей стороны подтвердил, что средства для домашнего обучения Джоди будут поступать до тех пор, пока ей не подыщут подходящую школу. Я посмотрела на настенные часы: прошел почти час. Все уже высказались, и Дэйв с надеждой в глазах смотрел на Джилл.

— Если Кэти не возьмет Джоди, нам останется только одно — поместить ее в детский дом, — сказал он.

Это уже смахивало на эмоциональный шантаж. Джилл встала:

— Нам нужно обдумать услышанное. Мы с Кэти все обсудим и завтра сообщим о своем решении.

— Ответ нужен сегодня, — отрезала Дейрдре. — Ее нужно перевезти сегодня до полудня — они настаивают.

За столом повисло молчание. Все, казалось, думали об одном и том же: действительно ли попечители были настолько не профессиональны или это Джоди довела их до такой степени отчаяния?

— В любом случае, нам нужно время, — твердо ответила Джилл. — Я не услышала ничего такого, из-за чего стоило бы отговаривать Кэти. Она очень опытна в вопросах опекунов, так что решение целиком и полностью за ней.

Джилл искоса посмотрела на меня, и я почувствовала на себе взгляды всех остальных — они отчаянно надеются услышать, что я возьму эту девочку на воспитание. Пока что я слышала версию Гэри о том, что она — несчастная жертва обстоятельств и череда сменяемых попечителей вовсе не ее вина, и версию Дейрдре о том, что это сущий дьявол во плоти, когда габариты, сила и невежество совершенно не соответствуют возрасту. Истина, как я полагала, находится где-то посередине. Но, даже воспринимая ситуацию спокойно и без паники, я осознавала: Джоди станет сущим наказанием, чтобы не сказать больше.

Меня терзали сомнения. Была ли я готова взять к себе ребенка с поведенческими проблемами такой степени? Могла ли я (и что еще более важно, моя семья) взвалить на себя проблемы, связанные с этим? Меня слегка пугала мысль о грозящем мне испытании, каким, несомненно, стала бы эта девочка. Но с другой стороны, моя формула, сочетающая в себе любовь, доброту, внимание и в то же время строгость, еще никогда не подводила меня. А Джоди, что бы там ни говорили, была всего лишь ребенком — девочкой, жизнь которой началась так чудовищно.

И она имела право на шанс начать все заново, получить немного счастья — на это имеет право каждый ребенок. Смогу ли я поступить с ней иначе? Теперь, узнав ее историю, просто отойти в сторону? Я уже понимала, что не смогу. Я должна была дать ей этот шанс. Едва войдя в конференц-зал, я в глубине души приняла решение взять Джоди. Я не могла повернуться к ней спиной.

— Она слишком мала для детского дома, — сказала я, отвечая на взгляд Дэйва. — Я возьму ее и сделаю все, что в моих силах.

— Уверена? — с тревогой в голосе спросила Джилл.

Я кивнула и услышала вздохи облегчения. Особенно довольна была бухгалтерша. Содержать ребенка в детском доме стоило порядка 3000 фунтов в неделю, а выдавать мне на его содержание по 250 фунтов — это действительно было неплохой сделкой.

— Кэти, замечательно, — просиял Дэйв. — Спасибо. Мы все очень высокого мнения о вас, вы это знаете, и мы очень рады, что вы согласились.

Пронесся шепот одобрения, и возникло ощущение, будто все разом сняли ношу с плеч. Встреча была окончена. На данном этапе вопрос с Джоди был решен. Они поднялись и стали собирать вещи, чтобы вернуться к своей работе, к другим делам, другим проблемам, требующим решений. Но эти несколько слов и скоропалительное решение в корне изменили мою дальнейшую жизнь.

ГЛАВА 2

Дорога к Джоди

Я начала заниматься опекой двадцать лет назад, еще до того, как у самой появились дети. Однажды я просматривала газету и наткнулась на одно объявление (вы и сами, наверное, такое видели). Там была нечеткая черно-белая фотография мальчика, и вдоль всего снимка — вопрос: «Можете ли вы дать Бобби крышу над головой?» Что-то зацепило меня, никак не получалось выбросить этого мальчика из головы. Не могу назвать себя сентиментальной, но я только и думала, что об этой фотографии. Мы поговорили с мужем. В любом случае, мы планировали иметь собственных детей в будущем, но я знала, что уже сейчас могу дать дом ребенку, который в нем нуждается. Я всегда хорошо ладила с детьми, и в свое время хотела заниматься преподаванием.

— У нас есть место, — сказала я, — и мне нравится работать с детьми. Почему бы нам хотя бы не разузнать обо всем подробнее?

Я взяла телефон, позвонила по объявлению, и вскоре мы оказались на вводных курсах в мир патроната. Потом, когда выяснилось, что мы отвечаем всем необходимым требованиям, после прохождения обязательной подготовки мы взяли на воспитание нашего первого ребенка, проблемного подростка, которому на некоторое время нужен был нормальный дом. И все. Меня затянуло.

Как оказалось, патронат — занятие не из легких. Если родители рассчитывают заполучить сиротку Энни, или Энн из Зеленых крыш, то их ждет большое разочарование. Растрепанных милашек, которым немного не повезло в жизни и которых нужно только пригреть и приласкать, помочь «расцвести пышным цветом», чтобы они стали излучать счастье, объемля весь мир, попросту не существует. Чаще всего они замкнуты в результате того, что с ними случилось, озлоблены и неприступны, что само по себе неудивительно. Хуже, если они грубы или даже агрессивны и жестоки. Единственной неизменной истиной является то, что все дети разные, но всем им нужны внимание и доброта, чтобы преодолеть любые беды. Этот путь никогда не бывает прост.

Первый год моего попечительства был невероятно тяжелым (хотя, если подумать, ни один из последующих тоже легким не назовешь), но уже к концу первого года я твердо знала, что хочу заниматься именно этим. Воспитателю всегда практически сразу становится ясно, хочет он продолжить работу или нет, а уж по прошествии целого года и подавно. Я нашла то, к чему у меня было призвание, и награда за успех окупала все. Я не передумала заниматься патронатом даже потом, когда у меня появились свои дети. Различия между родными детьми и детьми, пришедшими в наш дом, пусть и самые незначительные, все же оставались. Я не считала себя святой или величайшей после матери Терезы альтруисткой, любые поступки мы все равно совершаем, преследуя собственные цели, и моей целью была радость от того, что я могу оказать помощь детям.

Пока мои дети были маленькими, я принимала подростков (рекомендуется работать с детьми, которые не являются ровесниками вашим). Эдриан и Пола выросли, и я стала принимать детей помладше. Может быть, поэтому мне не пришлось иметь дело с

наркотиками (что слишком распространено теперь среди молодежи), за что я особенно благодарна судьбе. Мои дети с самого рождения жили под одной крышей с моими воспитанниками, так что с этим они смирились абсолютно. Конечно, они нередко расстраивались из-за того, что им приходилось делить меня с другими детьми. Патронатным воспитанникам по определению требуется уделять больше внимания, и моим родным детям иногда казалось, что на них у меня не остается ни времени, ни внимания. Целый день я проводила с вверенными мне детьми, занималась какими-то делами, а в конце дня приходилось садиться за бумажную работу — и это отнимало последние часы или минуты, которые можно было отдать семье. Но, несмотря на это, мои дети никогда не вымещали своих чувств на приемных. Это чудо, что они сумели понять: их «братья» и «сестры» пришли сюда из неблагополучных семей и им пришлось нелегко в жизни. Мои дети сочувствовали им по-своему и по мере сил пытались облегчить их существование, каким бы проблемным ни оказывался ребенок, живший с нами. Это я замечала не только в своих детях — дети вообще зачастую проявляют куда больше понимания, чем можно ожидать.

За эти годы Эдриану и Поле тоже пришлось пройти через многое (особенно после того, как мы с мужем развелись), но они никогда не жаловались на проблемную детвору, периодически прибывавшую в наш дом. За эти годы мы перезнакомились со всеми возможными типами детей, и для большинства из них было характерно «вызывающее поведение». Практически всеми детьми, которые поступали ко мне, так или иначе пренебрегали родители, и как ни странно, понять именно это «вызывающее поведение» мне было проще всего. Если родители пристрастились к наркотикам или алкоголю или же страдали от какого-нибудь умственного недуга, они, естественно, не в состоянии были нормально воспитывать своих детей и заботиться о них так, как смогли бы, если бы только нашли силы справиться с собственными проблемами. Такие родители жестоки, но не намеренно, не так, как жестоко буквальное физическое и сексуальное насилие. Это скорее побочный эффект совсем другой проблемы. В лучшем случае ребенка вернут в родной дом, если удастся устранить причины (например, алкоголизм или наркоманию), повлекшие за собой такое безответственное отношение к собственным детям.

Ребенок, которому не уделяют внимания, переживает нелегкие времена и уже в крайне плачевном состоянии прибывает в мой дом. Он может бравировать, но оставаться при этом очень уязвимым. Бравада — это только маскировка полного отсутствия чувства собственного достоинства. Сорвиголова — это результат отсутствия дисциплины и родительского присмотра или просто желание привлечь к себе внимание. Злость и обида такого ребенка иногда являются последствиями ненормального образа жизни дома, где не было места определенности: не будет ли мама слишком пьяна сегодня? будет ли папа без сознания? не побьет ли меня? Часто границы между взрослыми и детьми стираются: кто о ком заботится на самом деле? Такие дети могут ломать вещи, воровать или манипулировать другими, просто стараясь самоутвердиться. Но можно ли винить их в этом, зная, в каких условиях они росли?

Обычно я находила общий язык с детьми с таким прошлым довольно просто: я обеспечивала им стабильность и благожелательное окружение, где хорошее поведение не оставалось без вознаграждения. Большинство детей искали одобрения, хотели нравиться и были способны забыть негативные модели поведения и принять новые, как только понимали: насколько, оказывается, проще и лучше жизнь с новыми порядками. Для многих будничная рутина становилась истинным избавлением от хаоса и непредсказуемости их прошлой жизни дома, и они быстро реагировали на спокойную обстановку в новой семье, ведь теперь они могли быть уверены в том, что будет происходить и в какой момент. Совсем простые вещи (например, где будет обед) могут стать спасительной соломинкой для проблемного ребенка, который знал в жизни только сомнения и разочарования. Стабильность безопасна. Стабильность дает возможность все делать правильно — а делать что-то правильно даже приятно, если тебя за это похвалят, оценят или наградят.

Конечно, наделе редко бывает так просто и гладко, как это звучит на словах. Иногда ко

мне попадали дети, которым оправиться от прошлых кошмаров могли помочь только специалисты. Многие из детей имели ограниченные возможности, задержки в развитии. Некоторых забирали из родительского дома слишком поздно, в переходном возрасте, когда дети прошли через такой опыт, который не даст им возможность оправиться уже никогда. Они были не в состоянии реагировать на благоприятную среду так, как может реагировать маленький ребенок, и потому их будущее выглядело куда более мрачно.

Тем не менее в моей фостерской практике бывали и удачи — дети возвращались в родной дом, за время их отсутствия ставший значительно лучше того, который они когда-то покинули.

Когда я приехала домой после встречи с работниками социальной службы, которая согласилась принять Джоди, я уже понимала, что с этой девочкой справиться будет сложнее, чем с кем бы то ни было. Я думала о том, как преподнести своим детям известие о нашем очередном пополнении. Вряд ли они обрадуются. У нас и раньше жили дети с «крайне непростым характером», и все мы хорошо представляли подобную ситуацию. Я подумала о Люси: она прожила с нами около двух лет и наконец полностью оправилась от своей драмы. Надеюсь, нервные вспышки Джоди не разбередят в ней старую рану. Эдриан в свои семнадцать лет умел сдерживаться, если только ситуация совсем не выходила из-под контроля, например когда с утра он не мог найти свою рубашку. А вот Пола меня действительно беспокоила. Она была чувствительной, уязвимой девочкой, и Джоди, хотя была на пять лет младше ее, вполне могла попросту запугать Полу. Эмоционально надломленный ребенок может привнести хаос даже в самую слаженную семью. Мои дети всегда прекрасно относились к чужим, которые делили с нами крышу, даже тогда, когда из-за них над этой крышей сгущались тучи, и у меня, в общем-то, не было оснований полагать, что в этот раз будет по-другому.

Вряд ли эта новость удивит моих чад. С тех пор как нас покинул последний подопечный, прошло уже несколько недель, и настало время новых свершений. Обычно между отъездом одного и приездом другого ребенка я брала перерыв недели на две, для физической и психологической разгрузки, чтобы у всех нас была возможность перестроиться. Помимо этого мне хотелось отойти от грустных воспоминаний и попрощаться с человеком, который успел стать для меня близким. Даже если дети покидают меня в приподнятом расположении духа и я вижу их прогресс и знаю, что их отправляют домой, к родителям, которые теперь уже точно будут проявлять любовь и заботу, — даже тогда какое-то время я сожалеею, что они ушли. Это мои маленькие личные утраты, и я к ним не привыкну никогда. Но через неделю или две я уже могу встряхнуться и снова ринуться в бой.

Я решила поставить детей в известность о том, что нас ожидает, за ужином, именно в эти часы мы обычно вели важные разговоры. Я считаю себя весьма современной матерью, но уверена, что по вечерам и выходным семья должна собираться вместе за столом, ведь это единственное время, когда все находятся дома.

На ужин в тот вечер была картофельная запеканка с мясом, которую так любят дети. Когда они набросились на еду, я спокойно произнесла:

— Помните, я вам говорила, что иду на предварительное собеседование? — Я решила напомнить им об этом, ведь они наверняка меня почти не слушали, когда я говорила это. — Там мне рассказали о девочке, которой нужен дом. Ну и я согласилась взять ее. Ее зовут Джоди, ей восемь лет.

Я посмотрела на детей через стол в ожидании реакции, но она практически отсутствовала. Дети были поглощены ужином. Тем не менее я знала, что они слушают.

— Боюсь, она очень неуравновешенна, ведь ей пришлось нелегко в жизни. В родной семье ей жилось просто ужасно, а сейчас она сменила уже нескольких опекунов. Если никто не возьмет ее к себе, ее могут отправить в приют, так что можете себе представить, что ее ожидает. Детдом... — подчеркнула я.

Люси и Пола посмотрели на меня, и я смело улыбнулась.

— Она как я, — беспечно заметила Люси. Ей пришлось изрядно поколесить по семьям, прежде чем она обосновалась у нас, так что тяготы переездов были знакомы ей не понаслышке.

— Нет. Ты переезжала, потому что твои родные не могли заботиться о тебе. Это не было связано с твоим характером. — Я умолкла, дав детям время попить намок.

— А что она натворила? — пробасил Эдриан; его голос недавно начал ломаться.

— Ну, она закатывала истерики, крушила все кругом, когда была рассержена. Но она еще маленькая, и я уверена, если мы все вместе постараемся, то сможем помочь ей.

— Она видится со своей мамой? — широко распахнув глаза, спросила Пола, вообразив самое худшее, что могло случиться в ее представлении: ребенок, который не видит свою мать.

— Да, и с папой тоже. Они видятся дважды в неделю в соцслужбе, под присмотром социального работника.

— Когда она приедет? — спросила Люси.

— Завтра утром.

Все посмотрели на меня, а потом переглянулись между собой. Завтра появится новый член семьи, к тому же не самый простой. Конечно, это любого выбьет из колеи.

— Не переживайте, — успокоила я. — Уверена, с ней все будет в порядке. — Теперь дети закончили ужинать и уже были готовы разбежаться по своим комнатам, так что мне нужно было поторопиться, и я перешла сразу к главному: напомнила им правила поведения, что делала всегда, когда приезжал очередной воспитанник. — Так что запомните, пока что мы о ней ничего не знаем, и, ради бога, будьте осмотрительнее. Если будете вместе играть, то играйте здесь, внизу, а не на лестнице. А ты, Эдриан, не заходи в ее комнату, даже если она попросит тебя открыть окно. Если произойдет что-то подобное, зови меня или девочек. И вот еще: никаких игр с физическим контактом, никаких салочек, пока все не прояснится. И разумеется, не пускайте ее в свои комнаты, понятно?

— Да, мам, — покорно проворчал сын. Конечно, он все это слышал уже не раз. Есть стандартные нормы поведения, которые приняты в домах всех фостерских семей, и мои дети прекрасно знали, как себя вести. Но Эдриан иногда бывал так наивен.

— И разумеется, вы все расскажете мне, если она доверит вам хоть что-то о своем прошлом, что вызовет ваше беспокойство. Возможно, с вами она наладит отношения раньше, чем со мной, — сказала я, обращаясь ко всем трим.

Они закивали. Сказано было уже достаточно. Общую ситуацию они уловили и в целом были отлично подготовлены. Дети в фостерских семьях очень быстро взрослеют (это следствие тех трагедий, свидетелями которых они являются), хотя и не так быстро, как сами подопечные, чье детство проходило в нечеловеческих условиях и ежедневной жестокой борьбе за выживание.

После ужина, как и следовало ожидать, дети рассредоточились по комнатам, и на дом снизошла тишина безмятежного вечера. Все прошло нормально, на это я и рассчитывала. Меня порадовали взрослые рассуждения моих детей, их понимание ситуации. «Пока все идет неплохо», — подумала я про себя, загружая посуду в посудомоечную машину. Потом уселась смотреть телевизор, не имея ни малейшего понятия, когда мне еще представится такая возможность.

ГЛАВА 3 Прибытие

Было промозглое апрельское утро. Дождь колотил в стекла, а я готовилась к приезду Джоди. Назначено было на полдень, но я была уверена, что ее привезут раньше. Я стояла в комнате, в которой будет жить Джоди, и пыталась увидеть все глазами ребенка. Была ли комната привлекательной и располагающей? На стены я прикрепила яркие картинки с

изображениями животных, постелила новое покрывало с большим нарисованным плюшевым мишкой. Еще я расставила на кровати мягкие игрушки, хотя, скорее всего, после жизни в нескольких фостерских семьях у Джоди уже должны были накопиться свои. Комната выглядела яркой и уютной (такая должна нравиться восьмилетней девочке) и ждала своего постояльца.

Напоследок я еще раз осмотрелась, вышла и закрыла за собой дверь, удостоверившись в том, что все необходимое сделано.

Я закрыла двери во все комнаты на этаже. Когда придет время показать Джоди дом, важно, чтобы она усвоила понятие приватности: будет проще, если наметить основные правила поведения уже в первые минуты.

Спустившись, я поставила чайник и принялась возиться в кухне. День будет беспокойный. Даже после стольких лет опекуна я продолжала нервничать. Прибытие нового ребенка — большое событие для фостерской семьи, пожалуй, не меньшее, чем для самого ребенка. Я рассчитывала, что Джоди приедет пораньше, чтобы мы с ней могли спокойно поговорить вдвоем и я могла бы как-то поддержать ее еще до того, как начнется бумажная волокита.

Было около половины двенадцатого, когда раздался звонок. Я открыла дверь и увидела Гэри. Он весь промок по дороге от станции. Я предложила полотенце и кофе и оставила его обсыхать в гостиной, а сама вернулась в кухню. Чайник еще не успел закипеть, когда в дверь снова позвонили. Я направилась к входу, надеясь увидеть на пороге Джилл. Не повезло. Это была Дейрдре, а с ней — другая женщина, которая приветливо улыбалась.

— Это Энн, моя коллега, — представила ее Дейрдре, пользуясь заученными протокольными фразами, — а это Джоди.

Я посмотрела вниз: Джоди пряталась за спиной! Энн, и мне были видны лишь пухлые ножки в ярко-красных штанах.

— Здравствуй, Джоди, — радушно произнесла я. — Меня зовут Кэти. Очень рада нашей встрече. Проходи.

Должно быть, она не хотела двигаться с места и вцепилась в пальто Энн, так как та неожиданно дернулась назад, чуть не потеряв равновесие.

— Ну хватит, — сказала Дейрдре и выхватила девочку из-за спины своей коллеги. Джоди была шустрее и, надо полагать, сильнее, потому что Энн еще раз пошатнулась, на этот раз в сторону. Слава богу, очень кстати решила выйти на сцену наша старая кошка, лениво прошествовав по коридору. Я не упустила этой возможности.

— Посмотри, кто пришел поздороваться, Джоди! — воскликнула я, чрезмерно восторгаясь видом нашей толстой и апатичной кисы. — Это Тоша! Она говорит «привет!».

Сработало — Джоди сдалась и выглянула из-за спины Энн посмотреть на кошку. У нее были серо-голубые глаза и широкий лоб. Соломенные волосы Джоди завязаны в хвостики, и уже по одному только ее наряду было видно, что предыдущие попечители не особенно хорошо заботились о ней. На Джоди были надеты ядовито-зеленого цвета футболка, куртка, красные штаны и резиновые сапожки. Никакой взрослый в здравом уме так не оденет ребенка. Ясно, что Джоди привыкла сама заботиться о себе.

Заинтересовавшись, она решила подойти и взглянуть на кошку ближе и в очередной раз толкнула Энн, вынуждая ту провести ее через порог, в коридор. Дейрдре прошла следом, а кошка предусмотрительно ускользнула. Я поспешила захлопнуть дверь.

— Убежала! — раздраженно крикнула Джоди.

— Не переживай, сейчас вернется. Давай снимем с тебя куртку, ты вся промокла... — И, не давая ей разразиться истерикой из-за того, что кошка убежала, я расстегнула молнию и постаралась отвлечь ее внимание. — Гэри ждет тебя в гостиной.

Она посмотрела на меня так, словно готова была ударить, но упоминание о Гэри привело ее в чувство — все же знакомое имя в незнакомом окружении. Джоди вытащила руки из рукавов куртки и тяжело зашагала по коридору по направлению к гостиной.

— Я хочу эту кису, — заявила она Гэри.

Женщины обменялись взглядами, которые должны были означать: «Господи, спаси эту женщину... Скорей бы уйти!»

Я предложила им кофе и пригласила пройти в комнату. Джоди нашла там коробку с конструктором «Лего» и теперь сидела скрестив ноги в центре комнаты и изо всех сил пыталась соединить две детали.

Вернувшись в кухню, я взяла четыре кружки и положила в них растворимый кофе. До меня донеслись тяжелые шаги — это Джоди появилась в дверях. Девочка выглядела нелепо, во всяком случае, мгновенно очаровать она была неспособна — должно быть, из-за вызывающей манеры держаться, а также из-за выражения лица — такого, словно она была постоянно настороже.

— Что там? — деловито спросила она, потянув за ручки кухонного шкафчика.

— Столовые приборы. Разные вилки, ложки, ножи. Мы возьмем их позже, когда будем ужинать. Расскажешь мне, что ты любишь есть?

Оставив в покое этот шкаф, она двинулась к следующему... и к следующему, намереваясь открыть их все. Я дала ей осмотреться. Меня не беспокоило ее любопытство — это как раз было естественно, — беспокоила нервозность в движениях, которая как будто «выпячивалась». Никогда прежде такого не видела.

Все шкафы были открыты, чайник закипел, я достала тарелку и упаковку печенья.

— Хочу печенье, — потребовала Джоди, рванувшись к пачке.

Я осторожно остановила ее:

— Минутку. Сначала давай мы вместе с тобой закроем все шкафы — мы же не хотим наткнуться на них, правда?

Она посмотрела на меня испытующе и с вызовом. Неужели никто раньше не запрещал ей что-то делать или так она проверяла меня? Повисла мертвая тишина, и в течение нескольких секунд Джоди взвешивала мое предложение. Я заметила, что она была слишком полной. Видимо, она вела себя тише, когда ела, — и ей давали еду, чтобы успокоить.

— Давай, — подтолкнула я ее и сама начала закрывать шкафы.

Она наблюдала за мной, потом со всей силы обеими руками захлопнула ближайший к ней шкаф.

— Осторожнее, вот так, — показала я, но Джоди не стала продолжать, а я не стала настаивать. Она только что приехала — хорошо, что она согласилась закрыть хотя бы один.

— Теперь печенье... — Я разложила угощение на тарелке. — Не могла бы ты мне помочь? Уверена, ты прекрасно справишься, я права?

И снова она посмотрела на меня испытующе, почти издевательски, но все же почувствовала какой-то интерес к тому поручению, что я ей дала.

— Джоди, отнеси это, пожалуйста, в гостиную и предложи всем печенье, потом можешь взять себе одно, годится?

Я сунула тарелку прямо в ее пухлые вытянутые ручки и задумалась: велики ли шансы на то, что печенье попадет по назначению нетронутым? Горка печенья покачнулась, когда Джоди повернулась. И тогда она взяла тарелку в правую руку, а левой накрыла печенье, что было хоть и не слишком гигиенично, но, по крайней мере, безопасно.

Я шла сзади и несла поднос с напитками, довольная тем, что она выполняет мою просьбу. Только я раздала чашки с кофе, как в дверь позвонили. Это был последний гость на сегодня. Джоди вскочила с места и ринулась в коридор. Я поспешила за ней.

— Негоже ребенку открывать дверь, даже если дома ждут гостей, — объяснила я Джоди, и мы открыли дверь вместе.

На пороге стояла Джилл. Она посмотрела вниз и мужественной улыбкой ответила на вызывающий взгляд пухлолицей девочки, глядящей на нее снизу вверх.

— Привет, — весело сказала она. — Ты, должно быть, Джоди.

— Я хотела сама, — закапризничала Джоди и ушла обратно в комнату.

Джилл вошла и поинтересовалась, все ли в порядке.

— Пока вроде неплохо. По крайней мере, без глобальных катастроф.

Я взяла у Джилл пальто, и она пошла в гостиную. Я сделала еще чашку кофе, и мы приступили к оформлению бумаг. Когда ребенка определяют в новую fosterскую семью, нужно заполнять многочисленные формы и пить много кофе. Гэри писал с каким-то остервенением.

— Только что закончил одно дело, — сказал он мягко, — не говоря уже о предыдущем, три дня назад. Кэти через «Э»?

Я подтвердила, потом сообщила ему индекс, имя и адрес своего врача. Джоди не впервые пришлось быть свидетельницей такой процедуры, по вполне понятным причинам. Она успокоилась, сидя рядом с Гэри, какое-то время наблюдала за происходящим и наконец решила, что пора опять проявить себя, — вскочила с места и убежала в кухню. Я не могла позволить ей оставаться там в одиночестве, даже если не брать в расчет риск, что она начнет шарить по шкафам, а ведь там находится множество предметов, способных, попав в ее неумелые руки, причинить серьезный вред. Я позвала ее, но она не ответила. Я пошла в кухню и обнаружила, что она дергает за ручку шкафчик под раковиной, где хранились чистящие средства, а потому защищенный детским замком.

— Ну хватит, Джоди, оставь это. Пойдем в комнату. Я потом тебе все здесь покажу. У нас с тобой будет еще столько времени, когда все уйдут.

— Хочу пить, — заявила она, дергая дверцу еще сильнее.

— Пожалуйста, но там ты ничего не найдешь.

Я открыла шкаф, где стояли напитки. Она уставилась на выстроенные в ряд разноцветные бутылки.

— Апельсин, лимон, смородина?

— Хочу колу.

— Мне жаль, но колы у нас нет. Она очень вредна для зубов. — «Не говоря уже о гиперактивности...» — подумала я про себя. — Может, яблочный? Пола, моя младшая дочь, любит яблочный. Скоро ты с ней познакомишься.

— Вот этот хочу. — Она попыталась забраться на стол, чтобы дотянуться до бутылки.

Я достала бутылку черносмородинового напитка, налила в стакан и вернулась в гостиную, где поставила напиток на столик. Потом поднесла Джоди плетеный стул детского размера, обычно он нравится маленьким.

— Как раз твой размер. Твое личное место.

Джоди меня проигнорировала, схватила стакан и плюхнулась на мое место, на диван рядом с Джилл. Я села около Гэри, а Джилл пыталась утихомирить Джоди и показывала ей игру в мобильном телефоне. Я немного понаблюдала за ней. Так вот, стало быть, этот ребенок будет с нами жить. Пока что рано было делать какие-то выводы. В первые дни в новом доме большинство детей показывают свой характер. И все же было в ней что-то особенное, что я не вполне могла определить: да, была ярость, было упрямство, но было что-то еще, с чем прежде мне не приходилось сталкиваться. Время покажет, говорила я себе. Я наблюдала за несогласованными движениями Джоди, за тем, как она облизывает верхнюю губу — почти виновато. Сейчас я заметила, что все это придает ее рассеянному лицу выражение какой-то бессмысленности, и мне пришлось напомнить себе, что у нее только «легкая», а не «сильная» задержка в развитии.

Четверть часа спустя все необходимые бумаги были заполнены. Я расписалась, и Гэри отдал мне мои экземпляры. Дейрдре и Энн немедленно поднялись, готовые уйти.

— Мы достанем вещи из машины, — сказала Энн. — Там довольно много.

Оставляя Джоди с Гэри и Джилл, я быстро натянула пальто и туфли. Пока мы несколько раз ходили к машине и обратно, мы успели промокнуть. «Довольно много» — это мягко сказано. Никогда мне еще не доводилось видеть столько сумок и мешков у ребенка на патронате. Они были расставлены по всему коридору, и, когда мы покончили со всем, женщины торопливо распрощались с Джоди. Она не обратила на это внимания, и это понятно — чувствовала, что от нее отказываются. Гэри посидел еще десять минут, рассказал Джоди обо мне и моей семье, потом тоже поднялся.

— Я хочу уйти, — нахмурилась она, подавшись к нему. — Возьми меня с собой. Я хочу в твою машину.

— У меня нет машины, — мягко ответил Гэри, — а ты останешься с Кэти. Вспомни, мы это уже обсуждали. Теперь здесь твой дом. — Он взял свой дипломат и почти дошел до двери, когда Джоди широко раскрыла рот и завопила. От этого вопля просто лопались барабанные перепонки. Я бросилась к ней, обхватила и дала Гэри знак идти. Он выскользнул, а я держала ее так, пока звук не утих. Не было ни капли слез, но щеки ее, прежде бледные, теперь налились краской.

Последней ушла Джилл. Она вышла в коридор и взяла свое пальто.

— Кэти, ты справишься? — спросила она, перед тем как шагнуть под проливной дождь. — Около пяти я позвоню.

Джилл знала: чем скорее мы с Джоди останемся вдвоем, тем скорее девочка освоится.

— У нас все будет в порядке, правда, Джоди? — ответила я. — Я покажу тебе дом, а потом разберем вещи.

Я уже приготовилась к очередному воплю, но она только уставилась на меня рассеянным, непонимающим взглядом. Мне стало ее жалко. Какой же потерянной она должна себя чувствовать в этом доме, шестом по счету за четыре месяца. Я взяла ее за руку, и мы проводили Джилл.

И вот мы вдвоем. Сколько раз я уже оказывалась в такой ситуации, оставляя у себя сбитого с толку, травмированного маленького человечка, терпеливо выжидая, пока он не освоится в незнакомой обстановке, но в этот раз я чувствовала нечто иное. В глазах этой девочки было что-то такое, от чего холодок пробежал по коже. Прежде — ни у детей, ни у взрослых — я не встречала ничего подобного. Я мысленно встряхнулась. Ну же, обманывала я себя, она маленькая девочка, а у тебя двадцать лет опыта по воспитанию детей, ничего такого сложного не может быть.

Мы вернулись обратно в гостиную, и как раз вовремя — объявилась Тоша. Я указала на нее Джоди, думая, что она поймает кошку, но девочке это было уже неинтересно.

— Я хочу есть. Хочу печенья. — Она рванула в кухню.

Я пошла за ней, вот-вот собираясь пуститься в объяснения, что много сладостей — это плохо, как вдруг я почувствовала едкий запах.

— Джоди, ты хочешь в туалет? — спросила я как ни в чем не бывало.

Она отрицательно покачала головой.

— Не хочешь какать?

— Нет! — Она оскалилась, и не успела я опомниться, как она сунула руку в штаны и размазала фекалии по лицу.

— Джоди! — Я в ужасе схватила ее за руку.

Она моментально зажалась, защищая лицо:

— Ты меня побьешь?

— Нет, Джоди, разумеется, нет. Я никогда так не делаю. Сейчас ты вымоешься, а в следующий раз, когда захочешь в туалет, скажи мне. Ты уже большая девочка.

Потихоньку я отвела «свое новое задание» наверх. Она шла за мной неуклюже грохоча, а по ее лицу были размазаны испражнения.

На что же я замахнулась?

ГЛАВА 4

Новая младшая сестренка

Родители в фостерских семьях тоже не святые. Мы просто обычные родители, чей дом и сердце открыты для еще одного ребенка. Но, включив душ и помогая Джоди раздеться и снять испачканное белье, я подумала: действительно ли так велико мое сердце? Я поставила ее под струю горячей воды и начала обмывать губкой. От тепла вонь усилилась, и я почувствовала, что меня вот-вот вырвет. Я закрыла рот и попробовала дышать носом.

Помыла ей лицо, руки, попу... Фигурой Джоди походила на грушу, что очень необычно для детей, и бедра у нее были как у взрослой женщины. Она вела себя послушно, поднимала руки вверх, но и не порывалась помочь. Ей нравилось, что с ней возятся как с маленькой. Меня утешало то, что хотя бы остальных моих домочадцев не было дома и никто не видел приветственную выходку новой подруги.

Это все озадачивало меня — Джоди вовсе не смущало происшествие, да и сомнительно, чтобы в ее возрасте ребенок был не в состоянии контролировать себя и просто чувствовать, когда нужно сходить в туалет. И что же, это было сделано намеренно? Да нет, не может быть. Возможно, все дело было в страхе.

Я помогла ей вылезти из ванны и закутала в полотенце.

— Джоди, вытирайся, а я уберу твои вещи в стирку.

Я подобрала грязную одежду и отнесла вниз, в стиральную машину. Добавила к порошку несколько капель дезинфектора и повернула рычаг до 80 градусов. Из ванной доносился голос Джоди, разговаривающей сама с собой. Я смутно слышала отдельные слова и фразы, которые не складывались вместе и звучали бессмысленно.

Я вышла в коридор, взяла самый большой чемодан и потащила его наверх.

— Ты как, Джоди? — спросила я, поднявшись.

Тишина, потом «нормально», после чего она снова погрузилась в бормотание, увлеченная своей тарабарщиной.

В ее комнате я раскрыла чемодан, извлекла оттуда спортивные штаны, свитер и белье и отнесла все в ванную. Она стояла там же, где я ее оставила, закутанная в полотенце, все еще мокрая.

— Давай, — подбодрила я, — вытирайся, ты уже большая девочка.

Она угрюмо помотала головой, и я принялась вытирать ее. Она была как сорокакилограммовый младенец, весьма нескладный, чем, вне всякого сомнения, была обязана многочисленным жировым складкам.

— Не хочу это, — сказала она, увидев одежду, которую я принесла.

— Ладно, когда ты высохнешь, мы вместе пойдем и что-нибудь выберем. У тебя есть из чего выбирать. Давай, пока ты не простудилась.

Она выскользнула из полотенца и поскакала через коридор к своей комнате, где тут же начала рыться в одежде. Она удовольствовалась розовыми шортами и футболкой. Я попробовала объяснить, что это не самый подходящий выбор для такой прохладной погоды, но, судя по ответам, я с тем же успехом могла обратиться к Джоди на китайском.

— Может, вот эти джинсы? — Я вытащила пару брюк. — А вот очень хорошая и теплая синяя кофточка к ним. Найди какое-нибудь белье и переодевайся, давай поторапливайся.

Джоди взяла трусики, втиснулась в них, потом продолжила рыться в одежде. Она все еще что-то бормотала, но, когда я попыталась вмешаться в разговор, она посмотрела на меня невидящим взглядом, а потом вновь возвратилась к своим поискам и невразумительному монологу. Наконец она остановила свой выбор на черных брюках и сером свитере и застыла на месте, ожидая, что я ее одену. Чтобы побыстрее разделаться со всем этим, я уступила, после чего стала разбирать груды сваленной одежды, раскладывать вещи по комодам и развешивать в шкафу. Джоди ничего не сказала про комнату, и когда я спросила, нравится ли ей здесь, она лишь посмотрела на меня ничего не выражающими глазами, затем взяла плюшевую игрушку и запустила ею в дверь.

— Это не мое! Не хочу! — Лицо ее все перекошилось от гнева.

— Хорошо, но не надо ее швырять. Наверняка у тебя достаточно своих игрушек. Эту я уберу, и мы достанем твои. Так тебя устроит, да? — Я собрала все игрушки и двинулась к двери.

— Ты куда? — спросила она, становясь все мрачнее.

— Спрячу их и принесу твои игрушки, — улыбнулась я и вышла, понимая, что очередной истерики кое-как удалось избежать.

Я кинула невостребованные игрушки на свою кровать, спустилась вниз и открыла несколько сумок. Они были набиты одеждой, одежды было какое-то невообразимое количество. Даже если бы Джоди переодевалась трижды в день, она бы всего этого в жизни не сносила. Вторая сумка, которую я открыла, оказалась битком набита дешевыми пластмассовыми игрушками: куклы, животные и сувениры из «Макдоналдса». Как набор для школьной лотереи. Я понесла сумку наверх.

— Посмотри здесь, — я старалась говорить пободрее, — а я разберу оставшиеся вещи. Под кроватью стоит коробка для игрушек, можешь сложить все туда.

Ее лицо смягчилось, и несколько минут мы возились рядышком, хотя я чувствовала, насколько хрупким было это перемирие. Я не ошиблась. Пятью минутами позже она швырнула пластмассового крокодила в ящик, бросилась прочь из комнаты и побежала в комнату Эдриана, которая была за соседней дверью.

Я поспешила за ней:

— Джоди, хочешь осмотреть дом сейчас? Мы можем распаковаться попозже.

А она уже нажимала на кнопки мобильного телефона Эдриана, который он оставил подзаряжаться у кровати. Я подошла и мягко забрала у нее телефон:

— Это мы трогать не будем — это не наше. Это комната Эдриана. — В сомнении она посмотрела на меня. — Это мой сын. Он сейчас в школе. Скоро вы с ним познакомитесь.

Она бросила телефон на пол, потом одним прыжком вскочила на кровать и начала неуклюже прыгать на ней. Я потянулась взять ее за руку:

— Пойдем, я покажу тебе другие комнаты, а потом приготовлю поесть.

Упоминание о еде разрядило атмосферу, и в один прыжок Джоди оказалась возле меня, пол под ней задрожал, а потом она двинулась дальше, в следующую комнату.

— Это комната Люси, — объяснила я, догнав ее. — Ей пятнадцать. Она с нами уже два года, скоро ты и с ней познакомишься.

Выбежав из комнаты, она бросилась к комнате Полы, где заметила сидящую на кровати тряпичную куклу.

— Мое! Мое! — вскричала она, прижимая ее к груди. — Хочу!

— Это Полы, — сказала я как можно мягче. — Это не простая игрушка, это подарок, ей подарили куклу на день рождения.

— Мое! — верещала она. — Хочу такую! Дай мне такую — или я тебя ударю!

Я нахмурилась и осторожно забрала куклу у нее из рук. Не таким ли способом она насобирала все свое барахло: купи — или ударю? Я вернула куклу обратно на подушку, потом взяла Джоди за руку и вывела из комнаты. Дверь в свою комнату я открыла ровно настолько, чтобы Джоди могла ее рассмотреть.

— Здесь сплю я, это моя личная комната. У каждого из нас своя комната, и мы не ходим друг к другу, если только нас не попросят прийти.

Она насупилась, и ее лицо исказила странная гримаса с неприятным выражением — злорадство! Она смотрела на двуспальную кровать.

— У тебя есть муж?

— Я разведена, — покачала я головой. — На этой огромной кровати сплю только я.

Она посмотрела на меня жалостливо, и я закрыла дверь, решив, что хватит ей уже смотреть на мою спальню. В коридоре я заодно решила ознакомить ее с принятыми в нашем доме правилами:

— Джоди, у нас у всех есть свои комнаты, и мы там держим наши личные вещи. Никто не придет без спроса в твою комнату, и ты не должна ни к кому входить, если только тебя не попросят об этом. Это понятно?

Она решительно кивнула, но мне показалось, что она это сделала скорее с целью побыстрее перейти к обеду, нежели выразить согласие.

— Я хочу есть! Хочу чипсов и шоколада. — Она загрохотала вниз по лестнице, врезаясь в перила. Я догнала ее только на кухне, где она уже распахнула настежь все шкафы и буфеты.

— Ладно, подожди минутку, я что-нибудь придумаю. — Я достала несколько пакетов с разными снеками и дала ей на выбор.

Она разорвала пакет с хрустящим беконом и принялась запихивать его в рот целыми горстями.

— С чем ты хочешь бутерброд? Ветчина? Сыр? Арахисовое масло? Джем?

— Джем и шоколадный сироп.

— Ну не на один же бутерброд, правда? — засмеялась я.

Но она только непонимающе уставилась на меня.

— Я хочу пить.

— Можно, пожалуйста, попить? — поправила я, решив, что никакого вреда не будет, если я немного поучу ее хорошим манерам. Я сделала ей один сэндвич с джемом и один с шоколадом, потом взяла стакан и налила ей апельсинового сока.

— Я сама, — сказала она, выхватывая стакан у меня из рук.

— Хорошо, только не так грубо. Не хватай, это невежливо. — Я показала ей, как открыть крышку, и пронаблюдала, как она наполняет стакан.

— Может, тебе помочь, Джоди? Тебе помогали дома? У твоих прежних попечителей?

Она шмякнула стакан на стол, затем приняла позу нагруженной заботами домохозяйки, уперев руки в боки и выставив подбородок с выражением упрямой сварливости.

— Стирай! Готовь! И вы, чертовы дети, все время под ногами. И зачем вы мне нужны? От вас одна головная боль!

Она играла — наверное, повторяла то, что слышала от своей матери, — но мне казалось, за этим кроется и определенная доля правды. Поскольку Джоди была старшей из троих детей, то вполне вероятно, что часть забот о брате и сестре ложилась на нее, в то время как ее родители, напившись или накачавшись наркотиками, были не в состоянии что-то делать. Весточка, которую Джоди передала из своего прошлого, напомнила мне, почему я ввязалась в это дело, и помогла собраться с силами и посмотреть правде в глаза: непостоянные настроения Джоди и ее постоянные требования не заставят себя долго ждать.

Точно не могу сказать, как я пережила первую половину дня. Мы не распаковали вещи, так как мне приходилось изо всех сил удерживать внимание Джоди, которая дольше двух минут ни на чем не могла сосредоточиться. Я показывала ей ящики с играми, которые мы успели изучить бесчисленное количество раз, пока я искала то, что могло бы увлечь ее. Ей нравились мозаики, но те из них, которые она хоть как-то могла собрать, состояли из небольшой горстки деталей и были рассчитаны на двухлетних детей. Мне не привыкать возиться с подопечными, умственное развитие которых создавало проблемы в обучении. И тем не менее я подозревала, что состояние Джоди было ближе к «умеренной», нежели «незначительной», задержке в развитии, как описал это Гэри.

Мы сидели рядом на ковре, но она будто не подозревала о моем присутствии. Джоди что-то невнятно бормотала себе под нос, называя имена Пол, Майк и Шон: «Видишь кусочек. Сюда. Лошадка. Говорила я тебе! Так и знала. Куда?» Это не были имена членов ее семьи или фостерских семей, о которых я знала; можно было предположить, что Джоди беседует с вымышленными друзьями. Это вполне нормально для детей, даже восьмилетних, но я никогда не видела, чтобы ребенок увлекался настолько.

— Кто эти ребята? — спросила я в конце концов.

Она отрешенно посмотрела на меня.

— Пол, Майк и Шон — они твои воображаемые друзья? Ты делаешь вид, что ты их видишь?

Я наткнулась на очередной непонимающий взгляд. Потом Джоди угрожающе заглянула мне за плечо:

— Майк, если не будешь следить за собой, я тебя побью до смерти.

Когда в половине четвертого домой вернулись Пола и Люси, я как раз пыталась втиснуть Барби в машину рядом с Кеном. Я услышала, как хлопнула входная дверь, а потом

и голос Люси, увидевшей сумки, которые у меня просто не хватило времени перенести:

— Боже, и сколько же их к нам приехало?

— Только Джоди, — ответила я.

Чтобы доказать это, Джоди вскочила и побежала в коридор.

— Вы кто? — спросила она, уперев руки в бока, снова вставая в позу сварливой хозяйки.

Девочки ничего не ответили, но я знала, о чем они подумали. Ее необычные черты лица и агрессивная поза давали понять, что это — не та младшая сестренка, на которую они могли рассчитывать.

— Вот и Джоди, — сказала я. — Джоди, это Люси и Пола.

Она задрала подбородок, словно говоря: «Дерзайте, если не страшно».

— Здравствуй, — процедила Люси.

— Привет, — тихо сказала Пола.

Джоди стояла у них на пути, и я мягко положила руку ей на плечо, чтобы подтолкнуть ее — отойти в сторону. Она дернулась от меня.

— Уходите! — внезапно закричала она на девочек. — Это мой дом! Вон!

Я была потрясена. Как она могла такое сказать после того, как я рассказывала ей о них и показывала их комнаты? Они рассмеялись — наверное, этого не надо было делать, но их вполне можно понять. Я не успела среагировать, когда Джоди кинулась на Полу и больно ударила ее в голень. С криком Пола отскочила назад.

— Джоди! Ты что вытворяешь? — закричала я на нее, повернув к себе ее лицом. — Это нехорошо! Ты не должна никого бить. Этот дом не меньше их, чем твой. Мы живем все вместе. Понимаешь?

Она нахмурилась.

— Ты как? — спросила я у Пола. Испытывать на себе агрессию моих подопечных ей (как и всем нам) было не впервой, но никогда еще это не происходило так скоро и так нагло.

Пола ответила, что она в порядке, и я отпустила Джоди, когда девочки поднялись по лестнице. Возвращаясь из школы, они всегда проводили свободное время, закрывшись в своих комнатах, пока я готовила ужин. Я завела Джоди на кухню и снова зарядила про то, что все мы одна семья. Я спросила, не хочет ли она мне помочь, но она скрестила руки и прислонилась к стойке, бормоча что-то, большей частью непонятное.

— Это не мое, — проворчала она.

— Картошка? — переспросила я. — Нет, я чищу картошку на ужин для всех.

— Для кого?

— Для кого ужин? Для всех нас.

— На машине?

— Нет. Ты приехала на машине. Сейчас мы на кухне.

— Где? — Она приподняла крышку на кастрюле, которую я только что поставила на плиту.

— Осторожнее, Джоди, обожжешься.

— Я гуляла.

И так далее. Джоди произносила бессвязные фразы, как будто вытаскивала слова в случайном порядке из какого-то мешка. Она помогла мне накрыть на стол, и я показала ей ее место. Мы всегда сидим на одних и тех же местах — так намного удобнее, да и дети уже давно привыкли.

— Пола! Люси! Ужин, — позвала я. Эдриан тем вечером играл в регби, так что его ужин остался на плите.

Девочки спустились, и все заняли свои места. Как только Джоди села, она вдруг разозлилась из-за того, что ей нельзя сесть на стул Люси.

— Люси всегда сидит здесь, Джоди, — объяснила я. — Это ее место, а это — твое.

Джоди бросила на Люси свирепый взгляд, а потом со всей силы толкнула ее локтем в грудь.

— Нет, Джоди! Это больно. Не делай так. Ты ведь хорошая девочка. — Я знала, что следует велеть ей извиниться, но это был наш первый совместный ужин, так что я решила спустить все на тормозах. Она все еще сидела, уставившись на Люси, которая осторожно отодвинулась подальше. — Ну же, Джоди, поешь, — предложила я. — Ты же говорила, тебе нравится жареная курица.

Открылась передняя дверь, и вошел Эдриан, грязный после матча. Под метр восемьдесят ростом, он был вынужден пригнуться, входя на кухню. Я надеялась, что его вид не покажется Джоди угрожающим, ведь он дружелюбен в общении, и дети всегда тепло к нему относятся.

— Эдриан, это Джоди, — представила я.

— Здравствуй, Джоди, — улыбнулся он, взяв свою тарелку и усевшись напротив нее. Джоди перевела взгляд с Люси на него, потом сползла со стула немного вниз и принялась лупить его ногами под столом.

— Джоди, прекрати, — твердо сказала я. — Не дерись больше ни ногами, ни руками. Это некрасиво.

Она покосилась на меня, потом наконец взяла свои нож и вилку и приступила к ужину. Незаметно я все время наблюдала за ней. Она едва справлялась с ножом и вилок, ее движения были настолько плохо скоординированы, что ей приходилось наклоняться совсем низко к тарелке, чтобы удалось донести еду до рта.

— Может, тебе дать ложку? — спросила я наконец. — Давай я сама порежу, и тебе будет легче.

— Мои перчатки, — сказала она, — жарко.

Потом Джоди зачем-то вскочила, трижды обежала вокруг стола, плюхнулась на место и начала есть руками. Жестами я приказала детям молчать, и ужин прошел в непривычной напряженной тишине. После его окончания я почувствовала облегчение и предложила Джоди помочь мне поставить посуду в машину. Зайдя на кухню, она заметила Тошу, спокойно сидящую возле обогревателя.

— Почему она на меня смотрит? — агрессивно спросила Джоди, как будто кошка могла что-то замышлять против нее.

— Она не на тебя смотрит, милая. Кошки часто сидят и смотрят в пустоту. Просто здесь ей очень тепло и хорошо.

Широкими, быстрыми шагами она приблизилась к Тоше, и я испугалась, что сейчас будет нанесен очередной удар.

— Ну хватит, — остановила я ее. — Тоше уже много лет, мы разрешаем ей спать здесь.

Я решила, что посуду помыть можно и потом, когда Джоди заснет, и мы пошли с ней в комнату. Пока Эдриан, Люси и Пола наверху делали уроки, я пыталась развлечь ее мозаиками и играми. К семи часам сил у меня не осталось. Все внимание нужно было сосредотачивать только на ней одной, постоянно держать ее занятой чем-то, а ее бессмысленная нескончаемая болтовня уже начинала действовать мне на нервы.

— Пойдем наверх и распакуем вещи, пока ты не легла спать, — предложила я.

Она встала с колен:

— Хочу в парк.

— Не сегодня, уже слишком поздно. А вот завтра пойдем, если будет хорошая погода.

Она повернулась ко мне спиной и заговорила с Дэвидом, очередным воображаемым приятелем. Мой слух улавливал отдельные слова: «Видишь... там», — и ни слова про парк или игры, в которые мы сейчас играли. Я успокаивала себя: со временем ее вымышленный мир растворится, и она почувствует себя в безопасности рядом с нами. После продолжительных уговоров мы все же пошли наверх. Там мы распаковали оставшиеся сумки, а в восемь помылись, переоделись и приготовились слушать сказку на ночь. Джоди отыскала книжку, которую привезла с собой, — «Три поросенка». Я прочитала ее дважды, потом уговорила Джоди лечь и пожелала доброго сна. Уходя, я потянулась к выключателю.

— Нет! — в ужасе завопила Джоди. — Не выключай. Боюсь темноты. Стой!

— Хорошо, милая. Не волнуйся. — Я не стала выключать свет, но хотела приглушить его, однако ей это тоже не понравилось. Она была согласна оставаться в постели только при полностью включенном свете.

— Дверь открыть или закрыть? — Я всегда спрашивала об этом воспитанников, когда они впервые ночевали у меня. Сон играет очень большую роль в том, будут ли они чувствовать себя защищенными, будут ли уверены в себе, да и во мне тоже.

— Закрой. Плотно.

Еще раз я пожелала ей спокойной ночи, послала воздушный поцелуй, после чего вышла и закрыла дверь. Подождала у двери и прислушалась. Пол заскрипел — было похоже, что она вылезла из постели и проверила, плотно ли закрыта дверь, после чего снова вернулась в кровать.

В девять дети спустились перекусить, мы все собрались в гостиной. Я включила телевизор, но не смотрела его, перебарывая события сегодняшнего дня.

— Ну что скажешь? — улыбнулась я Люси, когда она принесла мне чашку чая.

— Она странная, — ответила та и села рядом.

— Не нравится она мне, — добавила Пола и посмотрела на меня робко, ожидая ответа.

— А ты что скажешь, Эдриан? Каково первое впечатление?

— Похожа на куклу Чаки из ужастика. Ну та, которая была одержима дьяволом.

— Эдриан! — одернула я сына и в то же время с холодной дрожью осознала это сходство. Широкий лоб, уставившиеся на тебя серо-голубые глаза, отсутствие эмоций и отрыв от действительности — она вполне могла быть одержима. Я одернула себя: о чем я? Она просто девочка, которой пришлось через многое пройти, и ей нужна наша помощь — вот и все ужасы в ее истории. Я взвалила на себя эту ношу и теперь обязана быть с Джоди — столько, сколько буду ей нужна. Проблем, конечно, стало еще больше после того, как ее бросили люди, испугавшиеся первых же трудностей в общении с ней. Они сдавались, передавая девочку с рук на руки, — и я не могу с ней так поступить.

— Уверена, со временем все наладится... — Я старалась казаться спокойной.

ГЛАВА 5 Во вред себе

Возможно, потому, что мне не давал покоя витающий в мыслях образ одержимой бесом куклы, но среди ночи я проснулась. Мои чувства как будто обострились. Я повернулась и посмотрела на часы: 2:15. Прислушалась. Тишина. И все же что-то не так — подсказывало шестое чувство, выработанное годами присмотра за детьми.

Я вылезла из кровати и нащупала тапочки. В доме было холодно, так как отопление на ночь выключалось. Нашла в темноте халат, завязала потуже пояс и вышла в коридор. Меня охватил ужас: там стояла Джоди, а лицо ее было в крови.

— Что с тобой? Что случилось? — Я в отчаянии осматривала ее лицо, шею, пытаюсь понять, откуда идет кровь. — Где тебе больно? Скажи мне! Ну не молчи! — Я не могла ничего рассмотреть, но кроит, была свежая.

Как будто в трансе она медленно подняла руки и показала мне ладони. Они тоже были в крови, но следов порезов я не видела. Засучила рукава ее пижамы — порез был на левой руке, несколько сантиметров в длину, из него слегка сочилась кровь. Я притащила ее в ванную, открыла кран и подставила порез под холодную воду. Она даже не вздрогнула, и я заподозрила: не ходит ли она во сне?

— Джоди! — громко позвала я. — Джоди! Ты меня слышишь?

Она с ухмылкой уставилась на свое отражение в зеркале, и я поняла, что Джоди не спит.

— Что стряслось? Как тебя угораздило?

Взглядом она ответила на мой взгляд в зеркале, но ничего не сказала. Я тщательно

промыла рану и осмотрела ее. Она была неглубокой, швов не требовалось, и столько крови не должно было быть. Как будто Джоди специально размазывала кровь, для большего эффекта. Но как? И зачем? Никто не упомянул о том, что Джоди склонна к членовредительству, но похоже, что это было не впервые. Я пригляделась: действительно, были заметны и другие тонкие розовые полоски шрамов на обеих руках, сложно сказать какой давности.

— Стой здесь. Я схожу вниз и принесу бинт.

Она вновь ухмыльнулась. Странная, невеселая усмешка таила в себе смысл, который я не могла уловить, и от этого бросало в дрожь. Я положила ей на руку чистое полотенце, потом пошла в кухню, где достала из аптечки большой пластырь. У меня в голове вертелись разные мысли. Хуже всего было то, что Джоди сделала это без всякого повода, который бы указывал на то, что она чем-то расстроена. Как и в тот раз, с испражнениями, ей были присущи холодное спокойствие и отрешенность, такая несвойственная для ребенка. Как будто она не чувствовала боли или вовсе не сознавала того, что делала. Она не заплакала, когда порезала себя. Я бы услышала, ведь за годы работы попечителем мой сон стал чутким. Внезапно у меня перед глазами всплыл образ Джоди, тихо сидящей в своей комнате и выжимающей из пореза кровь, чтобы вымазать ею лицо. Это пугало.

Вернувшись в ванную, я увидела, как Джоди смотрит в зеркало и корчит гримасы, но не от боли. Она словно пыталась стать как можно уродливее и кривила лицо так и сяк, обнажая зубы в зловещей ухмылке. Я оторвала наклейку на пластыре, залепила порез, после чего отмыла ей лицо и шею. Теплой водой с мылом я вымыла свои руки, слишком поздно вспомнив, что, обрабатывая раны, нужно надевать перчатки, чтобы не допустить инфекции. В панике и спешке я об этом забыла.

Только когда Джоди, чистая и сухая, снова была в порядке, я поняла, что все возвращается в норму.

— Все хорошо, Джоди, — успокоила я. — Пойдем назад в кровать.

Она по-прежнему не отвечала. Я повела Джоди обратно, и тут из комнаты вышла Люси.

— Что такое, Кэти? — спросила она, едва разлепив глаза спросонья.

— Все нормально, не волнуйся. Завтра расскажу.

Она кивнула и поплелась спать.

В комнате Джоди одеяло было свалено на пол. Крови на нем не было, но сверху я заметила маленький нож.

— Откуда это у тебя? — Я старалась, чтобы в голосе не звучало обвинительных интонаций.

Наконец она заговорила:

— Это Хилари и Дэйва. — Она назвала имена ее предыдущих попечителей.

— Они знают, что он у тебя?

Она невнятно потрясла головой, как будто ее на чем-то поймали. Едва ли у меня получилось ее разговорить. Я была зла на попечителей, которые оставили нож в пределах досягаемости ребенка. Впрочем, это было объяснимо. Только по опыту я узнала, что, если оставить ребенка на кухне всего на несколько мгновений, это может обернуться крупными неприятностями.

Однажды у меня на попечении находился подросток со склонностью к членовредительству, но я никогда не слышала, чтобы такое встречалось среди детей младшего возраста. Если дома ребенок подвергался избиениям, он зачастую не любит собственное тело и безразличен к боли. Осознанное причинение себе боли вообще встречается не так часто, но и тогда остается прерогативой подростков. Впервые слышу, чтобы восьмилетний ребенок по доброй воле наносил себе рану. Это меня очень встревожило.

— Ты взяла у них еще что-то? — мягко спросила я.

Она отрицательно покачала головой, но я все же осмотрела комнату, после чего перестелила постель.

— Давай залезай. Поговорим об этом утром.
Она яростно замотала головой.
— Парк, — потребовала она. — Хочу в парк. Ты сказала.
— Сейчас середина ночи, Джоди. Пойдем в парк завтра. Никто не гуляет по парку в темноте. Он закрыт.
— Открой!
— Не могу, у меня нет ключа... — До меня стала доходить абсурдность этого разговора. — Джоди, марш в постель и спи, пока ты не перебудила весь дом.
— Нет! Не хочу! — Она рванулась к двери.
Я слегка удержала ее за пояс и мягко развернула к себе:
— Ты же умница, ложись в постель, и я расскажу тебе сказку. А утром пойдем в парк. Когда будет светло.

Она сначала попыталась вырваться, но потом дернулась обратно к кровати и улеглась. Я натянула одеяло ей до самого носа и смотрела на маленькую головку на подушке. Светлые волосы падали на лицо. Присев рядом, я гладила Джоди по лбу до тех пор, пока черты ее лица не смягчились...

— Джоди, у тебя, наверное, очень плохо на душе, если ты решилась порезать себя. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Но ее глаза уже закрывались под тяжестью сна.

— Сказку, — пролепетала она. — Ты паасенка.

— Хорошо. — Продолжая поглаживать ее лоб, я начала рассказывать «Три поросенка» — сказку, которую знала наизусть. Глаза девочки закрылись, и она засопела. Я поцеловала ее в щеку, тихо вышла из комнаты и прикрыла дверь.

В пять часов меня разбудил страшный грохот. Я влезла в халат и тапки... и бросилась в комнату Джоди, плохо соображая оттого, что не выспалась. Я торопливо постучала и вопит:

— Джоди! Что ты делаешь?

Она уже встала и оделась. У нее в руках был футбольный мяч, а содержимое полок валялось на полу.

— Убери это, — сердито сказала я. — Ты не будешь играть здесь в мяч.

— Буду. — Защищая мяч, она крепко прижала его к груди.

Я подошла, чтобы забрать его, но Джоди только сильнее сжала руки. Я разозлилась на себя: должна же я понимать, что такой шаг только усилит оборону с ее стороны! Надо было менять тактику...

— Ладно, Джоди. Ты сейчас положишь мяч и вернешься в кровать. Если не сможешь заснуть, тихонько сиди, разглядывай книжки. Я скажу, когда пора вставать.

Ответа я не ждала, сразу вышла и закрыла дверь. Может быть, она, не имея возможности раздуть конфликт дальше, и сделает, как я велела. Я подождала, прислушиваясь. Комната погрузилась в тишину, а я вернулась к себе и улеглась под одеяло. Спустя пять минут послышалось, как открылась одна дверь, потом другая. В одной ночной рубашке я выбежала из спальни и увидела, что была открыта дверь в комнату Эдриана. Подбежав, я увидела, как Джоди пытается забраться к сыну в постель.

— Джоди, слезь, — закричала я. — Сюда нельзя!

Я стянула ее с кровати. Она была крупной и неподатливой — ноша практически неподъемная. Эдриан вздохнул и отвернулся. Я взяла ее под мышки и вынесла из комнаты. Она спрыгнула на пол, скрестила руки и скорчила гримасу. Вздохнув, я присела рядом с ней на колени:

— Джоди, ты не можешь оставаться здесь, солнышко. Возвращайся в свою комнату, и мы включим тебе телевизор. Все еще спят.

Она раздумывала над этим с минуту, потом встала на четвереньки и уползла к себе, громко стуча по половицам. Я проследила за ней, довольная, что хотя бы здесь удалось добиться согласия. Она села на полу в своей комнате, скрестила ноги и в ожидании

уставилась на пустой экран. Я включила телевизор и пощелкала пультом. Даже для детских передач было слишком рано, но вот футбол ее вроде заинтересовал.

— Не включай громко звук, — прошептала я, — чтобы никого не разбудить.

Я укутала ее в одеяло, потом вернулась к себе за халатом и тапочками, спустилась вниз и включила отопление. Возвращаться спать не имело смысла. Заснуть я уже не смогу — моя голова гудела и раскальвалась от всего того, что произошло. Я приготовила кофе и пошла в гостиную. Комната Джоди была прямо наверху, и там было тихо. Я села на диван, откинула голову на подушки и сделала глоток. Внезапно покой был нарушен громким глухим мужским голосом. Я напряглась: шум мог переполошить всех домашних. Я вернулась в комнату Джоди и выключила телевизор.

— Это мое, — взвизгнула она и бросилась на меня, готовая вцепиться мне в лицо. — Хочу телевизор! Уходи! Уходи к черту из моей комнаты!

Я схватила ее за плечи и постаралась удерживать на расстоянии вытянутых рук:

— Джоди, успокойся и послушай. Я просила тебя сделать звук тише. Все снят, и ты разбудить их таким шумом. Когда ты успокоишься, мы снова его включим. Ясно?

Она посмотрела мне в глаза:

— Хочу телевизор.

— Знаю, но криками и руганью ты его не получишь... — Я слишком устала, чтобы читать нотации. — Теперь присядь. Я включу телевизор, но убавим звук.

Она снова села на полу скрестив ноги, и я включила телевизор. Пульт я положила в карман халата и вернулась в гостиную. Я села и зевнула. Наступало ясное весеннее утро. Первая ночь была позади.

ГЛАВА 6

Очень трудный ребенок

— Ты не должна биться, пинаться, кусаться и лягаться, — сказала я уже в третий раз за утро. — Не трогай ни Люси, ни Полу, ни меня — никого. Ты делаешь людям больно. Это плохо. Ты понимаешь? Тебе понятно?

Она ничего не ответила. Было около половины двенадцатого, суббота — следующий день после приезда Джоди, и девочки спустились вниз после долгого выходного сна. Джоди поприветствовала Люси пинком.

— Не хочу снова повторять тебе, Джоди. Я ведь все попятно объяснила.

Она скорчила мину и выскочила из комнаты.

— Прости, Люси, — сказала я.

Она кивнула. Мы все понимали, что с агрессивным поведением Джоди ничего не поделаешь, разве что нужно постоянно твердить: это плохо, так поступать нехорошо. В следующую секунду Джоди стремглав влетела в комнату и сжала кулаки:

— Они! Я вас всех побью до смерти! Вон! Ненавижу вас!

Ее глаза сверкнули. Она попыталась ударить на этот раз Полу, но та ловко увернулась. Я метнулась к ней и чуть не получила удар, уже предназначавшийся мне.

— Джоди, — я старалась говорить спокойно, — Джоди, прекрати и подойди сюда.

Она закричала, потом бросилась на колени и начала яростно себя лупить... Джоди колотила себя по голове кулаками — было видно, что она старается причинить себе боль. Я нагнулась и, перехватив ее руки, скрестила их перед ней. Она продолжала кричать и сучить ногами, но без рук она не могла ничего сделать ни себе, ни мне. Я обхватила ее плотнее, так, чтобы ее спина оказалась на моей груди. Вопли достигли своего апогея, она била ногами изо всех сил, но постепенно затихла. Я терпеливо ждала, когда она успокоится, потом немного ослабила хватку.

— В порядке? — спросила я, прежде чем окончательно высвободить ее.

Джоди кивнула, и я развернула ее лицом к себе. Мы обе были на полу. Ее щеки пошли красными пятнами. Она выглядела удивленной — возможно, оттого, что я справилась с ее

гневом, а не ушла в другую комнату, чтобы обезопасить себя. Потом я помогла ей подняться, отвела в кухню, умыла и дала попить. Теперь она успокоилась — спокойнее, чем сейчас, я ее с самого приезда не видела. Надеюсь, что-то утихомирилось у нее в душе.

На пороге кухни появилась Пола.

— Джоди, не хочешь поскладывать со мной пазлы? — спросила она как ни в чем не бывало.

— Отличная мысль, — похвалила я, удивляясь стойкости и благородству Пола. Она понимала, что агрессия Джоди не направлена непосредственно на нее. Джоди была готова наброситься с кулаками на весь мир за то, что она столько выстрадала, и кто бы ни стоял на ее пути — он должен отведать частичку ее боли. Пола понимала это и была готова все забыть и предложить свою дружбу и компанию. Я была так горда ею в этот момент!

— Пойдем выберем? — предложила Пола.

Мы нашли мозаику и остались в гостиной, где разместились Пола и Джоди. Потом я вернулась в кухню готовить обед. Было слышно, как Пола подсказывает Джоди, куда нужно вставлять фрагменты, и как Джоди ей отвечает. «Вот так, умница. Ты справишься...» Она твердила это, как маленькая старушонка, но хорошо хотя бы то, что она была мила с Полой. Внимание Джоди было завоевано ненадолго, и очень скоро ей стало скучно, тогда Пола разложила на кухонном столе бумагу и стала учить ее рисовать, а я тем временем готовила чай. Джоди едва держала кисточку и никак не могла ухватить сам принцип рисования предмета.

— Что ты рисуешь?

— Темноту.

— Это овечка или лошадка? Похоже на большую лошадь.

Джоди не отвечала, сосредоточившись на своем аляповатом творении.

— Может, возьмешь синей краски и нарисуешь небо?

— Нет. Черный.

Несмотря на воодушевление Пола, Джоди не рисовала ничего, кроме больших темных пятен, не прикасаясь к другим цветам, не желая, чтобы рисунки изображали хоть что-то. Мне уже приходилось наблюдать такое. Дети, которые вытерпели невзгоды и насилие, очень часто используют только темные краски, как будто их восприятие «закрылось» и они не замечают ничего вокруг себя, ни цветов, ни форм, — ничего из того, что замечают нормальные дети.

Мы пообедали в относительно спокойной атмосфере. Хотя мне казалось, что уже время ужина — так давно я была на ногах. Вторая половина дня проходила мирно, и я подумала, что сейчас самое время сфотографировать Джоди, так как в социальной службе требовался ее снимок для документов. Я взяла фотоаппарат и объяснила Джоди, что и зачем хочу делать.

— Ты не будешь против, если я тебя сфотографирую, милая? — Было необходимо предоставлять Джоди как можно больше свободы выбора, чтобы укреплять в ней чувство стабильности и безопасности.

Она пожалала плечами, что я расценила как согласие. Пола сдвинулась вбок, чтобы в кадр попадала одна Джоди. Я посмотрела в видоискатель и поймала в центр кадра ее голову и плечи на фоне стены.

— Можешь улыбнуться, Джоди. — Она выглядела очень строгой.

Ее губы растянулись в глуповатой улыбке, потом поднялась одна рука, и Джоди пропала из кадра.

— Очень смешно, Джоди. Давай поднимайся. — Я продолжала смотреть в камеру.

И тут поднялась вторая рука — в ней был зажат свитер.

Я опустила камеру:

— Джоди, ну что ты делаешь?

— Раздеваюсь.

— Зачем? — спросила Пола и быстро натянула на нее свитер.

Она не ответила. Она смотрела на меня, но не гримасничала, так что я быстро сделала фотографию и закрыла объектив.

— Джоди, никто не раздевается, чтобы сфотографироваться, — сказала я. — Зачем ты это сделала?

Она взяла фрагмент мозаики и попробовала пристроить его.

— Захотела, — она понизила голос, — захотела... Моя одежда.

— Знаю, милая, но зачем раздеваться для фотографии? Я не просила тебя.

Она повернулась к Поле.

— Ты сможешь, дочка, или нет? — Я улыбнулась Поле и кивнула, чтобы она продолжила. Я пошла к своему шкафу с документами, который стоял под лестницей, и раскрыла бумаги. Нужно было изучить заключение о поведении Джоди, а заодно сделать запись в журнале. Я достала ежедневник, который предоставило агентство, и присела, чтобы записать все, что успело произойти за это время. «Журнал» — это ежедневные заметки о состоянии ребенка, его ведут во всех fosterских семьях. В нем фиксируются изменения в поведении, после чего извещают о новостях социальных работников, а иногда даже эти записи используют в качестве свидетельства в суде по делам об опеке. Я тщательно старалась вовремя заполнять его, потому что, как никто другой, знала, как один инцидент может смешаться и перепутаться с другим и как беспокойные ночи сливаются в одну, похожую на все предыдущие, если не описать все происшествия своевременно. Детали очень важны: только подробные записи могут помочь систематизировать и классифицировать поведение ребенка. Я в точности описала все, что успело произойти с Джоди: ее ночное саморанение, ее отрешенность, склонность бросаться на людей и вспышки агрессии, сопровождаемые попытками причинить себе боль, да еще эта странная и тревожная реакция на просьбу сфотографировать ее. Почему она стала раздеваться? Я решительно отказывалась от поспешных выводов. Мне нужно было принять Джоди такой, какая она есть, а потом проанализировать все ее поступки.

Весь день мы с детьми по очереди развлекали Джоди, но, несмотря на все наши старания, вдруг, ни с того ни с сего, она выкинула еще один фокус. Сначала я даже позволила ей закатить истерику на несколько минут, надеясь, что силы ее иссякнут. Но этого не произошло, а высокочастотный вопль стал невыносим, и тогда я схватила ее, как и в первый раз, и держала, пока она не успокоилась. Позже я сделала в журнале еще одну запись о переменчивости настроения Джоди. Я долго писала.

Наши первые выходные с Джоди вымотали и издергали всех. И хотя никто не произнес ни слова, было очевидно, что на уме у всех одно и то же. Но это были самые первые дни, а мы по собственному опыту знали, что дети со временем иногда исправляются, даже если вначале их поведение и бывает пугающим.

— Она очень трудный ребенок, — сказала я Джилл в понедельник, когда та позвонила и поинтересовалась, как у нас дела. Я рассказала ей и о порезах, и о вспышках грубости и агрессии.

— Да, нехорошо, — сказала Джилл. — Это серьезное расстройство в поведении, особенно в таком возрасте. Как тебе кажется, ты справишься с ней?

— Я должна попытаться. Она здесь без году неделя. Я готова дать ей столько шансов, сколько понадобится. Кроме того, мы ведь с самого начала знали, что будет непросто. Что же теперь удивляться? Кстати, я в подробностях записываю все, что у нас происходит.

— Отлично. Нам нужно взять твои записи и все посмотреть. Ты, определенно, лучшая из тех, с кем Джоди могла бы остаться, так что, пока тебя все устраивает, я спокойна и знаю, что она в надежных руках.

Я прислушалась, не появилась ли поблизости Джоди (она смотрела по видео детскую передачу), потом зачитала Джилл записи и подумала: нельзя ли к этому добавить что-нибудь положительное?

— Она хорошо ест. Настоящая обжора, если честно. Нужно как-то умерять ее аппетиты. Вчера ее даже затошнило. Но вообще, кроме здорового аппетита, увы, мало что

говорит в ее пользу.

— Как думаешь, ее вообще можно содержать в семье, Кэти? Если нет, муниципалитет начнет поиски подходящего приюта, а их не так много. Я очень доверяю твоему мнению.

Комплимент был мне приятен, но едва ли утешал. Я была на грани срыва и все же должна была найти в себе силы — я не могла опустить руки, даже не приступив к работе.

— Завтра у нее встреча с родителями, а на следующей неделе ее педагог заглянет к нам на пару часов. Может быть, знакомые лица помогут ей адаптироваться. С этим педагогом она занимается с сентября.

— Ладно, Кэти, посмотрим, что будет дальше. Я поставлю в известность Эйлин. Чем вы сегодня будете заниматься?

— Шопинг-терапия. Вояж в «Теско».

Джилл рассмеялась:

— Счастливого пути!

Похоже, Джоди нравилось ходить за продуктами, в отличие от остальных членов семьи, для которых не было наказания хуже, чем поездка в супермаркет. Джоди была здесь в своей стихии, возила тележку взад-вперед, подсказывала мне, что нужно брать и чего не нужно. Энтузиазму ее не было предела, так что мне пришлось умерять ее пыл и возвращать кое-какие продукты на полки.

В этом не было ничего необычного. Дети, которых забрали из неблагополучных семей, часто полагают, что все проблемы можно решить с помощью толстого кошелька. Некоторым из тех, за кем я присматривала, отчаянно хотелось материальных благ. В их родных домах деньги, как правило, не водились, а когда водились, то быстро спускались на выпивку, дурь или наркотики. Когда я покупала воспитанникам скромные угощения, восторгу их не было предела: уж чем-чем, а плюшками их баловали крайне редко. Но всегда приходилось осторожничать и следить, чтобы ожидания ребенка не были чрезмерными, иначе вскоре он становился слишком требовательным, полагая, что ему — обязаны дать все, чего он только пожелает. Джоди была не из их числа. Судя по количеству багажа, да и по ее весу, недостатка во вкусной еде она не испытывала и уже привыкла получать все по первому требованию. Оставалось надеяться, что, ограничивая ее требования до разумных пределов, я не натолкнусь на жесткое сопротивление, но наш совместный опыт подсказывал мне, что стоит готовиться к новой битве.

— Три пачки хлопьев — это много, — сказала я. — Выбери одну, остальные мы уберем.

Она, конечно, хотела их все, и все виды печенья, и все десерты в холодильнике, так что я вытаскивала из тележки не меньше, чем клала в нее, но Джоди была хотя бы чем-то занята и довольна.

На еженедельную закупку у нас ушло без малого два часа, и мы наконец добрались до кассы, где Джоди заметила лоток со сладостями, исключительно «умно» расположенный в проходе. Я принялась выгружать содержимое тележки на ленту и разрешила ей выбрать себе шоколадку в награду за то, что она была такой умницей и помогла мне.

— Одну, — повторила я, как только упаковки с конфетами посыпались в тележку. Но я уже видела, что ее прежняя готовность идти на контакт иссякла. — Возьми шоколадное драже, ты же его любишь.

— Хочу все! — закричала она и демонстративно уселась на пол.

Женщина, стоявшая за нами, явно осуждала такую бездарную мать, как я, и бросила на меня укоризненный взгляд. Я выгрузила последние покупки, в том числе и драже, на конвейер и вернула остальные конфеты на место. Краем глаза я наблюдала за Джоди. В ней закипала ярость: она скрестила ноги, сложила руки и издевательски усмехнулась. Девочка сильно пнула тележку, и та полетела прямо в меня. Я стиснула зубы, чтобы не показать, как мне больно, протолкнула тележку через проход и поставила у конца кассы, чтобы складывать в нее пакеты с покупками.

— Не хочешь помочь мне упаковаться? — попробовала я отвлечь ее. — Ты мне здорово помогла сегодня, и я думала, что и сейчас сможешь.

Она отказывалась смотреть на меня, и я не знала, как же мне вытащить ее с прохода, но твердо решила, что этим скандалом на людях она уж точно своего не добьется.

— Не хочу эти конфеты. Мне они не нравятся, — неожиданно закричала она.

— Не кричи, пожалуйста. — Я посмотрела на нее. — Я же сказала, можешь выбрать любые, но побыстрее. Мы уже почти закончили.

Люди, уже не стесняясь, глазели на нас. Джоди в раздражении вскочила на ноги, ухватила большой пакет леденцов и запустила им в кассиршу.

— Джоди! — Я повернулась к кассирше, которая обменялась красноречивыми взглядами с женщиной позади нас. — Простите, пожалуйста.

Я заплатила по счету, еще раз извинилась, и мы ушли. Выйдя на улицу, я не обращала внимания на просьбы Джоди дать ей конфет и быстро катила тележку к машине. Открыла дверь, усадила Джоди и пристегнула ее ремнем:

— Сиди здесь. Я положу пакеты в багажник. Ты разозлила меня, Джоди. Ты вела себя отвратительно.

Я подглядывала за ней через заднее стекло. Челюсти ее были сжаты, но она бормотала что-то себе под нос и пинала переднее сиденье. Представляю, что она чувствовала. Мне самой хотелось ударить... и не только сиденье. В магазине была чудовищная сцена, а впереди ждали еще большие неприятности. Потакать таким выходкам — не решение проблемы, ни для меня, ни для Джоди, если речь идет о длительном сроке совместного пребывания.

Я отвезла тележку назад и уселась на свое место.

— Дай мне конфеты, — проворчала она, — сейчас хочу.

— Только когда ты успокоишься, Джоди, и извинишься. Я не потерплю такого поведения на людях.

— Дай, или я накакаю здесь, — пригрозила она.

— Что ты сказала? Нет уж, этого ты не сделаешь! Так вот, значит, подумала я, она готова наложить кучу, если ей не дадут того, что она попросит. Не так ли было и в первый день? Намерение во что бы то ни стало получить желаемое, а не страх или неконтролируемое опорожнение кишечника? И насколько мне не хотелось, чтобы она испортила мою машину, настолько же не хотелось уступать шантажу.

— Джоди, если ты сейчас это сделаешь, конфет не получишь весь день. Ты не можешь просто покричать и получить все, что захочешь. У твоих прежних попечителей наверняка такого не было.

— Было. Я все получала. Я заставляла их.

Я завела машину и тронулась к выезду. Не сомневаюсь, она сказала чистую правду. Немудрено, что прежние попечители Джоди, учитывая ее скандальное поведение, уступали просьбам, чтобы только заставил, ее затихнуть. Наверняка именно так у нее и набралось то количество тряпок и игрушек, с которыми она приехала ко мне. Я взглянула в зеркало заднего вида. Она показала язык и снова стала пинать мое кресло.

— Джоди, я думаю, это будет тебе уроком, дорогая моя. Плохим поведением ты не добьешься того, чего хочешь. А даже совсем наоборот.

— У меня и дома было все что нужно, — сказала она на удивление связно.

— Да ну, — равнодушно отвечала я.

— Чтобы я не рассказала, мне все давали.

Я замялась:

— Не рассказала что, Джоди?

Последовала долгая пауза.

— Ничего. Теперь мне можно конфеты, Кэти? Прости. Я больше не буду.

— Хорошо, как только приедем домой.

Когда мы выехали на шоссе, кислый запах с заднего сиденья дал мне понять, что

Джоди привела свою угрозу в исполнение. Как только мы окажемся дома, нам предстоит еще одна неприятная процедура в душе.

ГЛАВА 7 Свидание

— Предыдущие опекуны что-нибудь говорили о дефекации как средстве контроля? — спросила я Эйлин, социального работника Джоди, на следующий день, когда та позвонила. Это был наш первый разговор со дня предварительного собеседования, и я была рада слышать ее. Хороший социальный работник может немало облегчить задачу, и я надеялась, что мы с Эйлин сможем помочь друг другу, работая сообща. — Она угрожает сходить под себя, если ей не дадут того, что она хочет, и уже дважды она так и сделала. Первый раз я списала все на волнение, но второй раз это было в машине, после того как я отказалась покупать ей все конфеты, которые она захотела. Она пригрозила наложить кучу на заднее сиденье и сдержала слово.

Эйлин замешкалась. Я была уверена, что она ответит «да», хотя, возможно, и в более обтекаемых выражениях. Порядок поступков Джоди был слишком отработан, чтобы это проявилось в моем доме впервые. Хотя бы некоторое время она уже должна была прибегать к дефекации как способу шантажа.

— Наверное, это есть в ее деле. А что? У вас какие-то проблемы?

Сама мысль о том, что ребенок, который угрожает нагадить в машине, если не исполнят его желание, и потом-таки выполняет свою угрозу, может не представлять собой проблему, рассмешила меня. Я слышала в голосе Эйлин беспокойство — не захочу ли я теперь отдать Джоди обратно? И видимо, она считала, что с моей стороны это была бы слишком бурная реакция на такое происшествие. Ну, может, регулярные испражнения где попало и не кажутся ей такой уж проблемой, но это же не ей отмывать машину.

— Если у меня все же получится сладить с девочкой, — ответила я, — я должна быть уверена, что получила полную информацию о ней. Можете еще раз все проверить и перезвонить мне, если вам не трудно?

— Я посмотрю, — ответила Эйлин, но мне показалось, что она не будет этого делать. Если она до сих пор не ознакомилась с делом, то и сейчас вряд ли станет себя утруждать, раз уж Джоди поселили у меня. Из своего долгого опыта я знала, как работает эта организация.

Эйлин сменила тему:

— Свидание назначено на завтра. — Она использовала стандартный термин для обозначения встречи ребенка с собственными родителями. — Ее заберут в шесть, если вы не возражаете.

— Конечно нет. Но почему так поздно?

— Отец Джоди не сможет освободиться раньше, а он очень хочет встретиться с ней. Он еще не пропустил ни одного свидания.

Я поняла, что имела в виду Эйлин. Естественно, ей казалось, что он со своей стороны проявляет ответственность и это говорит о крепкой отеческой привязанности к дочери. Если в течение нескольких последующих месяцев все будет идти гладко и родители Джоди смогут привести в норму свою жизнь, есть все шансы, что Джоди вернется к ним. Социальные службы всегда воссоединяют семьи, если есть такая возможность. Окончательное решение, тем не менее, остается за судом на семейном слушании по делу об опеке.

— Что-нибудь еще? — спросила Эйлин, не скрывая надежды, что я скажу «нет, ничего».

— Она ведет себя, как и предполагалось... — И я рассказала ей обо всем, что случилось, как и Джилл, но Эйлин не слишком активно реагировала на мои рассказы о членовредительстве, жестокости и о прочем. К своему огромному разочарованию, я поняла, что той поддержки, на которую я рассчитывала, Джоди от нее не видать. — Будем надеяться на улучшения, — подытожила я.

На следующее утро в пять меня разбудил топот Джоди, спускавшейся по лестнице. Я уже привыкла и к беспокойным ночам (пару раз за ночь она звала меня — наверное, ее мучили кошмары), и к неизменно ранним пробуждениям. В моих мыслях уже вырисовывалась общая схема поведения Джоди: как правило, чем глубже травмирован ребенок, тем беспокойнее он спит и тем раньше встает. Иногда это бывает связано с тем, что патронатные воспитанники привыкли присматривать за своими младшими братьями и сестрами и нередко им приходилось будить родителей по утрам и самим готовить завтрак на всех. В других же случаях это происходит по той причине, что такой ребенок постоянно начеку и, следовательно, не в состоянии спать долго — его инстинкт выживания все время понуждает действовать. Неудивительно, что Джоди вставала на рассвете.

Я соскочила с кровати и поторопилась спуститься за ней. Совсем не нужно, чтобы Джоди оказалась одна на кухне. Я хотела уговорить ее вернуться в постель, но каждый раз стоило мне только поверить, что она улеглась, как она снова была на ногах — уже через несколько минут. На третий раз я окончательно проснулась, и возвращаться в спальню уже не имело смысла. Я осталась в гостиной, попробовала почитать, прислушиваясь одним ухом, не замышляет ли чего Джоди.

Часа два спустя я услышала, как просыпается Пола, вскоре за ней — Люси и, наконец, Эдриан. Я приступила к приготовлению завтрака и вдруг услышала, как вопит Джоди. Бросившись наверх, я увидела Полу, которая стояла в ванной, обмотавшись полотенцем, а на полу у выхода сидела Джоди и угрожающе смотрела на нее.

— Что происходит? — спросила я.

— Я хотела пройти, но она меня бьет. — Пола была раздосадована.

При этих словах Джоди заорала и заколотила об пол руками и ногами. Я подождала — вдруг успокоится? — а потом подошла, аккуратно поставила ее на ноги и отвела в сторону:

— Ну же, Джоди, помоги мне приготовить завтрак. Ты, должно быть, проголодалась?

Сначала она упиралась, но в конце концов пошла за мной вниз, наверное полагая, что победа осталась за ней, а Пола спокойно продолжила совершать свой туалет. Джоди помогла накрыть на стол, пока я кипятила чай и доставала чашки. Этим утром она была особенно усердна, но, наблюдая за ее движениями, я невольно подумала о том, как тяжело ей пришлось в жизни. Даже в выполнении такого простого задания было видно, насколько Джоди отстала физически. Из-за низко развитой моторики она не могла удержать в руке столовые приборы, и ей приходилось прижимать их к себе. И вполне естественно, что по дороге к столу... она уронила ложку. Джоди раздраженно что-то пробурчала и бросила груды приборов на стол, отчего раздался протяжный звон. Она подняла с пола ложку, облизала с обеих сторон, вытерла о рукав и продолжила сервировку.

Меня не удивляла ее неуклюжесть. Незрелая моторика и плохая координация — все это приметы умственной отсталости. Я не эксперт в таких вопросах, но знаю, что отсутствие раздражителя у ребенка может привести к плачевным последствиям и сказаться на его росте и развитии. Просто дать ему подержать погремушку — и он уже узнает немного об устройстве мира, а его мышцы и мозг научатся реагировать, взаимодействовать, действовать... в согласии друг с другом и с окружающим миром. Позже, во время чтения книг или занятий с мозаиками и конструкторами, мозг продолжает развиваться. И хотя я не хотела делать преждевременных выводов о прошлом Джоди, я подумала, что, видимо, именно недостаток внимания и стимуляции привели к ее крайней неуклюжести и плохой координации. Конечно, подобное я уже видела, но все было не настолько запущено.

— Умница, Джоди, — похвалила я преувеличенно восторженно. — Ты очень помогла.

Она едва отреагировала на похвалу — это тоже было необычно. Странно встречать ребенка, который равнодушен к одобрению. Она казалась замкнутой и отстраненной, как будто смысл моих слов не доходил до нее. Я чего-то подобного ожидала, но не в такой степени, глубинные причины всех этих странностей начинали смущать и пугать меня.

Я насыпала Джоди рисовых шариков и закончила готовить чай. Пола и Люси

спустились вместе и сели за стол. Настроение Джоди мигом переменялось. Я заметила, как она напряглась, ее глаза сузились от гнева. Тяжелым взглядом она посмотрела на Полу, потом начала тыкать ее под ребра.

— Прекрати, Джоди, — сказала я, но она не унималась. Пола пыталась отстранить ее, потом не выдержала и толкнула в ответ. Джоди закричала, как будто ее сильно избили.

— Пола, так нельзя! — сказала я, разозлившись за то, что она не сдержалась. — Обе хороши!

— Прости, мама.

— И будь добра, извинись перед Джоди... — Я почувствовала легкий укол совести. Понятно, Пола решит, что это нечестно и несправедливо, но в наших общих интересах было убедить Джоди, что бить других — плохо, а после того как сделаешь что-то плохое, нужно извиняться.

— Прости, Джоди, — пробормотала Пола, не поднимая глаз. Джоди все еще нарочито эмоционально держалась за бок, так что я поняла, что выжать извинений из нее не получится и нужно остановиться на этом.

— Спасибо, Пола. Ты поступила как взрослая.

Дети ушли в школу, а Джоди помогла мне убрать со стола, поставить посуду в машину, и все, слава богу, обошлось без эксцессов. Потом мы устроились в гостиной, и я попыталась усадить ее за какую-нибудь игру. Момент казался мне подходящим для того, чтобы сообщить о предстоящем свидании. Она будет видаться с родителями дважды в неделю, по часу, в комнате свиданий, под присмотром социального работника. Чаще всего о такой встрече ребенку сообщают заранее, но я предпочитала делать это непосредственно в день события, чтобы упоминание о родителях не выбило его из колеи. По своему опыту знаю, что непосредственно перед свиданием дети обычно разыгрываются, поэтому я стараюсь сокращать до минимума время эмоционального подъема ради общего блага.

— Джоди, — приветливо обратилась я к ней, — сегодня мы с тобой попозже искупаемся, потому что вечером ты встретишься с родителями.

Она тупо посмотрела на меня. Поняла ли? Она продолжала играть, перемешивая кирпичики вместе. После паузы Джоди спросила:

— Я поеду в фургоне?

— Нет, тебя заберут на обычной машине, на такой же, на какой ты приехала сюда из прежней семьи. Тебя отвезут на встречу с родителями, а потом привезут обратно.

— Не поеду в фургоне. Ненавижу. Дурацкие фургоны, — отвечала она, все больше оживляясь.

— Все верно, Джоди, тебя и заберут на машине. Я слышала, твой папа ждет не дожидается встречи. Здорово, правда? — Но, кажется, она уже перестала слушать меня и вновь погрузилась в игру с отстраненным выражением лица. Сложно было понять, как она относится к скорой встрече с матерью и отцом.

Как я и полагала, весь день с ней было непросто. До обеда она дважды закатывала истерики и заставила меня запаниковать, когда сшибла со стены фотографию, вдребезги разбив стекло, а потом попыталась собрать осколки. После обеда я развлекала ее музыкальными видео в гостиной, пока сама готовила ужин. В четыре осторожно вошел Эдриан и был рад не получить от Джоди пинка вместо приветствия. Он посидел со мной на кухне, рассказал, как провел день. Прошла как будто целая вечность с тех пор, как мы в последний раз вот так спокойно болтали, без криков, «психов» или битья, а ведь Джоди прожила с нами меньше недели. Я была рада немного поговорить с сыном и ценила любую возможность проводить время со своей семьей, особенно в такие выматывающие первые недели с новым ребенком.

Эдриан вышел, чтобы отнести вещи в комнату, и я обрадовалась, услышав, что сначала он зашел в гостиную поздороваться с Джоди. Однако радость улетучилась мгновенно, как только я услышала его крик:

— Господи, мама! Иди сюда!

Я бросилась в коридор, а Эдриан наверх. В гостиной я увидела Джоди. Она сидела на диване задрала ноги, а одну руку запустила в трусы и мастурбировала.

— Джоди, прекрати! — потребовала я.

— Почему? — огрызнулась она.

— Если хочешь, отправляйся в свою комнату и там этим занимайся. Это личное. Ясно тебе? Так, или марш наверх, или сиди нормально, будь добра, девочка моя.

Она уставилась на меня, и я уже приготовилась к очередному скандалу, но через пару секунд она все же одернула юбку и села прямо.

Я была озадачена и шокирована этим новым происшествием, на сей раз откровенно сексуального характера. Я знала, что ранняя мастурбация у маленьких детей явление не такое уж исключительное, хотя об этом и не принято распространяться. Но когда ребенку исполняется восемь-девять лет, у него уже складывается понимание (даже если он из непростой среды): это не публичное занятие. Намеренно ли Джоди делала так, чтобы ее увидели? Поскольку мы все время были поблизости, она знала, что мы можем заметить. Хотела она шокировать нас или это что-то абсолютно бессознательное? Акт самоудовлетворения или физиологическая привычка, безвредная, как грызть ногти? Ответа я не знала, но все, что подпадает под определение сексуального поведения, должно быть зафиксировано. Я подумала, что необходимо записать об этом в журнале и потом обсудить с Эйлин.

Когда девочки вернулись из школы домой, они обе попали под град кулаков, и я из последних сил успокоила Джоди. У нее случилась еще одна сильная вспышка гнева, и снова мне пришлось умирять ее. Наконец она уgomонилась, и я закончила возиться со спагетти болоньезе, которые готовила на ужин. Мы расселись за столом, и я нарезала спагетти для Джоди.

— Хочу бургер, — скомандовала она, скорчив гримасу.

— Бургеры будут в другой раз, а сейчас мы едим это.

Она взяла свою тарелку и запустила ее в стену. Осколки с треском разлетелись, а на стене остались темные брызги соуса вперемешку с нитями макарон. Они сначала сползли вниз, потом отваливались и падали на пол. С минуту мы молча наблюдали за этим, потом я заметила, что дети в изумлении смотрят на меня. А меня переполняли злость и беспомощность. Весь день мне удавалось мириться с ее отвратительным поведением, и сейчас все пошло насмарку. Теперь она вздумала выбросить совершенно нормальный ужин, наделала беспорядка, всех расстроила без какой-нибудь на то видимой причины.

— Живо в комнату! — велела я. — Сегодня я уже достаточно насмотрелась!

Она сползла со стула и, выходя из-за стола, ударила Люси по голове — сильно — сжатым кулаком. Она вылетела из комнаты, хлопнув дверью так, что с потолка отлетел кусок штукатурки. Люси молчала, но я видела, что ее глаза наполнялись слезами. Я обняла ее.

— Прости, — сказала я, коря себя за то, что стала причиной такой боли своих детей. — Кажется, я ошиблась. Я не должна была принимать ее. Это слишком сложно для всех нас. Завтра утром я поговорю с социальным работником.

В шесть с минутами раздался звонок в дверь, и взъерошенный молодой человек представился сопровождающим Джоди на свидание. Она спустилась вниз и вышла в приподнятом расположении духа, а проходя по садовой тропинке, помахала на прощание рукой. Неужели ей совсем не совестно? — думала я. Она хоть понимает, насколько плохо себя ведет, ощущает ту мрачную атмосферу, которая воцарилась в доме?

Это был первый момент настоящего покоя почти за целую неделю. Дети наверху занимались. Я в гостиной смотрела телевизор, но не видела, что происходит на экране. Все в моей голове перемешалось. Жизнь с Джоди не просто была трудной, она была почти невозможной, и впервые за все время я начала переживать, что так и не смогу достучаться до нее. Джоди была самой склочной девочкой, с которой сводила меня жизнь. Она была очень холодной и безучастной и совсем не хотела кому-нибудь нравиться. Казалось невозможным

наладить с ней контакт, потому что она не шла навстречу. Она не хотела меняться и предпочитала оставаться в таком обособленном состоянии, в собственном мирке, выражая свои желания и эмоции через насилие и истерики. Насколько я знаю, отношения между людьми требуют умения и принимать, и отдавать, а потребность в любви и одобрении взаимна. Но если одному ничего не нужно из того, что может предложить другой, то найти компромисс невозможно. Вот так и с Джоди. Никогда не встречала ребенка более далекого от реальности и менее стремящегося к теплу и ласке. Казалось, ноша, которую я взвалила на себя, приютив Джоди (как-то разрушить барьер ее эмоциональной отчужденности), увеличилась в сотни раз. Ситуация была безвыходная. Я не могла оставить Джоди, потому что это было жестоко по отношению к моим детям (ее выходы были слишком опасны). Выше моих сил было видеть, во что превращается их домашняя жизнь, как ставится под угрозу их безопасность, тогда как им любовь и стабильность нужны не меньше, чем Джоди.

С другой стороны, я знала, чем чревато возвращение Джоди. Не только тем, что одним отказом будет больше и еще одна черная галочка появится против ее имени, превращая девочку в предмет загадочного ужаса: «Шестеро опекунов за четыре месяца! Только представьте, что за монстр!» Возвращение будет означать, что ее поместят в детский дом. А детский дом уж точно не подходящее место для Джоди. А еще это будет означать, что у нее не останется шанса жить в нормальной семье. Если я не оставлю ее у себя, никакой опекун больше не примет ее. И как я могу считаться опекуном, если не способна помочь самому трудному ребенку?

Пока я так сидела и переживала, на лестнице послышались шаги. Люси и Пола вошли и сели по обе стороны от меня, а Эдриан исчез на кухне. Я была тронута. Дети пришли поддержать меня в моей неудаче. Эдриан принес на подносе чай.

— Держи. — сказал он мне.

— Спасибо, родной.

Эдриан посмотрел на девочек, потом откашлялся.

— Мам, мы тут подумали... — начал он и замолчал.

— И?.. — подтолкнула я.

— Да... Мы хотим, чтобы Джоди еще осталась, хотя бы ненадолго. Мы считаем, нужно подождать и посмотреть, что будет дальше.

Я переваривала услышанное и не могла вымолвить ни слова, пораженная их благородством. Нашу жизнь в последнюю неделю счастливой не назовешь, и дом, вместо того чтобы быть безопасным, тихим пристанищем, стал местом, где тебя могут ударить, толкнуть, напасть на тебя; что уже говорить о визге, от которого мурашки бегут по коже, крике, от которого кровь стынет в жилах, бессонных ночах — таков был разменный курс. И когда я предложила отдать Джоди и вернуть в нашу семью покой и тишину, мои дети решили беспрекословно мириться с этим. Были ли они на самом деле к этому готовы? И снова меня потрясли их невероятная доброта и взрослость — всегда, когда дело касалось приемных детей. Я взглянула на Люси и Полу.

— Вы уверены? — спросила я тревожно. Я не хотела, чтобы потом они сожалели. — Вы точно этого хотите? В ближайшие дни с ней, возможно, станет не легче, а еще труднее.

— Мы все хотим, чтобы она осталась, — подтвердила Люси. — Мы знаем, она изменится. А если нет, мы всегда успеем прогнать ее! — Она ободряюще улыбнулась.

Я почувствовала облегчение и вместе с тем уважение к своим детям. Я знаю, что пристрастна, и наверняка у других родителей тоже есть причины гордиться своими отпрысками, но меня в такие моменты гордость просто переполняет.

Джоди вернулась в девятом часу и была в хорошем настроении. Так же, как и мы. У нас выдалась почти три часа передышки, и мы теперь ясно представляли свою цель. Джоди с гордостью показывала, какие куклы и конфеты подарил ей отец. Еще она намеренно дважды сказала, что он купил ей бургер и картошку. Я улыбнулась. Однако, кроме этого, Джоди больше ничего не могла рассказать о встрече с родителями.

Время сна уже давно наступило, и я, как обычно, то принуждая, то убеждая, отвела ее в ванную, а потом уложила спать. Она не хотела новых кукол, но взяла с собой в кровать большую панду, которую принесла с собой, и уткнулась в нее. Я прочитала ей сказку, пожелала спокойной ночи и, оставив свет включенным, закрыла за собой дверь. Меня переполнял оптимизм. Теперь, когда Джоди повидалась с родителями, она начнет привыкать к тому, что две стороны ее жизни существуют параллельно. Я села в гостиной и принялась за книгу, которую пыталась читать уже вторую неделю. Это была сатирическая книга, и я смеялась над ней в голос. В половине десятого Пола позвала меня сверху и сказала, что уже готова спать и я могу подоткнуть ей одеяло. Ребенок может долгое время не отказываться от этого ритуала, пока об этом не проведает его друзья.

Войдя, я заметила, что куклы не было на месте.

— Где Бетси? — спросила я.

Она посмотрела на меня с мольбой в огромных глазах:

— Не расстраивайся, мама, по, кажется, случилась неприятность.

— Какая еще неприятность?

Она кивнула в сторону шкафа. Я подошла и отодвинула дверцу. На дне шкафа лежала Бетси с оторванной головой, из нее высыпалась набивка.

— Это не самая большая неприятность, верно, солнышко? — Я подобрала куски куклы. — Почему ты раньше мне не сказала?

— Я не хотела тебя еще больше расстраивать. Правда, мам. Это всего лишь игрушка. Это неважно.

Я села на кровать, еще раз перебирая в голове все, через что нам пришлось пройти.

— Прости, дорогая. Я за ней следила сегодня, как ястреб. Единственный момент, когда я ее упустила, — это когда была в туалете. Поищу тебе такую же куклу, но впредь всегда говори мне обо всем. Я знаю, тебе жалко Джоди, но у нас есть некоторые шансы помочь ей — и ей предстоит учиться.

Пола согласилась, и мы крепко обнялись. Потом я оставила ее читать и продолжила вечернюю поверку. Я постучала к Люси, подождала ее «войдите»; она была уже в пижаме, лежала в кровати.

Я тотчас почувствовала: что-то не так.

— С тобой-то что? — спросила я.

Она открыла свою прикроватную тумбочку и достала оттуда косметичку. Я заглянула и увидела кашу из черной туши, синих теней и тонального крема.

— Я сама виновата, — быстро сказала она. — Не нужно было оставлять ее на кровати.

— Да нет же, нужно! Это твоя комната, ты можешь оставлять вещи, где тебе вздумается. Завтра утром я поговорю с ней. — Я сказала ей то же, что и Поле: куплю новую косметичку, но ей нужно будет сразу сообщить, если опять что-то стряется, чтобы решить все сразу. Похоже, Джоди не приняла всерьез мои слова о частной собственности.

Люси взяла меня за руку:

— Кэти, я была такой же ужасной, когда попала к вам? Я не помню.

— Нет. С тобой бывали трудности — как же иначе? Ты очень переживала, но скоро освоилась. А у Джоди мы наблюдаем серьезное расстройство в поведении.

Она посмотрела в сторону:

— Я знаю, нельзя так говорить, но иногда я ее боюсь. Когда она на меня смотрит, так холодно — кажется, она готова меня убить.

— Ничего. Я понимаю. Ей не хватало любви, и я думаю, мы это исправим. Теперь спи. У тебя завтра экзамен по физике, забыла?

Она робко улыбнулась:

— Не забыла, и спасибо, что ухаживаешь за мной. Я люблю тебя, ты ведь знаешь, правда?

Тогда она впервые сказала это. По иронии судьбы, потребовалась ненависть неблагополучного ребенка, чтобы укрепить наши с ней отношения.

— Я тоже тебя люблю, солнышко. Ты замечательная девочка. У Джоди не может быть лучшего образца для подражания.

ГЛАВА 8

Джули

Спустя неделю наступил восьмой день рождения Джоди. Я привыкла думать, что ей уже есть восемь, потому что в социальной службе ее все время называли восьмилетней, на самом же деле восьмой год ее жизни только истекал, когда она пришла к нам. Праздновала свой день рождения Джоди с родителями на следующем за ним свидании, а календарный день рождения провела с нами.

С праздничного свидания с родителями Джоди опять вернулась нагруженной большими сумками с дешевыми блестящими игрушками — теми, что живут не больше пяти минут, а интересны и того меньше. И судя по объему сумок, Джоди действительно привыкла получать то, что хочет, и в любых количествах. Но точно так же, как и вещи, привезенные с прежних свиданий, новые игрушки мало занимали ее. Ей важно было получить их, но она тут же теряла к ним интерес.

Я спросила Джоди, чем она хочет заняться в свой день рождения, на что она заявила, что хочет пойти в боулинг. Меня это удивило. Не похоже, чтобы ребенку с такой плохой координацией мог нравиться боулинг, но это был ее праздник, и если она захотела боулинг, то мы пойдем в боулинг. Решено. Поскольку Джоди не ходила в школу, у нее не было друзей, которых можно было бы пригласить, так что пошли я, Джоди, Пола, Люси и Эдриан.

Сначала дома мы вручили подарки. Я выбирала подарок тщательно. Было видно, что она любит все кукольное и особенно привязана к своей большой кукле Джулии, поэтому я купила ей машину для куклы, совсем как настоящую, и кукольный высокий стульчик. Она развернула свои подарки без восторгов, которых всегда ожидаешь от детей, изучила их и отставила в сторону без каких-либо комментариев. Мне стало очень обидно и вместе с тем любопытно. Не то чтобы ей не понравилось, но как будто для нее ничто не имело ценности, и я не могла понять: почему? Но оставила этот вопрос на потом, и мы отправились в боулинг.

Как я и думала, Джоди не могла бросить шар так, чтобы остаться в игре, но все же ей нравилось это занятие, хотя она и выкидывала свои обычные номера, приказывая всем вокруг командирским тоном. Но истерик не было — ни в боулинге, ни позже, в «Макдоналдсе», где она захотела поужинать. Но ведь это был ее день рождения, и мы все соглашались с ее пожеланиями — и были за это вознаграждены тем, что она не бросалась на пол, не вопила и никого не била. Мы вернулись домой, довольные, что день рождения Джоди прошел как нельзя лучше.

Спустя две недели пребывания у нас, на следующее утро после свидания Джоди с родителями, я оставила ее поиграть в комнате, пока все не уйдут в школу. Ей это не понравилось, но мне нужно было обеспечить рабочую обстановку, а спокойный завтрак был бы хорошим началом дня. Когда все ушли, я поднялась к Джоди, сказала, что она может одеваться, и спросила, что она хочет на завтрак.

— Ничего. Ненавижу тебя, — отрезала она и показала язык. — Отвали.

— Какая жалость... — Ее грубость я пропустила мимо ушей. — Ты-то мне нравишься, и я хотела провести вместе с тобой день.

Она посмотрела на меня:

— Почему? Почему я тебе нравлюсь?

— Потому что внутри злой Джоди есть Джоди добрая и счастливая, которая хочет выйти из комнаты. Теперь одевайся и идем завтракать.

И она оделась и пошла. Не стала спорить. Я была благодарна ей за это и мысленно наградила нас обеих золотыми звездочками.

Должен был прийти репетитор заниматься с Джоди, но до половины второго она была свободна, так что с утра мы отправились по магазинам, чтобы купить Поле новую куклу, а Люси — косметичку. В машине я объяснила Джоди, куда и зачем мы едем. Она никак не отреагировала. В универмаге я нашла все, что было нужно, затем на эскалаторе мы поднялись на верхний этаж и пошли в кафе. Мы взяли по куску яблочного пирога и сели у окна, поглядывая на улицу внизу. Мы могли бы быть нормальной парой — мать и дочь, которые в выходной отправились в торговый центр, — и я уже в который раз задалась вопросом: что же могло так сильно выбить из нормального русла ее жизнь? Ее травма оказалась намного сильнее, чем можно было предположить, исходя из пересказа Гэри личного дела Джоди. И всякий раз, задаваясь этим вопросом, я заставляла себя остановиться. Выдвигать обвинения кому-либо — это непрофессионально, и к тому же давать оценку ее поведению было преждевременно. Ведь Джоди постоянно держала меня в таком напряжении, что у меня просто не получалось отстранений посмотреть на все со стороны, чтобы увидеть картину целиком. Сегодня днем, когда она будет заниматься, у меня будет хотя бы пара часов посидеть с бумагами.

Мы допили чай, затем пробежались по магазинам на первом этаже. Я заметила, что Джоди как-то сникла, так что решила на этом закруглиться, и мы направились к лифтам. Я показала ей, как вызывать лифт, и объяснила, как он работает. Когда лифт подошел, сзади нас собралось уже достаточное количество людей, но мы стояли первыми. Мы вошли и встали у стенки. Джоди взяла меня за руку, но как-только двери стали закрываться, она вцепилась в меня и закричала:

— Нет! Пусть остановится! Не хочу!

Я быстро протиснулась между двумя женщинами и нажала на кнопку открывания, извинилась и выпустила Джоди. Я нагнулась к ней и положила руки ей на плечи:

— Что случилось, Джоди? Здесь нет ничего страшного,

— Не хочу, — простонала она. — Не пойду туда!

— Ничего страшного, можно и не идти, если не хочешь. Поедем вниз на эскалаторе.

Мы пошли к эскалатору, и, пока спускались, Джоди крепко держала мою руку.

— Я зайду туда с папой, — сказала она, наморщившись.

— Куда, в лифт?

Она кивнула:

— Напутаю его. Посмотрим, как ему понравится. Покажу ему.

— Почему ты хочешь напугать его, Джоди?

Но она только пожала плечами. Она снова ушла в себя, и дверца в ее прошлое, только что чуть приоткрывшаяся, снова захлопнулась.

Джоди быстро отошла от испуга, и к нашему возвращению домой настроение ее снова было хорошим. Я все хвалила и хвалила ее, повторяя, как хорошо мы провели время и как я рада была с ней пообщаться. Она сказала, что проголодалась, так что я оставила ее играть с ее куклой Джули и ушла в кухню. Она захотела бутерброд с арахисовым маслом, и я тонко намазала маслом хлеб. Непременно нужно было что-то делать с ее лишним весом. Я поставила тарелку на поднос для завтрака, налила сок в стакан, потом направилась в комнату, сказать, что все готово.

Что-то заставило меня на мгновение задержаться перед тем, как войти. Возможно, тишина. Я не слышала привычного бормотания, которое сопровождало все, что делала Джоди. Я заглянула в полуоткрытую дверь и застыла. Она по-прежнему играла с Джули: сняла с нее платье и лизала у куклы между ног. Она издавала низкие, хриплые звуки, словно от удовольствия, и совершенно не замечала моего присутствия. Я вошла, и Джоди посмотрела на меня.

— Какая-то странная игра, Джоди. — сказала я спокойно. — Чем ты занимаешься? — Я знала, что демонстрировать хоть какую-то тревогу или удивление нельзя, а если запретить ей

что-либо, то можно по-лучить обратный результат. Кроме того, нужно было выяснить, понимает ли она, что делает.

Она посмотрела вниз, кукле между ног, потом снова на меня. Ни тени смущения.

— Целую, — ответила она, усмехнувшись. — Она любит, чтобы ее целовали, да.

— Тебе не кажется, что это странное место, чтобы целовать ее? Мы обычно целуем друг друга в щеку.

На ее лице мелькнуло удивление.

— Но у тебя же нет мужчины. Мужчины целуют сюда... — Она показала на обнаженную промежность Джули. — А девочки сюда... — И она ткнула пальцем в щеку.

Я подошла к ней и села рядом на полу. Нужно было не терять спокойствия, чтобы и Джоди оставалась спокойной, и постараться разговорить ее. Необходимо было узнать, что и где она видела, разобраться с этим и сообщить ее социальному работнику. Она не первая, кто в таком возрасте смотрит видео для взрослых или спит в родительской спальне, где нет перегородки. Я надеялась, что все дело в этом — Джоди лишь имитирует увиденное его. Все же я запишу это в журнале на случай, если начнет проявляться какая-то иная картина. Я старалась оставаться профессионалом: спокойствие и непреклонность.

— Джоди, расскажи мне, пожалуйста, как ты узнала, что мужчины целуют сюда?

— Просто знаю, — пожала она плечами. — Женщинам нравится, и мужчины так делают. Мамы, папы и девочки.

— А Джули у тебя изображала маму или девочку?

— Не знаю. Женщину.

— Тогда, если Джули была женщиной, кем же была ты?

— Мужчиной! — Она нахмурилась, недовольная моей непонятливостью.

— Просто мужчиной или кем-то конкретным?

Она замялась, почесывая бровь:

— Не знаю... Папой... Большим папочкой...

Из этого я еще не могла сделать выводы. Для нее все мужчины были папочками, как и для многих маленьких детей. Нужно было подтолкнуть ее к тому, чтобы она описала, что именно видела и где. Но прежде чем я успела двинуться дальше, она внезапно подскочила и начала со всей злости бить куклу ногами.

— Это все она виновата! — кричала она, сверкая глазами. — Она виновата! Я говорила ей — не надо! Посмотри, что ты наделала! Говорила я тебе, держать свой рот на замке!

Я вздрогнула: пластиковая кукольная голова отлетела к батарее. Джоди кричала на Джули, точно повторяя подслушанные ею слова. Я взяла ее за руку, подобрала куклу и отвела девочку к дивану:

— Ну же, солнышко, успокойся. Не нужно делать больно Джули.

Она уложила куклу себе на колени и погладила по голове, шепотом утешая и успокаивая ее.

— Не бойся, — говорила она. — Со мной ты в безопасности. Шшш... Шшш... Он плохо сделал, правда?

— Да, — ответила я, понимая, что она говорила не со мной, а с куклой. — То, что он сделал, действительно очень плохо... — Я остановилась. — Джоди, иногда мы видим что-то, чего не можем понять. Кажется, что люди делают друг другу больно, и мы очень переживаем от этого. Ты видела, как мужчина целовал так женщину? — Я указала на ноги кукле. — В интимное место?

— Да.

— Где ты это видела? По телевизору?

— В спальне и в машине, — четко ответила она.

— В машине? Не понимаю — телевизор в машине?

Она помотала головой.

— Но ты видела это в спальне и в машине? — Она кивнула. — В чьей машине?

— Какого-то дяди. Большой фургон.

— Это было кино. Джоди, или это было на самом деле? — спросила я после паузы. Она прищурилась, словно представляя. Я едва расслышала ее ответ:
— На самом деле. Они были там. Девочка и папа.
— И что за девочка? Ты знаешь, как ее звали?
Она прижала кукольное личико к груди:
— Джоди. Я. В комнате Джоди. В папиной машине.
— Твой папа?
— Да.

ГЛАВА 9 Откровение

Какое-то время мы посидели в тишине. Я обнимала Джоди, а она — Джули. Мое сердце бешено колотилось, во рту пересохло. Подтвердилось самое худшее из моих опасений. Все прежние подозрения указывали на это, но я убеждала себя не торопиться с выводами и надеялась, что ошибаюсь. Джоди вручила мне ключи ко всем своим страданиям, боли, отвращению к себе и отчаянию.

Нужно было еще порасспрашивать ее, выжать все из этого момента, пока она сама готова говорить, но я боялась. Я не хотела слышать ответов, не хотела знать, насколько серьезно было все, что происходило с этой несчастной девочкой. Но мой профессиональный опыт говорил, что сказанное ею сейчас станет решающим в определении ее дальнейшего будущего, и не только в отношении того, вернется ли она к своим родителям. Возникла перспектива возможного расследования. Проходя подготовку к практике опекуна, я посещала занятия по вопросам сексуального насилия. Я усвоила, что неизмеримо важно первое откровение ребенка, поскольку дети редко лгут, и поэтому то, что они скажут! должно быть зафиксировано дословно, чтобы потом это можно было использовать в суде. Я должна была выяснить все досконально. Нас учили: нельзя задавать навоящие вопросы, надо спрашивать так, чтобы ребенок сам рассказал о происшедшем. Увы, больше нам ничего не объяснили, и уж точно, мне самой никогда прежде не доводилось сталкиваться с подобной ситуацией. Но зато я научилась непринужденно обращаться с детьми, которые пережили физическое насилие и испытывали недостаток внимания. Я знала, что сейчас мне необходимо вытащить все это из Джоди наружу, и надеялась, что так я смогу помочь ей раскрыться.

Я опустила взгляд на куклу. Этой куклой Джоди изображала себя, неудивительно, что она назвала ее именем, похожим на собственное. Дети иногда прибегают к ролевым играм, чтобы изобразить те события своей жизни, которые они не могут выразить словами.

— Джоди, — тихо позвала я. — Ты очень храбро поступила, что рассказала мне это. Я понимаю, как тебе трудно. Теперь постарайся рассказать мне все, что ты можешь вспомнить, и я помогу тебе, хорошо?

Она кивнула.

— Умница! — Я прервалась и перевела дух. Нужно быть осторожнее. Нельзя подсказывать, иначе все доказательства, которые можно было бы использовать в суде, будут обесценены. — Когда я только что вошла в комнату, ты играла, будто Джули — это ты, а ты — твой папа... — Ком застрял у меня в горле. — Если мы сделаем так еще раз, ты сможешь точно показать мне, как все было? Я знаю, милая, это непросто.

Она снова кивнула, и я обняла ее, потом взяла из ее рук куклу и положила на диван между нами. Я надела на нее трусики и одернула платье. Нужно, чтобы она воспроизвела все шаг за шагом, чтобы быть готовыми к перекрестному допросу.

— Так, значит, Джули теперь — Джоди. Где она? В машине, в спальне, на кухне, в саду? Скажи.

— В каком саду, глупая, — хихикнула она, — в комнате.

— Так, и чья это комната?

— Моя. Комната Джоди. Дома.

— И что надето на Джоди?

— Пижама.

— Тогда это будет как будто ее пижама, — кивнула я на трусики Джули. — Джоди уже лежит в постели или еще нет?

— Лежит, — твердо ответила она.

— А свет горит или нет?

— Нет.

— Теперь скажи, Джоди спит или еще нет?

— Спит. — Она закрыла глаза, чтобы показать: спит.

— Хорошо, умница. Так, Джоди спит в своей кровати, дальше что?

Мы обе посмотрели на куклу. Она подумала с минуту, потом встала и пошла к двери.

— Я вхожу, — пробасила она, расправив плечи и тяжело прошагав по комнате, по-своему изображая взрослого мужчину.

— Тыходишь в комнату Джоди? А кто ты?

— Папа. Мой папа. Я сейчас у Джоди.

Она приблизилась к кукле, замешкалась и взглянула на меня.

— Мне подвинуться? — догадалась я.

— Туда. — Она ткнула в дальний угол комнаты, у двери.

Я отошла и осталась стоять там затаив дыхание. Я хотела запечатлеть каждую подробность, ведь позже мне нужно будет все записать. Я наблюдала, как она нагнулась над куклой, задрала ей платье, потом грубо стянула с нее трусики. Не сознавая, что она делает, она раздвинула кукле ноги и приблизила лицо. Она стала издавать низкие хриплые звуки, как и прежде, потом растянулась на кукле, накрыв ее с головой, лицом уткнувшись в диван. В ритмичном подергивании она начала приподниматься и опускаться, задышала громче. Она подняла голову и издала протяжный стон, прежде чем замереть без движения. Это было точное и однозначное изображение полового акта. Мне стало дурно.

В комнате было тихо. Я смотрела на изнасилованную куклу, стараясь скрыть отвращение и отчаянную жалость к девочке. Какой ребенок в свои восемь лет может показать такое, или знать такое, или испытать такое? Мысль о том, через что она прошла, была невыносима, меня переполняла ненависть к тому чудовищу, которое смогло поступить так с собственной дочерью. На глазах выступили слезы от злости и жалости, но я сдержала их.

Глубокий вздох. Сейчас не время для эмоций. Сейчас нужно было сохранять спокойствие ради Джоди. Она не была смущена. Она слезла с Джули и подошла ко мне.

— У меня получилось? — спросила она.

— Ты очень смелая, — слабо улыбнулась я.

Но смелость ей не требовалась. Джоди не проявляла ни замешательства, ни осознания происходящего. Это было частью того, что для Джоди являлось обычной жизнью. Я взяла ее за руку и подвела к дивану, где мы сели рядом. Мы обе смотрели на Джули. Все же было несколько несоответствий, которые мне предстояло прояснить. Я крепко сжала ее руку:

— У тебя замечательно получилось, Джоди. Я только не уверена насчет нескольких вещей. Попробуй вспомнить и ответить на мои вопросы. Если не знаешь или не можешь вспомнить, так и скажи. Не надо гадать или выдумывать, ладно?

Она кивнула.

Я, продолжая держать Джоди за руку, развернула ее к себе, чтобы видеть ее лицо. Совершенно пустое выражение.

— Ты только что изображала своего папу?

Она кивнула.

— А настоящая Джоди спала в постели и свет не горел?

Снова кивнула.

— Если ты спала, откуда ты знаешь, что он вошел в комнату так, как ты мне показала?

Может, он подкрался на цыпочках или прополз по полу. Ты спала, и глаза были закрыты, верно?

Она немного подумала.

— Если не знаешь или не помнишь, просто скажи, — напонила я.

— Знаю. Я иногда спала, а иногда не спала.

— Ясно. Ты помнишь, как он был одет?

— Джинсы и майка, — ответила она, не раздумывая. — Он всегда так ходит.

— Он оставался в одежде или что-то снимал?

— Он снимал молнию.

«Расстегивал молнию, наверное», — подумала я, но нужно было уточнить:

— Не покажешь, как это?

Она поднялась, расстегнула пуговицу на джинсах и молнию.

— Понятно. И так и оставался, пока был сверху тебя?

— Нет. Больше... — Она спустила джинсы на щиколотки и чуть было не сняла трусики.

— Хорошо, не надо показывать, просто расскажи.

— Спускал трусы и джинсы.

— Вниз?

— Да.

— Понятно. Одевайся, солнышко. — Я помогла ей застегнуть молнию и усадила рядом с собой на диван.

— Папа вел себя плохо, Кэти? — Ее брови поползли вверх.

— Да, Джоди. Очень плохо. — Не мне судить родителей, но было очевидно, что Джоди немедленно должна узнать, что все это было очень плохо, но что она ни в чем не была виновата.

— Папа плохой, — сказала она и с силой стукнула кулаком по колену, — Сделал мне больно. Я хочу сделать ему больно. Как ему это понравится?!

Я обняла ее и прижала к себе. Ах, если бы было в моей власти вытащить из нее эту боль и исцелить.

— Все хорошо, Джоди. Теперь ты в безопасности. Больше этого не случится, обещаю.

— Хорошо, — сказала она, даже слишком быстро успокоившись. Но этот безмятежный вид и скупость в эмоциях означали, что мы даже близко не подошли к основной причине ее страданий.

— Джоди, ты только что сказала, что он делал тебе больно. Не расскажешь как? — Вопрос ужасный, но так иди иначе ей задаст его офицер отделения по защите детей, и ее первый ответ нужно будет записать.

— Потом у меня болел животик. — Она положила руку в низ живота, ближе к бедрам. — А потом он писал, и это было невкусно.

— Невкусно? Он что-то клал тебе в рот?

Она скривилась и сплюнула:

— Когда мы были в машине, он сделал пи-пи мне в рот.

Я отвернулась, чтобы она не видела моей реакции. Я горела от гнева и стыда, стыда, который должна была чувствовать и Джоди, но не чувствовала. Я не собиралась говорить ей, что это было на самом деле. Зачем? К тому же наивные определения, единственные, которые могли прийти ей в голову, не только делали картину еще более ужасной, но и еще раз подтверждали подлинность истории. Вне всякого сомнения, она говорила правду.

Я повернулась к Джоди и снова посмотрела на нее:

— И последнее, что мне нужно знать. Это было один раз или несколько?

— Много, Кэти. Папа плохой. Кэти, почему ты плачешь?

Но я больше не могла сдерживаться. По лицу текли слезы.

— Мне рассказали очень грустную историю, милая.

— Почему грустную?

Тот факт, что она не понимала кошмарной природы всего случившегося, только усугублял ситуацию.

— Потому что это очень плохо, Джоди, и такое никогда ни с кем не должно происходить.

— Да. Папа плохой, — повторила она. — Можно мне теперь поесть?

ГЛАВА 10

Отчет

Я подумала: репетитора надо бы отменить, но она, скорее всего, уже в пути. Да и Джоди хотела заниматься, а мне нужно было позвонить Джилл и рассказать ей обо всем, что у нас случилось, так, чтобы меня никто не мог услышать.

Моя голова раскалывалась от таких откровений. Я помимо воли все прокручивала и прокручивала их в памяти, слушала и смотрела на страшную правду глазами маленькой, невинной восьмилетней девочки. Было сложно избавиться от картин, которые возникали в воображении, и, даже когда я вернулась к обычной домашней рутине, ужас того, что я только что узнала, затмевал все. Я не могла избавиться от омерзения, которое душило меня — как будто по воздуху струился ядовитый газ.

Джоди, напротив, отошла довольно быстро, проглотила бутерброды с закусками и йогурт и потребовала добавки.

— Хватит, — сказала я, не обращая внимания на последовавшие протесы.

В кабинете я расчистила маленький стол, который служил партой, и приготовила карандаши и бумагу к приезду Николы. Джоди ходила за мной хвостом, радуясь, что ее репетитор снова придет к ней. Когда в дверь позвонили, она побежала открывать, но потом, вспомнив мои слова, подождала, пока я подойду.

— Молодец, — похвалила я ее, и она обняла меня.

Я встречалась с Николой мельком на предварительной встрече, и она успела произвести на меня хорошее впечатление. Ее спокойный, твердый подход к девочке был именно тем, что нужно Джоди, и та, видимо, разделяла мое одобрение, поскольку приветствовала Николу, словно давнюю подружку. Никола тоже была рада ее видеть, и, пока она раздевалась и складывала вещи, они спокойно беседовали. Мы вышли к кабинету, где Джоди забралась на свое место и начала что-то увлеченно чертить на бумаге, которую я принесла. словно Мэри Поппинс. Никола нырнула в свою объемистую сумку и извлекла оттуда солидную стопку учебников и ярко раскрашенных тетрадей. Джоди была поражена.

— Начнем прямо сейчас, — уверенно сказала Никола. — После часа я обычно делаю перерыв, Может, обсудим тогда успехи?

— Отлично. Тогда я принесу к этому времени напитки и закуски. — Я убедилась в том, что у них есть все необходимое, и ушла, довольная тем, что с меня сняли ответственность, хотя бы и на пару часов. Наверху я заперлась в комнате, чтобы никто не мог подслушать, и устроилась на кровати с телефоном под боком. Я прикинула, что собираюсь рассказать. Записать все в журнале времени еще не нашлось, но все было так свежо в памяти и так угнетающе живо... Я набрала номер, мне ответила секретарша.

— Можно Джилл к телефону? Это Кэти.

— Соединяю.

Щелчок, потом голос Джилл:

— Здравствуй, Кэти, все в порядке?

— Нет, не в порядке. Дома Джоди насильовали. Это точно. Такого она придумать не могла... — Я быстро пересказала все ее признания, пояснив, как. Джоди с помощью куклы показывала все мне, — я повторила ее слова практически слово в слово.

Джилл помолчала, а потом спросила:

— А ты как, Кэти? Никто даже представить не мог.

Не мог представить? Зная то, что сейчас знаю я, было сложно поверить, что ни у кого не возникло такой мысли, но сомнения — прерогатива социальной службы. Конечно, если бы кто-то знал, что там происходило, Джоди забрали бы раньше. Но как можно было ничего не заподозрить, да еще так долго? Должно быть, они сфокусировались на очевидном физическом насилии (побои, ожоги, переломы), не замечая более страшного зла.

Теперь, когда можно было не сдерживать эмоций перед Джоди, я почувствовала, что переживания и боль переполняют меня. В глазах защипало, к ним подступили слезы, и я разрыдалась. Я рыдала от смешанного чувства бессильной ярости и горькой печали. Но расклеиваться было нельзя. Нужно быть сильной. Для Джоди. Я сделала глубокий вдох:

— Конечно, я расстроена, но слава богу, что все открылось. Это объясняет степень ее травмы. И еще многое объясняет: то, что она стремилась причинить себе боль, то, что отгораживалась от внешнего мира... И, Джилл, такое ощущение, что все это продолжалось довольно долго. Она описывала все настолько спокойно, будто это обычное дело.

Еще одна пауза. Джилл шокировало то, что я ей рассказала. Когда работаешь в социальной сфере с детьми, сталкиваться с установленными случаями насилия приходится часто, но к этому все равно невозможно привыкнуть, а история Джоди была особенно возмутительной. Мысль о том, что такая маленькая девочка могла терпеть подобное на протяжении не одного года, была слишком ужасна.

После недолгого молчания Джилл пришла в себя:

— Так, как только мы закончим, я звоню Эйлин. Нам с тобой нужно встретиться как можно скорее. Мне нужны твои записи. Ты можешь перепечатать их, пока у вас занятия, и переслать мне копию?

— Постараюсь.

— Видно, Джоди доверяет тебе, Кэти, доверяет больше, чем кому-либо прежде. Она четыре месяца во временной опеке — и ни разу об этом не говорила. Я одного не понимаю — где все это время была мать?

— Да. Судя по тому, что рассказала Джоди, трудно поверить, будто мать ничего не знала. Но это неизвестно. Джоди ничего не говорила об этом.

— Джоди ответит, если ты спросишь ее напрямую?

— Не уверена. Она рассказала мне все это сейчас, но только потому, что играла в это время с куклой. Я думаю, ее подтолкнул случай в лифте.

— В лифте?

— Да. Мы выходили из магазина, и она перепугалась в лифте так сильно, что пришлось остановить его и ехать на эскалаторе. Этот страх у нее где-то в подсознании приравнялся к страху, который вызывал отец, и, похоже, это послужило толчком к ее откровению. Попробовать спросить о матери?

— Пожалуй. Но не дави. Может, она выскажется до конца сейчас, сразу, а может, нужно будет время. Смотри по ситуации и вытяни как можно больше информации — конечно, по возможности помягче... — Я услышала, как Джилл отрывисто вздохнула. — Боже мой, она с самого рождения на учете в группе риска, и никто ничего не заметил! Но кто-то за это ответит.

Джилл, как и я, была в бешенстве, да оно и понятно. Хотя Джилл исполняла роль проверяющего, она принимала близко к сердцу истории детей, которых мы брали под опеку. На такой работе нельзя оставаться, если ты не чувствуешь себя эмоционально причастным ко всему, что происходит.

— А знаешь, — продолжала я. — она болтает много бессмысленной чепухи со своими воображаемыми друзьями. Иногда от нее подолгу не дождешься ни одного осмысленного слова. И я ее никогда не видела такой вменяемой и сосредоточенной, как тогда, когда она описывала все это. Будто ее подменили.

— Слава богу, что теперь она с тобой. Поговорим позже — нужно их там прижать. Если появится что-то еще, звони немедленно.

— Хорошо.

Я положила трубку и задумалась — ответственность за дальнейшую судьбу девочки была слишком серьезной. Теперь, когда Джоди открыла мне свою душу, я уже никак не могла отказать ей в приюте, что бы она там ни выкинула. Сама того не осознавая, Джоди своим рассказом выказала мне полное доверие. Как можно допустить, чтобы это доверие было обмануто? Я встала и направилась вниз. Проходя мимо гостиной, я услышала, как Никола читает цепочку коротких слов, которые Джоди повторяет за ней. По голосу ей можно было дать года четыре.

По коридору я вышла в переднюю, достала из своего стола журнал событий и стала делать заметки, стараясь изложить все в мельчайших деталях, и уже успела исписать полторы страницы, когда зазвонил телефон. Думая, что это Джилл или Эйлин, я схватила трубку.

— Алло? — спросила я. В трубке молчали. — Алло? — повторила я.

По-прежнему ничего. Соединение, тем не менее, сработало, на другом конце провода кто-то был. Я прислушивалась, и мне показалось, что я услышала шелест, как будто кто-то тряхнул трубку. Возможно, это какой-то ребенок боялся спросить, не ошибся ли он номером. Или моя подруга Пэт, она живет сейчас в Южной Африке и звонит раз в месяц, и тогда очень часто бывают проблемы со связью. Я снова сказала «алло».

Мертвая тишина. Я отсоединилась и набрала 1471. Автоматический голос сообщил: «Сегодня вам поступил звонок в четырнадцать часов двадцать минут. Номер звонившего не определен».

Я постояла немного, размышляя, потом вернулась за стол. Может, это были родители Джоди? Вообще-то, у них не должно быть моих координат, но годы работы опекуном сделали меня подозрительной. Я закончила записи, после чего стала печатать их на компьютере. Несколько минут спустя я услышала, как Джоди скачет сюда по коридору.

— Кэти! У нас перерыв! Где мои кроссовки? Мы идем в парк.

— В сад, — поправила Никола из задней комнаты.

Я нажала «Сохранить», вышла в коридор и помогла Джоди одеться. Она побежала в коридор, и я открыла дверь, чтобы выпустить ее. Никола подошла ко мне к окну, и мы вместе наблюдали за неуклюжими потугами Джоди раскататься на качелях.

— Бедняжка, — сказала Никола и повернулась ко мне: — Кэти, она только что сказала кое-что... Эго меня обеспокоило. Ты должна знать. Мы изучали букву Ш. «Штаны» — одно из слов, которое я дала ей на эту букву. Я показала ей картинку, где были нарисованы штаны, а она разозлилась и отказалась смотреть на нее. А потом сказала: «Мой папа спускает штаны. Он плохой, правда?»

— Я знаю, откуда это, — ответила я и вкратце объяснила ей происхождение этих заявлений, не вдаваясь особенно в подробности. Нужно было соблюдать конфиденциальность, даже с преподавателем. — Я предупредила ее соцработника, — прибавила я. — Я так понимаю — ничего подобного прежде она не говорила?

— Мне — нет, но был один случай с Хилари и Дэйвом. Я думала, тебе рассказали.

— Нет.

— А... ну, я точно не в курсе, что произошло, но Дэйв сказал социальному работнику, что иногда Джоди вела себя так, будто она интересуется им. Она флиртовала и, когда Хилари не было, заходила в его спальню. Я так поняла, что они решили отказаться от опеки над ней после того, как Джоди попыталась потрогать его через брюки.

— Нет, мне не сообщили, — сказала я сдавленным голосом. — А следовало бы. У меня сыну семнадцать лет. Социальная работа на очень низком уровне.

Я но опыту знала, что сотрудничество с социальными службами чревато массой печальных ошибок и неудач. Сам механизм социальной службы из-за его гигантского размера, с тысячами шестеренок, не мог функционировать без ошибок. Я привыкла к этому и смогла смириться. Понятно, человеку свойственно ошибаться, тем более когда у него столько дел, которые нужно решать. И все же мне хотелось верить: когда происходит что-то существенное, что-то имеющее непосредственное отношение к психическому или

физическому состоянию ребенка или касательно этого ребенка предпринимаются определяющие решения, тогда служащие обратят на это внимание и проследят, чтобы все было сделано правильно.

Теперь, оглядываясь назад, я припоминаю моменты, которые должны были обратить мое внимание на сексуальное поведение Джоди еще до сегодняшнего открытия: я видела, как она запускала руку в трусики, отчаянно мастурбируя на наших глазах, ничуть не смущаясь. Видела, как она пытается забраться в постель к Эдриану и от случая к случаю лезет к нему, пытаясь сидеть рядом с ним, или улыбается и строит ему глазки. Это называлось не иначе как флирт — теперь я тщательно все проанализировала. Проблема была в том, что Джоди отнимала столько моего времени, энергии и душевных сил, что мне не удавалось объективно посмотреть на все со стороны, сделать выводы по поводу поведения девочки. Теперь было очевидно, что она пыталась флиртовать с Эдрианом потому, что воспринимала окружающих мужчин только как сексуальные объекты, и все из-за прежнего опыта с отцом. Все становилось на свои места. Теперь я уже понимала, что это был лишь фрагмент целой картины. Остальные, видимо, тоже рано или поздно замечали не свойственное детям, странное поведение Джоди.

Но если и раньше были свидетельства ее сексуального поведения, почему никто не сделал закономерный вывод о том, что Джоди уже имела определенный сексуальный опыт? И как они могли ничего не сказать мне о ее прежних выходках? Я подавила приступ злости. Это не вина Николы, и не стоит выплескивать на нее свой гнев.

Пятнадцать минут спустя мы позвали Джоди в дом. Я помогла ей разуться и раздеться, потом вернулась к себе и продолжила набирать текст своих заметок, а Джоди и Никола возобновили занятия.

Когда я закончила, я отправила документ Джилл. Как вовремя! Только я выключила компьютер, как Джоди прибежала в комнату:

— Мы все! Пойди посмотри мою работу!

Я пришла в кабинет и похвалила ее прописи букв и цифр, назначила следующее занятие на четверг, и вместе с Джоди мы проводили Николу. Как только она ушла, зазвонил телефон, и до самого вечера звонки не прекращались. Джилл сказала, что старший группы созвал экстренное совещание, время и место будут объявлены дополнительно. Как только появится новая информация, Джилл обещала сообщить. Потом позвонила Эйлин. Я была рада этому, но услышала совсем не то, что ожидала. Почему-то она не казалась шокированной или особенно удивленной полученным известием.

— Я слышала, что случилось, — сказала она равнодушно. — Джоди не рассказывала больше ничего нового?

— Ничего нового, но отпустила замечание на уроке... — Я передала ей слова Николы. Я напомнила себе, что соработники стараются соблюдать дистанцию с подопечными и возводят стену между собой и своими делами, чтобы не увязнуть в проблемах слишком глубоко. Но я не могла избавиться от чувства, что Эйлин либо крайне утомлена, либо Джоди попросту ей безразлична.

— Ясно, — вздохнула она, записывая мои слова. Так, будто для Эйлин самым печальным во всем этом была та дополнительная работа, которой ее сейчас нагружают.

Я глубоко вдохнула и спросила об отношениях Джоди с ее прежним попечителем, Дэйвом.

— Если что-то есть, то все в ее личном деле. — Она использовала абсолютно ту же отговорку, что и в прошлый раз.

«Ну так прочитайте уже наконец это несчастное личное дело!» — хотелось вспылить мне, но я сдержалась:

— Буду вам очень благодарна, если вы сообщите мне любую относящуюся к делу информацию. Сейчас это особенно важно.

Я повесила трубку в отчаянии. Да, не это следовало сейчас ей ответить. Как мог

социальный работник до сих пор не ознакомится с делом Джоди? Она явно его еще даже не читала, точно так же, как ни разу не навещала Джоди — они едва знали друг друга. Хороший соцработник знает, что с ребенком, за которого он несет юридическую ответственность, нужно устанавливать контакт. А она даже не пожелала приехать и поддержать Джоди, просто выразить участие.

Спасибо Джилл. Она понимала серьезность положения и перезвонила мне, чтобы сообщить: совещание назначено на первую половину текущего дня. Поскольку Джоди в школу не ходила, а искать сиделку было уже поздно, Джилл согласилась пойти вместо меня и потом обо всем мне рассказать.

Затем позвонила судебный представитель, Салли, назначенная судом для защиты интересов девочки. С самого начала она мне нравилась: в ней идеально сочетались профессионализм и доброта, которые убедили меня в том, что судьба Джоди в хороших руках. Она позвонила, чтобы лично от меня узнать подробности произошедшего с Джоди, добавив, как ей жаль, что такое ужасное насилие обнаружилось только сейчас. Конечно, она могла бы быть более объективной, но было очевидно, что дело Джоди тронуло ее, и мне было важно, что она не скрывает этого. Я вновь в деталях изложила признание Джоди. Салли поблагодарила меня за все, что я делала, и дала мне свой домашний номер на случай, если возникнет что-то срочное.

Наконец звонки прекратились. Я поставила чайник и попробовала усадить Джоди за лепку, но у нее не оказалось пластилина. Активность ее была через край — девочка справедливо полагала, что вся эта суматоха имеет отношение к ней. К счастью, из школы вернулись Пола и Люси, им удалось достаточно долго отвлекать Джоди, чтобы я тем временем могла собраться с мыслями.

Вскоре раздался новый звонок. Это была Джилл.

— Кэти, привет. Звоню, чтобы просто пересказать результат совещания. Контакт с обоими родителями будет прерван немедленно, до дальнейшего распоряжения. Ты могла бы сообщить об этом Джоди?

— Так она и с матерью не будет видеться? — удивленно уточнила я.

— На всякий случай — нет, пока не будет известно всех деталей дела.

— Понятно. Я все ей объясню. Только как она это воспримет?

— Как мы говорили раньше, было бы хорошо, если бы ты попыталась узнать, где во время акта насилия находилась мать.

— Постараюсь.

— Все это кажется адски закрученным клубком ошибок социальных служб. И ад разверзся — они пытаются выяснить, как это могло произойти.

Я отключилась и проверила время: почти половина шестого, а я совсем забыла про ужин. Я поспешно прошла через кабинет, где мои хорошие Пола и Люси помогали Джоди лепить фигурки из пластилина. Я хотела сразу решить вопрос со свиданиями. Это нужно было сделать так, чтобы девочка не почувствовала себя виноватой за разлуку с родителями.

— Нам нужно поговорить, — сказала я дочерям; — Потом все объясню. — Они поняли, о чем я, и вышли. — Спасибо за помощь! — крикнула я им вдогонку.

— Потом все объясню, — повторила Джоди. Девочки в коридоре прыснули со смеху.

Я присела около нее и начала говорить с ней о безопасности, о том, как необходимо человеку быть защищенным и насколько безопасно она может чувствовать себя со мной.

— С папой я не была в безопасности, да, Кэти? — спокойно спросила она.

— Нет, не была, милая. И поэтому Эйлин решила, что будет лучше, если какое-то время ты не будешь встречаться со своими родителями, пока все это не решится.

— Ладно, — сказала она, ничуть не изменившись в лице. — Я передам ей... — После этого она встала и заговорила сама с собой, повторяя Джоди, что она не может видеться с мамой и папой, потому что это опасно.

Это было слишком просто, ненормально просто. Все-таки она прожила с ними восемь лет. Я общалась со многими детьми, чьи родители пренебрегали ими или были жестоки, но,

через что бы они ни проходили, эмоциональная связь с родителями всегда сохранялась. А такую реакцию я видела впервые. Я перешла ко второму вопросу — о том, где была мама во время всего этого. Джоди села на место и отщепила кусочек цветного пластилина.

— Джоди, помнишь, что ты говорила мне раньше? Можешь вспомнить, где была твоя мама, когда папа был в твоей спальне?

— Это кошка! — объявила она, прилепив пластилин на продолговатую грушевидную форму.

— Кошка? Замечательно! — Я придвинулась ближе. — Джоди, когда твой папа был в твоей комнате и делал плохие вещи, где была твоя мама?

Она пожала плечами и высунула от усердия кончик языка.

— Джоди, она была дома или нет? Ты рассказывала ей про то, что происходило?

— Я говорила ей, — сказала она, раздавливая пластилин ладонью. — Я говорила. Сказала, что хочу кошку. Дай мне кошку. — И Джоди отправилась на поиски Тоши. Я не последовала за ней. Нужно подождать, когда она будет готова.

ГЛАВА 11

Готовить и убирать

Ночью меня разбудили совершенно непереносимые вопли. Одеваться и искать тапочки времени не было. Я выбежала в коридор, немного дезориентированная внезапным пробуждением. Я распахнула дверь в комнату Джоди. Она сидела на полу, ее трясло и качало из стороны в сторону, она кричала во весь голос, охваченная приступом паники.

— Джоди! — Я тоже закричала, пытаюсь достучаться до ее сознания сквозь какой-то кошмарный сон. — Джоди, это Кэти! — Но ее крики заглушили мои.

Я бросилась на колени и схватила ее за руки. Ее лицо перекошилось, она вцепилась в свои глаза, пытаюсь выцарапать их. Одну ее руку я подсунула себе под ногу, а другую закинула за голову. Она боролась изо всех сил, боролась с недюжинной силой, как будто над ее телом возымели власть нечистые силы, чтобы сразиться с ней.

— Джоди, открой глаза! Это Кэти. Ты со мной, ничего не бойся.

Зубы ее стучали, ноги молотили по полу, но я держалась и продолжала повторять:

— Джоди! Не бойся, ты в своей комнате. Это просто страшный сон. Тебе здесь ничего не грозит.

Крики усилились, а потом вдруг прекратились, и тело ее обмякло. Я услышала струящийся звук, потом увидела, что ее пижама мокрая. Она приоткрыла глаза и медленно повернула голову. Она посмотрела на меня, сосредотачивая взгляд, потом отвернулась, и ее вырвало. Приступ закончился.

— Все хорошо, Джоди. Все в порядке. Все будет хорошо.

Она что-то забормотала, и ее взгляд немного прояснился. Я ослабила хватку и прижала ее к себе. От запаха рвоты и мочи меня затошнило.

— Не бойся, Джоди. Здесь тебе ничего не угрожает. Я за тобой присмотрю. Не переживай, милая. — Я легонько качала ее.

Она захныкала, потом обвила руки вокруг моей шеи:

— Я не хочу, чтобы в рот. Скажи ему. Скажи ему, что меня тошнит, Кэти.

— Этого больше не повторится, милая. Обещаю. Ты в безопасности.

— Я говорила ей, чтобы она заставила его перестать. Говорила. А она не слушала.

— Кто, Джоди? Кто не слушала? — Но она снова заплакала. — Все хорошо. Не переживай. Скажешь, когда захочешь. Только когда сама захочешь, милая.

Я обнимала ее, пока она окончательно не успокоилась, затем подняла ее на ноги и отвела в ванную. Я умыла ее и умылась сама, потом передела в чистую пижаму. Она молчала от усталости. Я отвела ее к кровати, уложила и села рядом на пол, поглаживая ее волосы.

Наконец она заснула. Я оставила свет гореть и выскользнула из комнаты, тихо прикрыв

дверь. Вернулась в спальню, там переоделась в чистую ночную рубашку, накинула халат и тапочки и спустилась вниз. Было три часа утра. Крики Джоди не могли не разбудить домашних, но они, похоже, снова заснули.

На кухне я наполнила ковш горячей водой, добавила дезинфектор и замочила наши пижамы. Сейчас было еще рано возвращаться в постель. Заснуть я не смогу — меня переполняла боль за Джоди, и я была наготове, как будто она вот-вот проснется снова. Никогда не видела такой паники ни у одного ребенка, которого опекала. Ошеломленная, полностью опустошенная, я тяжело облокотилась на стол и стала смотреть, как часы, тикая, отмеряют минуту за минутой. Гоша терлась около моих ног, думая, очевидно, что настало время завтракать. Я налила ей молока, а себе приготовила чай.

Я подумала о пачке сигарет, лежавшей наверху в кладовке. Полгода назад я бросала курить и убрала туда сигареты. У меня получилось бросить, и я выкуривала только в случае необходимости по одной сигарете, пряча пачку в труднодоступные места. Я притащила в кладовку табуретку и влезла на нее. Почувствовала укол совести, открыв пачку и вытянув одну сигарету. Спички были в шкафу под раковиной. Все зажигалки я выбросила. Я открыла заднюю дверь и вышла на улицу. В доме я никогда не курила.

Ночь, морозная и ясная. Луны не видно, но иссиня-черное небо похоже на усыпанную мерцающими звездами скатерть. Холодный воздух как отдушина после тяжелой атмосферы, которая воцарилась в доме. Спичка сверкнула в темноте, отмечая мой проступок. Я поднесла ее к сигарете и затаилась. Почувствовала то старое знакомое тепло, одновременно ядовитое и бодрящее, потом очередной всплеск вины, но я затаилась еще раз, сосредотачиваясь на ритуале и не позволяя себе думать ни о чем другом. Когда я докурила сигарету, то уже не знала, стало мне лучше или только хуже.

Вернувшись в дом, я положила спички на место, а сигареты перепрятала в более доступный ящик. Наверху все еще было тихо, и я пошла в гостиную и включила телевизор. Хоккей на Пятом канале. Я приглушила звук и стала наблюдать, ни во что не вникая, а тем временем мои мысли носились быстрее шайбы. Через что прошла эта девочка? Я могла только предположить. И кто же была та «она», кому она рассказала? Мама? Тетя? Учительница? Странно, что никаких данных не было собрано, ведь с самого рождения она находилась в группе риска и каждые два месяца ее должны были навещать работники социальной службы. Неужели никто не замечал ничего подозрительного в ее отношениях с отцом? Ведь насилие, судя по всему, продолжалось не один год. Конечно, ее мать не могла не знать, но это другая тема, которую мне пока не осмыслить. В какой-то момент я все же отключилась, потому что ледовое поле сменилось прогнозом погоды: темные дождевые тучи покрывали большую часть Южной Англии. Часы в углу экрана показывали почти половину седьмого, и дом все еще спал. Может, признание Джоди станет для нее катарсисом? Может, она сможет хоть отчасти заживить свои травмы? Я пробралась наверх и воспользовалась возможностью подольше постоять под душем и успокоиться. Струи горячей воды падали на мою шею и плечи, и я чувствовала, как напряжение уходит. Я готовилась к новому дню.

Я оделась и почувствовала себя помолодевшей и снова готовой к борьбе. Я развесила полотенце и услышала шевеление в комнате Джоди. Через несколько минут она встала, выкрикивая ругательства и грома все в комнате. Я вошла и попыталась снова привести ее в норму. Ничего не вышло, и я отругала ее. Когда и это не помогло, мне пришлось в качестве наказания забрать у нее телевизор.

Опасаясь того, что она может натворить, оставшись без присмотра, я разрешила ей спуститься вниз и позавтракать вместе с Люси и Полой, но это оказалось катастрофической ошибкой. Не успела Джоди сесть за стол, как уже измучила девочек: лягаясь и пинаясь, она совала свою ложку в их тарелки и вела себя совершенно несносно. Пола, поспешив удалиться, оставила полтарелки хлопьев, а Люси наконец хлопнула ее по руке и, прихватив тост, исчезла в комнате. К моменту, когда спустился Эдриан, мои нервы были уже на пределе, а утреннее ощущение умиротворения испарилось бесследно.

— На что уставился? — начала она, когда он сел. У Джоди был патологический страх

— она не могла оставаться спокойной, если за ней наблюдали, и злилась на всех, кто бы ни смотрел в ее сторону. Когда она приехала, я сразу заметила, что она избегает смотреть в глаза и, когда с ней говорят, предпочитает уставиться куда-то в область груди. Она была неспособна расслабляться и всегда подсакивала, если в комнату кто-то входил, как будто постоянно была на страже, готовая взлететь, если понадобится. Раньше я об этом особо не задумывалась, но сейчас, в свете рассказа девочки, это стало казаться тревожным знаком.

Эдриан неуверенно опустил голову и приступил к завтраку. Я увидела ее кривую усмешку исподлобья, и потом, быстрее молнии, она загребла горсть овсянки и запустила в него.

— Джоди! Прекрати! — крикнула я и забрала у нее тарелку. — Это так некрасиво! Теперь мне придется чистить его пиджак. Посмотри, что ты натворила!

Она усмехнулась:

— Для этого ты и нужна: убирать и готовить. Смирись, сука.

Мы с Эдрианом не могли поверить своим ушам.

— Что?! — воскликнула я. И она собралась повторить, но я опередила: — Даже не смей произносить это. Если ты считаешь, что у меня нет других дел, кроме как убирать за тобой, ты сильно ошибаешься. Сегодня ты уже лишилась телевизора, и если ты выкинешь что-нибудь еще, я не отдам тебе его до конца недели.

Я вымыла ей руки, почистила пиджак Эдриана, потом убрала со стола. Я не смотрела на Джоди и не говорила с ней. Пусть почувствует мое неодобрение. Да, понимаю, ей пришлось многое пережить, но ее единственный шанс на будущее — научиться существовать в нормальной семье и в обществе, а для этого нужно отличать, какое поведение и отношение к окружающим приемлемо, а какое нет.

Только когда я поставила тарелки в мойку и проводила детей в школу, я решила восстановить мир.

— Чтобы больше не устраивала никакой ругани, не кидала в людей ничем. Понятно? Это плохо, а ведь ты неплохая девочка.

— Нет. Прости, Кэти, — извинилась она, успокоившись на время.

— Хорошо. Почитать тебе?

— Да, пожалуйста.

Я обняла ее, и мы прошли в гостиную, где она схватила несколько книг и бросила мне на колени. Мы сели рядышком на диване, и Джоди попросила, чтобы я еще раз обняла ее. Я обняла и решила, что сейчас можно попытаться спросить ее о маме, раз уж она утихла и пока еще шла на контакт.

— Но сначала, Джоди, хочу тебя спросить о вчерашнем. Помнишь, ты была расстроена и я пришла в твою комнату... — Она бросила на меня безразличный взгляд, что не было необычным само по себе, так что я продолжала: — Джоди, о ком ты говорила? Помнишь? Это какая-то женщина, ты говорила про «нее».

Она отстранилась и взяла верхнюю книжку:

— Три свинки. Я сказала, три свинки, они сдули мой домик.

— Нет, — про себя я улыбнулась такой неглупой диверсии, — теперь давай серьезно. Это важно.

— Не помню. Нет. Правда, не помню, Кэти.

— Ладно, милая, давай читать.

Днем я позвонила Джилл и сообщила, что мне ничего не удалось узнать.

— Она действительно не помнит. Придется подождать, пока она не соберется с силами.

— Хорошо. Ты постарайся, Кэти. Это естественно. В некоторых случаях, когда у ребенка сильная психологическая травма, его мозг образует защиту от дурных воспоминаний. Когда Джоди снова почувствует себя в безопасности, она сможет вспомнить все более осознанно, но, конечно, настолько, насколько позволит ее сознание.

С этим механизмом я могу справиться. Я попрощалась с Джилл и почувствовала себя

спокойнее, все еще надеясь, что сейчас наступил поворотный момент для Джоди. Может быть, теперь, когда открылась тайна ее прошлого, она пойдет на поправку. Как же я ошибалась!

ГЛАВА 12 Чудовища

Несколько недель назад ее состояние было лучше — крайне далекое от нормы, оно было лучше настолько, что Джоди смогла поделиться чем-то важным. А теперь все стало ухудшаться. Джоди становилась более жестокой, не только по отношению ко мне и моим детям, но и по отношению к самой себе. По какой-то причине особенно нервной она становилась за улейном. Джоди могла неожиданно вцепиться себе в лицо или в волосы, в другой раз начинала расцарапывать себе руки, щипать их, оставляя синяки и царапины. Я, конечно, немедленно бросалась к ней и приводила в чувство, пока она не затихала.

И снова она начала ходить под себя. После первых двух случаев она вроде как успокоилась и перестала это делать, но сейчас все возобновилось, и пуще прежнего. Теперь Джоди размазывала свои фекалии по себе, а потом, если я не успевала сразу заметить, еще и по дому. У нее не было мотивации, как не было и подходящего описания такому типу поведения. Причем Джоди точно понимала, что пачканье ткани ведет к более серьезному наказанию, чем пачканье гладких поверхностей (например, стен или перил), и старалась не размазывать нечистоты по дивану и шторам. Как обычно, я не понимала причин, как и того, осознает ли она сама, что делает.

В результате ее поступков в доме постоянно стоял запах дезинфектора. Как-то вечером, готовясь ко сну, я заметила, что кожа на моих руках покраснела и стала шелушиться, а подушечки пальцев сморщились от постоянного использования химикатов. Эта новая привычка Джоди раздражала всех домашних, если не сказать больше, хотя после того, как мы приняли в своем доме столько детей с проблемами, отношение к гигиене у нас было в высшей степени терпимым. Я никогда не забуду, как я стояла в комнате одной из дочерей, пытаясь учуять источник настойчивого едкого запаха. Заглянув за шкаф, я нашла там кучу использованных гигиенических прокладок, скопившихся с тех пор, как она пришла сюда (полгода назад).

Несмотря на жестокость, оскорбления, испражнения, недосып и множество других бед, дети были необыкновенно терпимы к Джоди, тем более что теперь знали причину ее поведения. Однажды вечером мы сели вместе за стол, и я рассказала им о насилии и предупредила о некоторых дополнительных трудностях, которые могли вскоре возникнуть. Сказать им про это было необходимо, их нужно было подготовить, ведь Джоди могла произнести в их присутствии то, что когда-то открыла мне. Кроме того, они уже слышали кое-какие из ее обмолвок. Так же как и с Николой, в наших будничных разговорах она начала запросто упоминать о том, что с ней произошло. Мне нужно было объяснить им, о чем шла речь.

Поле было всего тринадцать, и некоторые физиологические аспекты мне пришлось разъяснять ей дополнительно: например, когда Джоди сказала, что отец писал ей в рот, она не поняла, что на самом деле речь шла об оральном сексе. Это было очень неловко для всех нас, и я снова подумала о том, как негативно может сказаться на детях моя работа попечителя. Насколько безопасно для Пола было узнавать о сексе в таком безобразном контексте? Может, она рисковала сейчас испортить свои интимные отношения в будущем?

Неудивительно, что дети были потрясены. Мне бы хотелось никогда не рассказывать им о таком, было тяжело наблюдать ужас на их лицах, когда они усваивали значение моих слов. Конечно, сам факт того, что отец Джоди совершил с ней такое, был непростым — и даже почти невозможным — для осознания. Сколько раз им уже приходилось слышать о сложных семьях тех детей, которых я воспитывала (для их же безопасности было необходимо знать и понимать такие вещи), но история Джоди не шла ни в какое сравнение

ни с чем.

— Вы понимаете, что это строго между нами, — напомнила я, и они закивали, выражая согласие. Все, что происходило в нашем доме, не должно было покидать этих стен и кому-либо передаваться — в этом я им всецело доверяла.

После этого разговора дети стали еще терпимее относиться к Джоди. Они старались больше играть с ней и не теряли самообладания даже тогда, когда она кричала им «Убирайтесь к черту из моего дома!» или награждала пинками. Но и их терпению наступил предел, и когда Джоди прервала наш ужин, образно описывая, как кровь стекала из ее пальца, когда ее мать специально порезала его, Люси не выдержала.

— Какая гадость! — воскликнула она, забрала тарелку и ушла ужинать в гостиную.

Одним летним днем (Джоди жила с нами уже четыре месяца) Джилл приехала на одну из наших обычных встреч. Хотя посреднику не обязательно было навещать нас (в отличие от социального работника), опыт подсказывал ей, что не помешает раз в месяц или в два заглянуть и проверить, как идут дела, предложить помощь, да и просмотреть мои записи.

Денек выдался солнечный, так что мы решили сводить Джоди в парк. Несмотря на то что полночи она не спала из-за мучивших ее кошмаров и общего расстройства, как это часто случалось, Джоди кипела энергией и активно стремилась на солнышко. Я же была совсем измотана.

— И как у нее дела? — спросила Джилл, когда мы шагали по безупречно убранному цветочному садику в парке. Джоди шла на несколько метров впереди, желая побыстрее добраться до детской площадки и, по-видимому, не обращая внимания на красочное многообразие цветов и ароматов вокруг.

— Хуже, — ответила я. — Истерические припадки с криками стали случаться все чаще и чаще, совершенно беспричинно, и как только она приходит в себя, у нее словно стирается из памяти все, что произошло. Поэтому Никола не пришла сегодня утром на занятия. Где-то раз в неделю с Джоди совершенно невозможно справиться, так что мы решили сдать ее и отменили урок.

— Как она спит?

— Не как младенец. Просыпается в пять, иногда раньше. Одно время вроде уже привыкла оставаться в своей комнате и тихонько играть гам, но последние несколько недель ей снятся жуткие кошмары, больше похожие на галлюцинации. Они ей кажутся абсолютно реальными, а иногда продолжаются уже после того, как она просыпается. Это чудовищно: ты вскакиваешь от ее крика, прибегаешь, а она там корчится на полу, и так по нескольку раз за ночь. Дошло до того, что снаружи ее комнаты у двери я поставила стул, чтобы после того, как я ее успокою и уложу спать, не уходить сразу к себе, а посидеть и подождать. Если повезет, то мне удастся вздремнуть несколько минут, а потом все начинается снова!

— Ты, должно быть, совершенно измотана.

Мы добрались до детской площадки, где Джоди забралась на качели и стала подниматься все выше и выше.

— Осторожнее, Джоди, — предостерегла я, после чего мы с Джилл встали рядом на травке, чтобы Джоди могла видеть, что я за ней наблюдаю. У нее напрочь отсутствовали чувство опасности и инстинкт самосохранения; если дать ей волю, она непременно раскачается так, чтобы свалиться и разбиться.

— Как сходили к лору? — спросила Джилл. На прошлой неделе я водила Джоди на прием к врачу: бывали случаи, когда она вела себя так, словно ничего не слышит.

— Кажется, все в порядке. Мы ждем ответа от доктора, но сестра полагает, что никаких осложнений нет.

— Значит, она просто отключается? — спросила Джилл, имея в виду, что сильно травмированные дети имеют склонность к потере восприятия как средству самозащиты. Таким образом, когда они отключаются, они меньше сознают, что вокруг них происходит, и слабо реагируют на обычные для нас факторы, например не замечают вкуса пищи или не

понимают, горячая ли вода в ванне.

— Да, похоже, на это многое указывает. Она почти ни от чего не получает удовольствия и совсем нечувствительна к температуре: даже когда совсем холодно, мне приходится с ней бороться, уговаривая надеть что-то теплее майки и шорт. Иногда она поддается относительно легко, если можно так сказать, хотя далее такие дни я бы не назвала простыми. Когда нам удастся прожить день без нервного срыва, мы счастливы, потому что это бывает очень редко.

Джилл сочувственно смотрела на меня:

— Я понимаю, ты работаешь из последних сил. Ты проделала колоссальную работу... действительно.

Я слабо улыбнулась. Compliments — это приятно, но я бы предпочла выспаться, потом) что была выжата как лимон и, хотя терпению моему будто не было предела, держалась из последних сил.

Мы пошли назад, довольные, что вылазка проходит без инцидентов. Солнце светило ярко, а я думала о том, что благожелательное расположение Джоди необходимо обратить себе во благо. Если мы доберемся домой без происшествий, я ее похвалю и вознагражу, и у нас будет положительный пример того, как должен проходить день. Мы с Джилл держали Джоди за руки, легко шагая через парк.

— Нужно признать, меня беспокоит отсутствие улучшений. — Я выбирала наиболее расплывчатые слова, чтобы Джоди не догадалась, что мы говорим о ней. — Беспокойство становится все сильнее, особенно по ночам.

— Были ли обнаружены новые сведения по поводу присутствия третьих лиц, которых мы обсуждали?

— Нет. Говорит об этом снова и снова, но никакой новой информации не сообщает. Я на самом деле очень волнуюсь. Кажется, все становится только хуже, ну уж точно не лучше. Не можешь подсказать мне что-нибудь практическое? — Я не хотела, чтобы в моем голосе звучало отчаяние.

— Ничего сверх того, что ты и так знаешь, — покачала головой Джилл. — А если честно, то должны быть пределы и тому, чего мы можем ожидать от тебя. Вполне возможно, что эмоциональный урон настолько велик, что справиться с ним смогут только психиатры. Знаешь что, я посмотрю и скажу, что можно сделать. Ничего не стану предпринимать, просто посмотрю.

Мы дошли до угла улицы, и я разрешила Джоди бежать впереди, а мы с Джилл пошли молча. Я надеялась на практический совет, но степень расстройств Джоди, похоже, выходила за рамки опыта Джилл, так же, как и за рамки моего. Я была расстроена, но решила продолжать во что бы то ни стало. Я увидела, как Джоди остановилась впереди и попятилась спиной ко мне, внезапно обратив внимание на что-то в канаве.

— Джоди, — позвала я. — Ты что делаешь? Иди сюда.

Она с улыбкой повернулась, потом подобрала мертвого голубя и гордо продемонстрировала мне свой трофей. Голова птицы была свернута набок, а грудка распорота, и кровавые внутренности были выставлены на обозрение. Джоди завороченно разглядывала их.

— Джоди! Брось сейчас же! — строго сказала я.

Она посмотрела на меня, потом медленно отвернулась, ткнула тельце мертвого голубя, а затем бросила его в канаву.

— Фу, — сказала Джилл.

Я взяла Джоди за локоть сзади и потащила от канавы по направлению к дому. Джилл не стала заходить, а сразу села в машину, поскольку ей пора было на следующую встречу. Я провела Джоди через входную дверь прямо к раковине в кухне. Пока я набирала в тазик горячую воду и мыла ее с мылом, она смотрела на меня.

— Хорошо мы погуляли, правда, Кэти?

Ее лицо раскраснелось, она казалась счастливее, чем когда-либо за все эти месяцы. Я

улыбнулась в ответ. Как я могла злиться? В конце концов, она не сделала ничего плохого. Но меня беспокоило, с каким восторгом она рассматривала мертвую птицу.

На следующее утро я ясно ощутила, что что-то не так. Ни в пять часов утра, ни в шесть, ни в семь Джоди не кричала. У меня хватило времени принять душ, одеться и высушить волосы. Я собрала детям школьный завтрак и даже спокойно выпила чашку кофе, а потом появилось беспокойство. Я поднялась наверх, на цыпочках подобралась к комнате Джоди и прислушалась. Тишина. Она даже не разговаривала с собой, как обычно. Я постучала и вошла. Она лежала поверх одеяла, распластавшись на спине, широко распахнув глаза и уставившись в потолок. Она была так неподвижна, что на мгновение мне показалось, что она умерла.

— Джоди? — Я потрясла ее за плечо. — Джоди? — Она слегка повела глазами. — Джоди? Что с тобой? Ты заболела?

Она не пошевелилась. Ее ноги и руки лежали прямо, причем так напряженно, словно были закованы в гипс. Это не был припадок. По крайней мере, я такого никогда не видела. Я потрогала ей лоб. Он был теплым, жара не было.

— Джоди? Ты слышишь меня? — Я снова встряхнула ее, на этот раз сильнее. — Джоди, посмотри на меня. Скажи, что случилось? Это Кэти. Джоди? Ты слышишь?

Она моргнула и медленно повернулась, чтобы посмотреть на меня. Зрачки расширены, под глазами темные круги. Она заговорила ровно, без какой-либо интонации:

— Он приходил вчера ночью. Ты сказала, он не придет, а он пришел. Я знаю, знаю, кто это был.

Я опустилась на колени и взяла ее за руку:

— Нет, солнышко, никто не приходил. Ты что-то вспомнила, и тебе показалось, что это на самом деле.

— Я не сказала. Не сказала, потому что она видела. Она видела, Кэти. Видела и не запретила ему.

— Кто-то видел, как папа обижает тебя?

Она кивнула.

— Кто, милая? Кто это был?

Она уставилась прямо на меня, округлив глаза от ужаса, смертельно бледная, на ее шее пульсировала венка.

— Мама. Мама видела. Я сказала, пусть он перестанет, а она ничего не сделала. Она смеялась и смотрела. Все они.

Я похолодела:

— Кто — все? Там был кто-то еще?

— Дядя Джон, Кен и тетя Белл. Они фотографировали, пока дядя Майк делал это.

— Дядя Майк?!

Ее лицо было как мертвое, она смотрела на меня и говорила, но была как будто в тумане.

— Он лежал на мне, как папа. Я не хотела. Было больно. Папа держал меня, когда пришла очередь дяди Майка. Я кричала, тогда папа сунул свою штуку мне в рот. Тетя Белл сказала: «Это ее заткнет». И все засмеялись... — Джоди трясло от страха.

Я пыталась скрыть ужас и сосредоточиться на том, что только что услышала.

Нужно было запомнить все имена и подробности, извлечь из ее речи как можно больше фактов. Я не знала, когда она снова откроется мне, да и откроется ли вообще. Я гладила ее лоб и шепотом успокаивала:

— Джоди, сейчас ты в безопасности. Двери на замке, заперты на ключ. У нас хорошая защита. Никто не войдет. То, что они сделали, — это самое ужасное, что только можно сделать с ребенком. Эти люди — мерзавцы, Джоди.

Она кивнула, но возразила:

— Они давали мне много конфет и игрушек... — Она бросила взгляд в сторону

переполненных коробок для игрушек.

— Это они купили тебе все это? — спросила я. Она снова кивнула.

Так вот в чем дело. Не подарки, не мелочи для того, чтобы порадовать ее. Взятки, чтобы купить молчание и согласие. Неудивительно, что вещи эти для нее ничего не значили.

— Джоди, хорошие люди не покупают подарков потому, что они делали другим плохо. Они покупали это, чтобы ты молчала?

— Это был наш секрет. Они сказали, что, если я расскажу, мне будет плохо. Что меня запрут в темницу, придет чудовище и отгрызет мне руки. Это так, Кэти? — В ее голосе слышался страх. — Оно придет и съест мои руки?

— Нет, разумеется, нет. Единственные чудовища — эти люди, и они даже не приблизятся больше к тебе... никогда. Обещаю тебе.

Она подумала, потом ее губы тронула грустная улыбка.

— Тетя Белл была хорошая. Она ничего не делала. Только смотрела.

Меня передернуло от такой извращенной логики.

— Это ничем не лучше, Джоди. Она смотрела, как тебе делают больно, и не помогла. Она должна была остановить их. Я бы сделала именно так. Где они были, когда «просто смотрели»?

— В моей комнате.

— А в машине? Ты когда-то говорила про машину. Джоди, кто был в машине?

— Мама и папа. Мама фотографировала меня с напой. Машина была очень большая. Она фотографировала, и становилось светло. Его накажут, Кэти?

— Очень на это надеюсь. Всех их. Я все расскажу твоему социальному работнику, а она сообщит в полицию. Полицейские захотят поговорить с нами, но ты не бойся, я буду рядом.

Я продолжала держать Джоди за руку и гладить по лбу, не желая ее отпускать. Было уже больше семи, и настало время будить всех в школу.

— Ты больше ничего не хочешь мне рассказать? Ты очень смелая девочка, и очень важно, чтобы ты рассказала мне все-все.

Она покачала головой. Я посидела с ней какое-то время, затем уложила ее в кровать и попробовала успокоиться.

— Кэти, — неожиданно позвала она.

— Да, милая?

— А твой папа делал с тобой такое?

— Нет, конечно нет. Никогда в жизни. Он добрый, хороший человек, как и большинство взрослых.

— А папа Полы и Люси?

— Нет. Папа Полы никогда ее и пальцем не тронул. Отец Люси бил ее, поэтому она теперь здесь. Но так больно ей никогда не делали.

— Это я виновата, Кэти? Я не хотела. Мама сказала, что мне повезло. Сказала, что это потому, что он меня так сильно любит. Сказала, что надо утихнуть и радоваться. Сказала, что я папина дочка.

— Она не права, Джоди. Когда родители хотят показать своим детям, что любят их, они ласковы с ними. Они не делают своим детям больно. И это не твоя вина, Джоди. Не надо далее думать об этом. — Я обняла ее, потом она попросила включить телевизор и впервые после своего прибытия легко согласилась остаться в кровати, пока остальные собираются в школу.

Я вышла из ее комнаты и еще какое-то время постояла за дверью, пытаюсь собраться с мыслями. Меня бил озноб, я была в ярости. Я представляла, что делает с Джоди ее отец, представляла, как остальные смотрят, слышала их смех. Неудивительно, что это довело девочку до такого состояния. Вот откуда берет начало ее злость, которую теперь разделяла и я. Невозможно придумать что-то более отвратительное, чем то, чему подвергал девочку ее отец, но теперь, к собственному ужасу, я узнала, что все было гораздо, гораздо хуже — хуже,

чем кому-либо вообще может прийти в голову. Она стала жертвой самого чудовищного изнасилования, которое только можно представить, когда не только кто-то один из родителей заставляет пройти ребенка через ужасные муки, но когда оба родителя заодно, да еще привлечены посторонние люди. Я чувствовала, как к горлу подступает тошнота по мере осознания всего этого. Не только родители, объясняя это любовью и заботой, превратили жизнь Джоди в кошмар, но также и многие другие. Они извратили все в жизни маленького человека, даже хорошее превратив во что-то гадкое и порочное. У меня не было слов, чтобы описать то, что я чувствовала.

Чего же удивляться, что девочка отгородилась от внешнего мира? Она не в состоянии нормально общаться с окружающими, потому что все, что было в ее жизни, — это жестокость и боль. Поэтому она пытается избивать себя, калечить и мазаться нечистотами.

Кое-как я приготовила завтрак, проводила всех в школу и тут же позвонила Джилл.

— Все хуже, чем мы думали, — сказала я. — Гораздо хуже.

Передавая ей слова Джоди, я чувствовала, как Джилл начинает осознавать масштаб трагедии. Она резко вздохнула, когда я сказала, что Джоди насильствовала целая группа соучастников, они фотографировали ее, наблюдали и веселились.

— Господи боже, Кэти, страшно подумать, что она все это вынесла. Этого достаточно, чтобы подключить полицию. Я знаю, тебе было тяжело выслушать все это от нее, но ты замечательно поработала.

Я не чувствовала, что замечательно поработала. Я чувствовала, что сама прошла через страдания Джоди. Мне стаю стыдно быть взрослой.

— Известно, сколько все это продолжалось? — спросила она.

— Думаю, порядочно. Она спросила, делал ли со мной это мой отец, и удивилась, что нет. Она описывала это так, как будто это было в порядке вещей, нормой, и только сейчас она узнала, что это было неправильно... — Я задумалась. — Джилл, в каком возрасте ребенка можно изнасиловать?

— В любом. Есть даже случаи с полугодовалыми.

Я поежилась.

— Кэти, это все признаки педофилии. Ей никогда не показывали фотографий?

— Нет, не знаю. Она не говорила.

— Ладно, когда сможешь, запиши все это. Эйлин в отпуске...

— Опять?

— Да, так что я свяжусь с Дэйвом Мамби. Им нужны судебный медик и полицейский протокол. Я перезвоню. Ты как, Кэти?

— Получше, чем Джоди... Сволочи!

ГЛАВА 13

Интеграция

Есть в среде фостерских семей такая шутка: сколько социальных работников потребуется, чтобы сменить лампочку? Тринадцать. Один — чтобы найти лампочку, и еще двенадцать — чтобы созвать совещание и обсудить, как менять лампочку. Нужно признать, что в этой шутке не так уж и много от шутки, она скорее отражает общее наблюдение: социальные службы неспособны начать действие, когда это так необходимо.

Узнав про последние откровения Джоди, Дэйв Мамби захотел устроить встречу, но только в присутствии Эйлин, а это будет лишь на следующей неделе, поскольку она, естественно, была в отпуске. Эйлин, как социальный работник Джоди, была обязана посещать ее раз в шесть недель, и все же по каким-то причинам они еще ни разу не встречались. Хотя теперь Эйлин регулярно названивала, чтобы составить отчет о состоянии Джоди. У меня складывалось впечатление, что она это делала скорее для того, чтобы избавиться себя от необходимости наносить личный визит, нежели из реального интереса к делу. Может, она была с головой завалена работой, как и все социальные работники, или

была равнодушнее других и оказалась не подвержена личному фактору. Что бы там ни было, меня печалило то, что Джоди достался соцработник, который совершенно ею не интересуется и не отстаивает ее права, и это было в высшей степени непрофессионально. Интересно, знал ли об этом Дэйв Мамби, руководитель ее группы?

Джилл перезвонила мне и сообщила, что характер встречи не требует моего присутствия и она может представлять нас обеих. И еще она сказала, что Дэйв попросил меня сосредоточить свои силы на поиске школы для Джоди, поскольку ее родители подали жалобу на низкий уровень ее образования. Прежнюю школу Джоди оставила, когда ее взяли на патронат, а поиск новой был невозможен из-за ее поведения и постоянной смены опекунов.

Я была поражена. К этому времени родители Джоди уже должны были бы знать, в чем их обвиняют. Когда ребенок делает подобное сообщение, родителей всегда ставят в известность. Более того, когда все контакты между Джоди и ее родителями были вдруг прекращены, им должны были объяснить причину. Вдвойне меня удивляло то, что Дэйв, уделивший такое внимание этому вопросу, между тем откладывал нашу встречу.

Джилл предложила Харвестбанк, местную начальную школу, которая была рекомендована для детей с проблемами в образовании. У Джоди уже имелась справка о ее пробелах в образовании, а в этом документе излагались также основные проблемы ребенка, и составлялся он после беседы ребенка с психологом. Джоди требовалось довольно много внимания, и ее справка включала подтверждение об оплате ассистента на полную ставку, в какую бы школу ее ни приняли. И если школа была стеснена в средствах, это могло стать побудительным мотивом, чтобы принять Джоди.

Я позвонила в Харвестбанк и поговорила с заместителем директора. Она оказалась приятной дамой и любезно объяснила, что у них в обучении находится больше детей-инвалидов, чем позволяет квота, и они ужаты до предела. Она предложила перезвонить через полгода. Я поблагодарила и повесила трубку.

Я открыла «Желтые страницы», отметила все начальные школы, которые находились на приемлемом расстоянии, и начала их обзванивать. В следующих четырех я получила тот же ответ: все они были переполнены, и все предлагали лист ожидания. И это с условием дополнительной дотации. Я убрала телефон в сторону и вздохнула. Интересно, получится ли договориться со школой, куда ходят Эдриан и Пола? В ней отделение для особых детей совсем небольшое, но там знали меня и мою семью, и у меня были хорошие отношения с персоналом. Снова вздохнув, я набрала номер.

Секретарша узнала меня (это было мило) и соединила с директором, мистером Радмэном. Мы обменялись приветствиями, и он спросил, как дела у Пола и Эдриана. Я сказала, что хорошо, и польстила ему немного, упомянув, как они любят рассказывать о школе.

— Все еще занимаюсь патронатом, — сказала я, после чего рассказала ему о Джоди, добавив, что, хотя у нее и есть проблемы с обучением, я считаю их решаемыми. Сказана также, что его школа первым делом пришла мне на ум — небольшая ложь, но ради благого дела.

— Я посмотрю ее справку, — сказал он. — Но, несмотря на мое к вам уважение, я еще не предлагаю ей место. Это будет зависеть от уровня обеспечения и от того, сможем ли мы соответствовать необходимым требованиям.

Я горячо поблагодарила его, потом позвонила Джилл и попросила переслать мне факсом справку. Отупев от телефонных переговоров, длившихся битый час, и отчаянно нуждаясь в каком-то движении, я нашла Джоди в груде бумаги, клея и красок, с которыми она возилась все это время.

— Собака! — воскликнула она.

— Очень красиво. Пойдем прогуляемся на почту.

Я помогла ей вымыть руки, причесала и передела. Когда мы вышли из дома, она выглядела очень опрятно в своей веселой, желтого цвета футболке, которую, как я знала, она

очень любила.

Дул легкий ветерок, мы шли по улице, но Джоди нервничала и хватала меня за руку, как только мимо проезжала машина.

— Кэти, — сказала она.

— Да, Джоди?

— А папа не делает больно маме?

— Надеюсь, нет, солнышко, — ответила я, не уверенная в том, что понимаю, о чем она спрашивает.

— Делает. Бедная мамочка.

Мы шли дальше. Джоди нахмурилась. Наверное, от мысли, пришедшей ей в голову, которая, кажется, беспокоила ее. Наконец она посмотрела на меня.

— Я не хочу, чтобы он делал ей больно, — сказала она, потом задрала подбородок и стиснула кулаки. — Я убью его.

И снова я не знала, что ответить. Может быть, она чувствовала себя виноватой за то, что оставила мать одну с отцом? Стоит ли мне постараться смягчить ее злость или, наоборот, укрепить ее решимость бороться с ним? Может, это и не профессионально, но мои личные ощущения подсказывали мне, что у нее есть все основания злиться и все основания желать отцу смерти. Я решила перенаправить ход ее рассуждений в другое русло:

— Если бы он делал ей больно, Джоди, я думаю, она ушла бы от него и рассказала бы полиции. Она взрослая и может сама решать, что ей делать.

Надеюсь, она понимала, что я пыталась сказать, хотя я сама не была уверена, что правильно понимаю ее. Говорило ли это о жестоком обращении в семье? Может, она видела, как отец бьет мать? Или она видела, как они занимаются сексом, и предположила, что маме так же больно, как и ей?

Я ненавязчиво перевела разговор на отвлеченную тему, и мы вышли на широкую улицу. Мы шли мимо разных магазинов, манящих яркими вывесками и привлекательными витринами, и я вспомнила, как будоражило меня в детстве хождение по магазинам вместе с родителями. Я до сих пор еще помнила и восторг при виде витрины рыбной лавки, и странные запахи обувной мастерской. Я с грустью посмотрела на Джоди — она смотрела прямо перед собой, настороженная, безучастная ко всем этим маленьким удовольствиям, которые были вокруг нее. Мир не был для нее местом, где можно найти радость, как для других детей. Ей недоставало восторга и стимула. Она была мертва для всего этого из-за перенесенных страданий. Мое сердце разрывалось на части.

Я сделала все, что нужно было, на почте, и поскольку Джоди все время тихонько стояла около меня, я купила ей пакет конфет в качестве вознаграждения. Когда мы вышли обратно на улицу, я заметила, что она снова притихла.

— Чем займемся дома? — спросила я.

Она молчала, лицо ее застыло.

— Что-то случилось, Джоди?

— На что они пялились? — ворчала она. — Не надо на меня пялиться.

— Кто, Джоди? На почте? — спросила я. Она не возразила, и я продолжала: — Никто на тебя не пялился, милая. Они, наверное, просто любовались, как хорошо ты выглядишь в этой симпатичной маечке.

Она не ответила, и я решила не продолжать. По-настоящему убедить в чем-либо Джоди было нельзя, что-то обсудить тоже. Заботиться о Джоди означало скорее следить за тем, что ей нужно, и пытаться отвлечь ее, прежде чем она впадет в истерику или гнев. Мы прошли еще немного, и навстречу нам попался мужчина средних лет в костюме.

— Да на что он, черт, уставился? — заворчала Джоди при его приближении. Хотя, по-моему, он вообще на нас не смотрел.

— Джоди, не груби.

Когда он подошел еще ближе, она снова повторила, на этот раз громче:

— На что он, на фиг, уставился?

На этот раз он, должно быть, услышал, и я виновато улыбнулась ему, а он в смущении отвернулся.

— Джоди, это было грубо. Тебе нечего так переживать, на тебя никто не смотрит.

— Я им покажу! — бормотала она. — Никто не будет смотреть на меня. Я их всех убью!

По возвращении домой настроение Джоди ничуть не улучшилось, и, чтобы протянуть время, я дала ей посмотреть «Мэри Поппинс», ее любимый фильм, а сама пока занялась кое-какой работой. Я включила стиральную машину и начала разбираться с посудой, не переставая размышлять о странном поведении Джоди. Я уже и раньше замечала ее подозрительную неприязнь ко всем, кто на нее смотрит. Это стало одной из причин, почему наши совместные трапезы были невыносимы. Она то и дело огрызалась «Чего ты смотришь?» на любого, кто бросит рассеянный взгляд в ее сторону. Я и раньше подозревала, что эта неприязнь была как-то связана с прошлыми проблемами, но сейчас, когда их происхождение было выяснено, ее фобия стала очевидна: если тогда там присутствовали и наблюдали за происходящим с Джоди несколько человек, то понятно, что она стала бояться даже того, что на нее смотрят в принципе.

Примерно через полчаса я закончила домашние дела и вернулась к Джоди, прихватив с собой стаканчик лимонада. Она отрешенно смотрела на экран, где Берт пел серенаду Мэри, когда они гуляли на фоне сказочно прекрасного пейзажа. Спустя какое-то время она повернулась и посмотрела на меня, потом подошла и села рядом со мной на диване.

— Ты знаешь, что у тебя очень маленькие глаза? — спросила она.

— Неужели? — удивилась я. Я вообще-то всегда считала, что глаза — одно из моих достоинств, и даже гордилась ими.

— Да, прямо как у поросенка. Поросычьи глазки. Хрю-хрю! — Она заулыбалась, ожидая, видимо, что я поддержу эту шутку.

— Ты говоришь не очень приятные вещи, Джоди. Не будь грубой. Не нужно никого обижать в этом доме.

— Но ведь это правда. Тупые маленькие глазки. Поэтому ты даже не видишь, куда идешь. Дура!

Какие-то странные вещи она говорила, будто повторяла что-то услышанное прежде. Например, оскорбление, когда-то сказанное в ее адрес и теперь разыгранное ею. Во-первых, это заявление было неверно. И кроме того, в нем были подробности такого порядка, до которых Джоди сама просто не додумалась бы. Было это сказано ей у нее дома? Прежде чем я успела все до конца осмыслить, раздался телефонный звонок. О нет, подумала я, наверняка звонят из школы сказать, что мест все-таки нет. Так быстро дают только отказ. Я улыбнулась и попыталась говорить бодро:

— Алло.

— Здравствуйте, это Маргарет Браун с Бохэм Клоуз?

Я с тревогой посмотрела на Джоди. Адрес был мой, но имя Маргарет Браун — это имя матери Джоди.

— Нет, это не она. А кто говорит?

— О, простите, виновата. Я звоню от отоларинголога больницы Святого Джона, по поводу Джоди Браун.

— Да, это Кэти Гласс, ее воспитатель.

— Простите, я просто нашла файл в папке. Письмо от врача у вас на почте, вместе с рецептом на ушные капли. Доктор хочет назначить Джоди полный осмотр в этом месяце.

Я договорилась о приеме, записала дату в ежедневнике и повесила трубку. Это нехорошо. В больнице я дала особые указания по поводу конфиденциальности моих данных. Чтобы избежать неловкой ситуации, они должны быть недоступны для родителей Джоди. Очевидно, меня не поняли. Сегодня они позвонили мне и спросили Маргарет, но что, если в другой раз они позвонят Маргарет и спросят Кэти Гласс? Тогда все, что ей понадобится сделать, — это попросить подтвердить полный адрес, после чего ее муж в два счета окажется

на моем пороге. Тогда у нас с Джоди будет больше причин для беспокойства, чем мои пороссячи глазки.

ГЛАВА 14

Парк

Эйлин вернулась из своего отпуска, и Дэйв наконец смог организовать встречу. Джилл приехала ко мне, и все сразу завертелось. Мне было поручено сводить Джоди на десятки разных приемов. Сначала нас должен был обследовать детский психиатр, чтобы помочь социальной службе решить, как лучше всего работать с девочкой. Также Джоди предстояло пройти то, что называется протокольным интервью. Ее беседу с офицером полиции из отделения по делам несовершеннолетних запишут на видеокамеру, и это станет отправной точкой уголовного дела против отца Джоди, и хочется верить — против его соучастников тоже. Потом Джоди придется пройти обследование у полицейского врача для судебной экспертизы — необходимо гинекологическое обследование, чтобы подтвердить ее заявления.

Судебная экспертиза волновала меня больше всего. Даже для взрослого подобное стало бы тяжелым испытанием, но для униженного ребенка это может оказаться чем-то, похожим на очередное нападение. Я обещала Джоди, что с ней больше никогда не случится ничего такого, и я боялась, как бы она не решила, что я обманула ее, и не перестала мне доверять.

Тем временем в жизни установился какой-то порядок. По понедельникам, средам и пятницам утром к Джоди приходил преподаватель, а потом, днем, мы ходили гулять — как правило, в парк. По вторникам и четвергам мы ходили по магазинам, хотя у нас с Джоди были разные взгляды на то, как это нужно делать. От самого процесса совершения покупок Джоди получала истинное удовольствие, тогда как для меня это дело было вполне обыденным. Она наслаждалась, устраивая на публике скандалы, зная, что в ответ я мало что могу сделать. Вспышки злобы были рассчитаны на то, чтобы вытрясти из меня какую-нибудь покупку лично для нее, но я никогда не уступала, в противном случае она получила бы награду за плохое поведение. Однако Джоди годами успешно пользовалась этой тактикой, и я не рассчитывала, что она скоро избавится от привычки.

Занятия с Николой, если говорить о поведении, проходили все лучше и лучше, но в самом обучении Джоди мало продвинулась. По-моему, это было связано не только с ее невосприимчивостью к обучению и задержкой в развитии, скорее это стало результатом ее эмоционального состояния. Большой проблемой оказалось то, что Джоди было неинтересно учиться. Она не видела никакого смысла ни в одном из упражнений, которые задавала ей Никола, и мотивировать ее было очень непросто, поскольку выяснилось, что она абсолютно не нуждалась ни в чем одобрении.

Мое беспокойство возросло, когда я наконец получила ответ от мистера Радмэна. Его секретарь, извинившись, сообщил, что они не имели возможности предоставить место для Джоди.

— Возвращайтесь к занятиям, — сказала я Николе, а сама оставшуюся часть урока провела на телефоне, безрезультатно пытаюсь заинтересовать еще одного школьного директора.

— Проблема в том, — сказала Никола, — что ей действительно нужна спецшкола, но пока у нее не будет новой справки, у Джоди нет никаких шансов.

— И сколько времени потребуется на то, чтобы ее заменить?

— Вплоть до одного года.

Мы понимали, что это был не выход, и после того, как Никола ушла, я дала Джоди бумагу, краски и клей, а сама провела следующий час за «Желтыми страницами». Работа была утомительная, но в конечном счете я все же нашла школу, где захотели взглянуть на медицинское заключение Джоди. Начальная школа Эльмакр была в восьми километрах от нас, и надо было учитывать пробки, но там хотя бы было место.

Лучшим временем, которое мы проводили вместе с Джоди, были прогулки в парке. На открытом пространстве она не так нервничала еще и потому, что рядом было не слишком много людей. И еще ей нравилось качаться на качелях, а я, рассказывая о растущих здесь цветах и деревьях, называя породы разных птиц, потихоньку подводила ее к тому, чтобы она начала познавать окружающий мир.

Иногда мы сталкивались с моими знакомыми, и я надеялась, что такие дружеские контакты будут полезны для Джоди. Я знакомила их с ней, как и со всеми своими воспитанниками, но вместо того, чтобы сказать «здравствуйте» или робко улыбнуться, она задирала нос, прищуривала глаза и усмехалась как ведьма. Этот смешок появился у нее совсем недавно — возможно, очередной защитный механизм, чтобы не подпускать к себе людей. И если это было так, то он действительно срабатывал. Только самые стойкие поддерживали беседу. Но к счастью, большинство моих знакомых знали, чем я занимаюсь, так что не обижались.

Несмотря на мои большие планы по расширению ее кругозора (что включало и зоопарк, и кино, и местные музеи), Джоди нравилось бывать только в парке, особенно на детской площадке. Стоило нам приблизиться к воротам, она сломя голову неслась прямо к качелям. Она редко играла с другими детьми, будто вовсе не замечала их существования. Меня это не удивляло, поскольку тогда и меня-то она едва замечала. Бормоча или напевая себе под нос, она почти все время раскачивалась на качелях, пока не наступала пора идти домой. Точно так же она вела себя и дома, когда мы хотели поиграть в настольные игры: она предпочитала играть одна, в своем собственном маленьком мире.

Несколько раз она заговаривала с другими ребятами, но, как правило, только из любопытства. Если Джоди видела, что кто-то из детей занимается чем-то интересным, или замечала понравившуюся ей вещь, она могла подойти к этому ребенку и просто уставиться ему куда-то в грудь. Она по-прежнему всячески избегала смотреть прямо в глаза. Попятно, что детей это пугало, хотя цели напугать их у нее не было. И все же дело часто заканчивалось ссорой, и малыш бежал жаловаться маме на «вон ту девочку».

Однажды, когда мы были на площадке, туда пришел молодой папа с двумя девочками. На площадке было специально отведенное место для самых маленьких, таких, как эти. Именно туда их и отправили играть. По какой-то причине это вызвало у Джоди интерес, так что она последовала за ними и стояла, наблюдая, как они лазают по сооружению в виде замка. Я была поблизости и следила за ней. В какой-то момент одна из девочек решила съехать с горки. Джоди подошла посмотреть, но встала слишком близко, оказавшись, таким образом, у той на пути. Отец девочки подошел к Джоди, положил руки ей на плечи и сказал:

— Отойди, не мешай.

Мне показалось, это было слишком, но я быстро подошла и извинилась:

— Прошу прощения. Пойдем, Джоди, пойдем на качели.

Мы повернулись и уже уходили, когда он крикнул нам вслед:

— Тебе надо бы научиться следить за своим ребенком.

Это было совершенно излишне, но я не стала отвечать, и мы с Джоди пошли дальше. Несколько минут спустя на площадку пришла красиво одетая женщина средних лет и направилась прямо к нам.

— Извините, — обратилась она ко мне. — это Джоди, верно? — Она наклонилась к Джоди и улыбнулась: — Привет, Джоди, я рада снова тебя видеть. — Джоди посмотрела в ее сторону и продолжила лениво раскачиваться. Дама подала мне руку: — Здравствуйте, извините, я Фиона, бывшая учительница Джоди.

Я пожала ей руку:

— Здравствуйте. Я Кэти, ее попечитель. — Я обычно не говорила при ребенке, что я попечитель, чтобы его не смущать, но в данном случае было логично предположить, что ее преподаватель знает, что Джоди находится на патронате. — И как долго вы с ней занимались?

— Год. — Она улыбнулась Джоди, но та в ответ только рассеянно посмотрела на нее.

Интересно, она ее узнала? — Должна сказать, я рада видеть Джоди в таком хорошем состоянии и такой опрятной. Вы замечательно справляетесь.

— Спасибо. Что ж, продвигаемся потихоньку вперед, верно, милая?

Джоди кивнула, не вникая, о чем ее спрашивают.

— Сколько времени она живет с вами? — спросила Фиона.

— Несколько месяцев. До меня она сменила несколько семей, но теперь все как будто устроилось.

— Замечательно. Уверена, это именно то, что ей нужно. Что ж, я пойду, развлекайтесь. Джоди, была очень рада тебя видеть... и была рада познакомиться, Кэти.

Она ушла, а я стояла около качелей, глядя на Джоди. Отец двух малышей направился в нашу сторону, и я забеспокоилась.

— Извините, — сказал он. — Не хочу вас беспокоить. Просто хотел извиниться за свой тон.

— А... ясно, — сказала я с облегчением. — Да ладно, ничего.

— Я случайно услышал, что вы ее попечитель. Просто я подумал, что вы мать.

— Не беспокойтесь. Извините, что помешали вам.

Он виновато улыбнулся и вернулся к девочкам.

Мы пришли домой, и я задумалась о двойных стандартах. Занимаясь чужими детьми, мы часто слышим в свой адрес обвинения в их плохом воспитании, но как только люди узнают, что вы попечитель, они неожиданно меняют свое мнение. Почему же все готовы сразу осуждать? Воспитывать ребенка в любом случае сложно, а тут еще осуждение посторонних.

Несколько дней спустя мне ответили из школы Эльмакр: очень жаль, но они не могут предложить Джоди место. Я упала духом, но секретарь продолжал: у них есть сотрудник в другой школе и, может быть, там нам помогут. Сотрудника звали Адам Вест, из школы Эбби Грин, ему уже передали мои координаты, и он скоро свяжется со мной. Я горячо поблагодарила его и с улыбкой передала хорошие новости Джоди.

— Не пойду, — сообщила она. — Ненавижу школу. Тебя ненавижу. Все ненавижу. — Она показала мне язык и выбежала в коридор.

ГЛАВА 15 Прошлое и настоящее

Около двух часов ночи меня разбудили крики, которые доносились из комнаты Джоди. Натянув халат, я вышла в коридор с ощущением, будто только что легла спать. Я, как всегда, торопливо постучала и сразу вошла. Джоди лежала на кровати, с головой накрывшись одеялом и плотно вцепившись в него. Я села на край кровати, и крик прекратился.

— Что случилось, солнышко?

— Глаза! — простонала она в ужасе.

— Какие глаза, милая? Вылезай оттуда, я обниму тебя.

— Нет! Они везде! Глаза в стенах, они смотрят на меня.

Я положила руку на одеяло, там, где были ноги, чтобы успокоить ее:

— Джоди, солнышко, понимаю, ты напугана, но это тебе только кажется. Здесь нет никаких глаз. Никто не смотрит на тебя. Пожалуйста, обними меня.

— Они здесь! — прокричала она в ответ. — Я их вижу, они ползут ко мне! Я не дура. Останови их, Кэти!

— Тише, Джоди. Давай быстренько выбирайся оттуда, и я покажу тебе, что здесь ничего нет, честное слово. Здесь с тобой я, и я не дам тебя в обиду, ты же знаешь. Я здесь, чтобы защищать тебя, это моя обязанность, верно?

Она на мгновение утихла, потом хватка ослабла. Я приподняла одеяло, и она выбралась наружу.

— Посмотри, видишь, здесь никого нет. — Я подошла к стене и поводила по ней рукой. — Видишь? Никого. — Я опять села на кровать.

Она покраснелась, у нее был жар, она вся была в поту и очень сильно напугана. Что бы Джоди ни примерещилось, ей казалось это реальным. То, что вначале было кошмарами, стало постепенно переходить в галлюцинации и проявляться все с большей силой. И сейчас, придя к ней, чтобы успокоить, я застала ее в состоянии между явью и сном. Иногда казалось, что она проснулась, но все еще остается в ловушке своего кошмара. Я так и не могла понять, сознает ли она это, но казалось, все, что приходит к ней в видениях, она воспринимает с большей реальностью, чем саму действительность.

— Почитаешь мне сказку? — попросила она.

— Ладно, хорошо, но потом ты поспишь, договорились?

— Да.

Я прочла ей сказку и уложила в постель, но часа в четыре утра она опять закричала. Я пришла к ней и успокоила, а спустя час все началось сначала. Теперь можно даже не надеяться, что она уснет, а значит, не надеяться поспать самой, так что я спустилась вниз за чашкой кофе и так необходимой мне сейчас сигаретой. Я стояла во внутреннем дворике в халате и тапочках. Еще не рассвело, и не рассветет еще с полчаса. Я подумала: сколько еще матерей знают точное время восхода солнца?

Был холодный осенний день. Лето прошло. Джоди жила с нами уже больше полугода. Теперь мне было непросто вспомнить, как все было до нее, вспомнить жизнь без постоянной напряженности. Джоди и ее проблемы заполнили все, и осталось немного из того, что не было связано с мыслями о ней. Когда похолодало, для меня стало настоящей проблемой уговорить Джоди одеваться теплее. В тот день мы собрались пройтись по магазинам, но как только я стала закрывать входную дверь, вспомнила, что забыла свои перчатки. Я оставила Джоди на пороге, а сама вернулась за ними. Внезапно дверь распахнулась, и Джоди бросилась ко мне.

— Что случилось?

— Папа. Он там!

— Что? Где он?

Мне стало страшно. Не так уж и маловероятно, что родители Джоди могли меня выследить, если такие грубые ошибки были допущены. Я жутко испугалась при мысли о встрече с отцом Джоди. Испугалась не за себя (не думаю, что в этом была какая-то опасность для меня), испугалась, что мирное существование Джоди в моем доме будет поставлено под угрозу, если она хоть раз увидит здесь отца. И более того, я сама не хотела бы видеть его никогда. От одной мысли о нем мне делалось физически дурно.

— Где ты его видела, Джоди?

— В своем грузовике. Ехал по улице.

— Иди в комнату и сиди тихо.

Я вышла на улицу, прикрыв за собой дверь. С порога я машину не увидела. По дорожке спустилась к тротуару, осмотрела всю улицу. Раньше Джоди говорила, что у них был белый фургон, но никаких фургонов я вообще не видела. Я еще раз осмотрела улицу — нет, никаких белых фургонов. Снова осмотрев все и ничего не заметив, я с облегчением вернулась домой:

— Все в порядке, Джоди, никакого фургона там нет. И отца твоего нет. Он не знает, где мы живем, так что я уверена: это был не он. Это был какой-то другой фургон... — Я обняла ее. — По магазинам пойдем сейчас или подождем немного?

— Пойдем, — безвольно согласилась она.

Я продолжала успокаивать ее и, крепко прижав к себе, довела до машины. Пока мы ехали до города, я наблюдала за ней в зеркало заднего вида, поскольку она продолжала в страхе смотреть из окна во все стороны, отыскивая глазами фургоны.

Я припарковалась и взяла парковочный талон на два часа. В торговом центре мы будто очутились в сказочной стране рождественских елок, мерцающих гирлянд из фольги и огромного Деда Мороза, громыхающего свое «Хо-хо-хо». Меня охватила легкая паника при

виде магазинных приготовлений к празднику, поскольку у самой еще ничего не было готово. Я посчитала, и оказалось, что до Рождества всего шесть недель. Я взяла корзину, и мы обошли универмаг.

Джоди всегда была увлеченной образцовой покупательницей и лихо сметала любую привлекательно упакованную штучку, которая находилась в пределах ее досягаемости. Пока мы делали покупки, я рассказывала ей про Рождество и про то, какие семейные традиции мы соблюдаем в этот день, например украшаем дома и елки, про службу в церкви в канун Рождества, про наволочки, которые мы вывешиваем за дверь, прежде чем отправиться спать. Рассказала о бокале хереса и мясном пироге, которые мы оставляем для Санты, вместе с морковкой для оленей. Джоди слушала с легким интересом, но своими впечатлениями не делилась. Даже не рассказала про прошлое Рождество, которое она провела со своими родителями, что обычно очень запоминается детям, находящимся под опекой. Зато она уловила материальный аспект торжества и начала оглашать мне перечень подарков, которые хотела бы получить в этом году, куда входило (если сократить) все что угодно яркой расцветки, желательно розовое и блестящее.

— Что тебе подарили на прошлое Рождество? — перебила я.

— Ботинки, — ответила она. — Черные, для школы. Но они были без обертки.

— И что вы делали на Рождество? Игнали в какие-нибудь игры?

Она кивнула:

— Мы ходили в паб и бросали дротики. Мама выпила много пива и упала, поэтому мы пошли домой. Они легли спать, я разогрела пиццу, и потом всем стало лучше.

Я вздохнула. Какое жалкое Рождество! Но оно, хотя и было безрадостным, было ничуть не хуже Рождества многих детей, которых отдавали мне на попечительство. Эти дети никогда не испытывали восторга и удовольствия от того, что, проснувшись наутро после Рождества, могли побежать потрошить наволочки и искать подарки под елкой.

— На этот раз Рождество будет совсем другим, и я уверена, тебе понравится.

— Правда? — Ее лицо просияло.

— Честно-честно. — Мы продолжили делать покупки, и я решила, что Рождество у нее будет самое лучшее, какое я только в состоянии устроить, — это то немногое, что я могла сделать, чтобы вернуть ей маленький кусочек потерянного детства. Я уже с нетерпением ждала того дня, когда увижу ее радость, хотя до него оставалось еще больше месяца.

Я купила подарки для племянников и племянниц, потом заметила тапочки с Винни Пухом, которые достанутся Поле. Чтобы не испортить сюрприз, я тихонько уложила их на дно корзинки и постаралась отвлечь Джоди, пока расплачивалась за них. С другими подарками я поступила точно так же, включая пазл с «Улицей Сезам» для Джоди и кондиционер для волос, который приглянулся Люси. В этом году все покупки мы будем делать вместе с Джоди, так что придется хитрить и выворачиваться, но оно того стоит.

Когда мы вернулись, в коридоре как раз встретились с Полой и Люси. Они раздевались и разбирали свои школьные сумки.

— Мы готовились к Рождеству! — прокричала Джоди с радостью.

— Делали покупки, — добавила я. — Я наконец начала.

— Да, покупки, — повторила Джоди, — а мой папа плохой, он снимал с меня одежду и лежал на мне.

Девочки неловко засмеялись. Они не знали, что ответить.

— Джоди, — сказала я. — Мы ходили за покупками сегодня. А то, что делал твой папа, было больше года назад. Не надо это ставить рядом. Это нехорошо.

Но она часто делала так, сталкивая прошлое и настоящее. У нее никогда не было представления о времени, но ее неспособность увидеть разницу между прошлым, настоящим и будущим, кажется, даже усугублялась.

— Хочешь поиграть? — спросила Пола.

Джоди без интереса посмотрела на нее.

— Хочешь, соберем вместе пазл?

— Или поиграем в куклы? — предложила Пола. — Я бы с удовольствием поиграла с твоими Барби.

— Нет! — рявкнула Джоди. — Мои куклы! Кэти, можно посмотреть видео?

— Неужели ты не хочешь поиграть с девочками? Уверена, что это намного веселее, и девочки наверняка захотят послушать, как ты провела день и как ходила по магазинам.

Джоди вздохнула, утомленная моими, непонятными ей, пожеланиями.

— Ну, пожалуйста, Кэти, — взмолилась она. — Я хорошо себя вела?

Я не могла не согласиться и разрешила ей взять наверху одну из ее кассет. Девочки разошлись по своим комнатам. Было видно, что они немного обижены. Понятно, что особого желания играть в куклы с Джоди у них не было, но такой отказ никому не понравится. Пола и Люси старались проводить с Джоди больше времени, подружиться с ней, но достучаться до нее было невозможно. Большинство детей, вне зависимости от своего поведения, все-таки хотят нравиться окружающим и получать от них похвалы. Джоди было попросту наплевать на все. Когда девочки предлагали ей поиграть, ее это не радовало, ей не было лестно и уж точно не приходило в голову, что она их обижает. Она ничего не замечала.

К Эдриану Джоди относилась еще холоднее. Из-за природы травмы, нанесенной ей, всех мужчин Джоди рассматривала с точки зрения секса, пыталась заигрывать с ними или вызывающе тереться о них. Это тоже происходило неосознанно, просто потому, что такой тип отношений соответствовал ее отношениям с мужчинами в прошлом, и чтобы изменить этот алгоритм, потребуется очень много времени. В итоге Эдриану было тяжело общаться с ней, и он предпочитал держаться подальше.

Начав чистить картошку на ужин, я услышала шум, доносящийся сверху. Я уже собралась было бежать наверх, но потом поняла, что это были за звуки. На видеокассете были записаны песни и танцы, где детей призывали танцевать с ними. Джоди просто смотрела видео и танцевала.

Я вернулась в кухню и задумалась. Когда встал выбор — одной смотреть видео или играть с моими детьми, — Джоди без колебания выбрала видео. Дело было даже не в том, что девочки ей не нравились. Но если вставал выбор, быть одной или провести время с кем-то, Джоди всегда выбирала первое. Прошлое научило ее тому, что другие люди могут принести боль и тревогу, — и этот урок заставил ее оградиться от внешнего мира.

Я боялась, что это печальное наследие может остаться с ней на всю жизнь — ее враждебность, постоянная готовность к обороне и задержка в развитии. Джоди не была хорошенькой, умной или талантливой, не была доброй, отзывчивой или ранимой. Она по-прежнему страдала от лишнего веса, несмотря на все мои усилия, но зато вес стабилизировался (хотя бы!). Она была грубой, неприятной, агрессивной, жестокой, и у нее не было ни малейшего желания нравиться. Все это вместе не могло не отталкивать от нее людей. Она неспособна была вызвать чью-либо симпатию. В ней не было ничего такого, что побудило бы кого-то быть с ней рядом, завоевать ее расположение.

Насколько я могла предположить, никто никогда не заинтересуется Джоди до конца ее жизни (конечно, кроме тех, кто захочет обидеть ее). Никто никогда не полюбит ее. Я прислушивалась к ее неловким неритмичным прыжкам и, как никогда, чувствовала себя привязанной к ней. Но ведь еще не поздно? Ей всего восемь, боже мой, неужели невозможно изменить ее судьбу? Я искренне надеялась, что еще можно исцелить ее надломленную душу, и я чувствовала себя обязанной возродить Джоди к жизни, чтобы дать ей шанс вернуться в детство, которое так жестоко отобрали у этого ребенка. Я была обязана отдать все свои силы на это, и если любовь, внимание, доброта и тяжелый труд хоть на что-то способны, я не остановлюсь ни перед чем, пока буду в силах помочь этой несчастной девочке.

ГЛАВА 16 Паутина

Стоял декабрь, прекрасное чистое морозное утро. Солнце мягким золотым шаром висело в небе. От мороза и усердного катания на велосипеде щеки Джоди покраснелись. То

и дело она останавливалась поправить шарф — часть комплекта, который я ей купила: сиреневая шапочка, шарф и перчатки с пушистой отделкой. Мне с трудом удалось отучить ее надевать их, когда она укладывалась в постель.

Я зашагала быстрее, как только мы приблизились к парковым воротам, — и мои мысли тоже понеслись быстрее. Я нервничала, и на сей раз не все мои страхи касались Джоди. Накануне мы ходили в школу Эбби Грин и встретились с ее директором. Адамом Вестом. И хотя встреча прошла хорошо, Вест сказал, что не сможет зачислить Джоди, пока не будет подтвержден документ о дотации, на что могло уйти месяца три. Тем временем Джоди придется продолжать заниматься с репетитором, что определенно не отвечало ее потребностям. Девочке, помимо собственно образования, требовались стабильный распорядок, такой как в школе, и общение с другими детьми.

У входа в парк я приостановилась и позвала Джоди. Я увидела большую, натянутую между двумя кустами паутину, которая, несмотря на то что находилась в тени, была видна из-за поблескивающей росы.

— Посмотри. Джоди! Паутина. Правда, красиво? Она похожа на те украшения, которые мы с тобой видели в магазине.

— Красиво, — согласилась она. — Очень.

— Слышишь шелест в листве? Наверняка это птица. — Мы замерли и прислушались. Мгновение спустя мы были вознаграждены: большой черный дрозд с огненно-рыжим хохолком быстро выпорхнул на дорожку. Лицо Джоди просияло.

— Красиво, очень красиво! — повторила она, и я поняла, что она будет твердить это целый день.

Мы обогнули парк четыре раза, затем двинулись к дому. После прогулки я всегда чувствовала себя лучше, да и Джоди необходимо высвободить энергию, иначе весь день она будет гиперактивной. Она ждала меня у ворот, мы вместе перешли дорогу, затем она помчалась к нашему повороту. У калитки она прислонила велосипед к забору. Любому прохожему, который ничего не знал о ее прошлом, она показалась бы обычным ребенком, который возвращается с прогулки, разгоряченный на морозе, спешит в дом, где тепло и ждет горячее какао. На минуту я стала этим человеком и увидела Джоди со стороны, увидела ее такой, какой она может стать, если все мои усилия не окажутся напрасны.

Мы сняли верхнюю одежду, и я поставила ее велосипед в зимний сад. Потом подогрела молока и приготовила нам по кружке горячего шоколада. Мы уселись по обе стороны кухонного стола. Я пододвинула Джоди коробку с печеньем, и она, довольная, запустила туда руку.

— Одно, — напомнила я. — Тебе еще завтракать. — Я отпила глоток шоколада и поставила чашку. Она последовала за мной.

Я набрала воздуха в грудь. Настал момент, когда нужно затронуть тему, которая сидела у меня в голове все утро. Беззаботность нашей прогулки в парке вот-вот будет испорчена мерзостью взрослого мира, в который Джоди так жестоко вытолкнули.

— Джоди, — начала я.

Она встретила мой взгляд, как всегда, безразличными серо-голубыми глазами.

— Мне нужно тебе кое-что объяснить. Ты внимательно слушаешь? Когда мы допьем шоколад, нам нужно будет выйти на улицу и сесть в машину. Ты помнишь Эйлин?

Конечно, она не помнила Эйлин, хотя та все-таки встретилась с нами однажды. Несколько недель назад Эйлин наконец пришла к нам в дом, чтобы познакомиться. Вряд ли Джоди вспомнит ее, и вряд ли ее можно винить за это, тем более что визит был непродолжительным, если не сказать большего. Спустя несколько минут Эйлин принесла свои извинения и ускакала по другим делам. Она явно не стремилась сойтись с Джоди поближе.

Во взгляде Джоди ничего не отразилось, и я продолжила:

— Эйлин, твой социальный работник, помнить? Ну так вот, она хочет, чтобы ты сделала одну вещь. Это называется обследованием, там тебя будет смотреть врач, но не

пугайся, я буду рядом.

В идеале, Эйлин сама должна была бы подъехать и объяснить Джоди, что ей предстоит, но я ни на что подобное уже и не рассчитывала.

— Да? Хорошо. — Она обмакнула печенье в чашку и слизнула растаявший шоколад.

— Доктор посмотрит тебя, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. Помнишь, ты проходила уже обследование, когда тебя только взяли на патронаж? Будет почти то же самое.

— Мне нужно будет раздеваться? — На печенье она была сосредоточена больше, чем на разговоре.

— Да. Но доктор будет приятная женщина, она привыкла работать с детьми, так что ничего страшного. Она посмотрит тебя, особенно там, где папа и дядя Майк делали тебе больно. То, что мы называем нашими интимными местами.

Я подождала, как она отреагирует: страх, ужас, протест? Но нет, ничего. Она допила какао, вытерла рукой рот и ушла, оставив меня гадать: правильно ли она все поняла?

— Если у тебя есть какие-то вопросы, — закончила я, — задавай их мне, я все объясню.

Когда я пристегнула ее к заднему сиденью машины, она снова начала говорить обо всем на свете, включая и обследование. Я когда-нибудь проходила обследование? А Люси и Пола? А нам когда-нибудь приходилось раздеваться и показывать свои интимные места? А Эдриану? Я прекратила этот поток вопросов и включила радио. Заиграла какая-то танцевальная популярная песенка.

— Моей маме нравится эта песня, — сказала Джоди. — Ей нравится певец. Мы слушаем ее в пабе.

— Вы слушали ее в пабе, — поправила я. Как всегда, Джоди снова путала прошлое и настоящее, но я взяла за правило поправлять ее всегда, когда эти два времени смешивались в ее сознании, в надежде, что когда-нибудь она уяснит, что же осталось позади. Меня беспокоило то, что эмоционально она все еще существовала в том отвратительном мире, откуда пришла, а если так, то она была еще слишком далека от выздоровления. — Сейчас мы не ходим в паб. Это было в прошлом.

— Почему, Кэти? Почему мы не ходим в паб?

— Не думаю, что это подходящее место для детей. Я предпочитаю гулять в парке.

— А мама считала, что подходящее, и папа тоже, и тетя Белл.

— Да уж, представляю.

— Кэти, а у моей мамы было обследование и она показывала свои интимные места?

— Не знаю, но, насколько мне известно, нет.

Она замолчала, будто бы взвешивая. Потом снова раздался ее голос:

— А должна бы. Папа с ней тоже делал плохие вещи.

Я посмотрела на нее в зеркало. Комментарий был брошен в сторону, но наполнен смыслом, как и многие ее откровения.

— Откуда ты знаешь, Джоди?

Она пожала плечами:

— Просто знаю.

Она уже снова замкнулась в себе, и я понимала, что нет смысла давить на нее. Наверняка дело было в том, что она видела, как ее родители занимаются сексом, и не было ничего удивительного в том, что она не понимала разницы между этим и тем, что отец делал с ней. И когда она говорила «плохо», значило ли это, что она начала понимать, что поступок отца действительно был плох? Или просто повторяла то, что слышала от меня? С Джоди никогда нельзя было знать наверняка, понимает она, о чем речь, или просто соглашается.

Остаток поездки Джоди подпевала песням, которые звучали по радио, и практически без ошибок. Интересно, как у нее получалось запоминать все эти бессмысленные тексты, притом что она никак не способна была усвоить алфавит?

Медицинский центр располагался в специально построенном коттедже и предлагал целый спектр педиатрических услуг. Я бывала здесь с другими своими воспитанниками с

целью стационарного осмотра, но никогда — для судебного обследования. Я не могла избавиться от страха, поскольку понимала, что ждет Джоди впереди. Я знала, что даже полиция без особого удовольствия подвергает маленьких детей такому испытанию, потому что и там считают это очередной формой надругательства. Я уже успела все это обсудить с Джилл, и она уверила меня, что, если Джоди проявит малейшее упорство или признаки стресса, врачи тут же прекратят осмотр. Никто не будет принуждать ее.

Найти место для парковки было непросто, но я заметила одно у обочины и торопливо припарковалась, пока сзади терпеливо ждал фургон.

— Ты здесь уже была? — спросила Джоди, отстегивая ремень безопасности.

— Да. Проверяла зрение и слух.

— А они смотрели твои интимные места?

— Нет, милая. Сиди спокойно, я тебя сейчас выпущу.

Я обошла машину кругом и открыла дверцу. Она выскочила на тротуар, и я взяла ее за руку. Я понятия не имела, какое нам нужно отделение, а расписание приемов, похоже, не учитывало осмотр интимных мест. Мы подошли к регистратуре.

— Джоди Браун, — назвала я имя. — На двенадцать тридцать нам назначено судебное обследование.

Девушка за стойкой заглянула в свое расписание:

— Ах да. Мы ожидаем полицейского врача. Посидите пока. Это не должно занять много времени.

Я провела Джоди к ряду пластиковых кресел рядом с коробкой довольно потрепанных игрушек и книг. Над дверью с табличкой «Консультация 1» горела надпись «Свободно». Джоди притащила мне книжку-раскладушку «Золушка». Только я открыла ее и собралась читать, как мимо прошла красиво одетая женщина. Ей было за пятьдесят, на губах ярко-красная помада, на носу очки в роговой оправе.

— Кэти? — улыбнулась мне она. — Я Линда Маршалл, полицейский врач. А ты, должно быть, Джоди?

Она выглядела совсем не так, как я себе представляла, а по взгляду Джоди я поняла, что и она ожидала чего-то иного. Высокие шпильки, красный клетчатый костюм и черные чулки больше были бы к месту в отделе модной одежды универмага.

— Простите, что заставила вас ждать. Как дела?

— Спасибо, хорошо, — ответила я за нас обеих.

Джоди подозрительно смерила ее взглядом.

— Вы доктор? — проворчала она.

— Да, — заговорщицким тоном прошептала она. — Но детям кажется, что я не похожа на доктора. Пойдем?

Джоди тут же отпустила мою руку и схватила ее. Мы вместе вошли в комнату для консультаций. Там за небольшим столом сидела девушка в белом медицинском халате, она была больше похожа на врача, которого мы ждали. Она вышла из-за стола и пожала мне руку.

— Добрый день, я доктор Пратчет, — сказала она. — Сегодня я буду проводить ваш осмотр с помощью доктора Маршалл. Присаживайтесь.

Я присела на единственный свободный стул и огляделась. Длинное откидное кресло с подножкой занимало половину комнаты. Около него на гнущейся металлической стойке стояла большая лампа, которая пока что была выключена. Меня передернуло, как только я представила, что сейчас будет.

Доктор Пратчет вернулась за стол, а Линда Маршалл присела на край кушетки. Джоди направилась напрямик к коробке с игрушками в углу и тут же перевернула ее, вывалив содержимое на пол. Я предупреждающе посмотрела на ребенка.

— Сначала я хотела бы задать вам несколько вопросов, — сказала доктор Пратчет. — Ты пока поиграешь тут немножко, да, Джоди?

Джоди улыбнулась и показала мне игрушку, которую достала из кучи:

— Смотри, Кэти!

— Да, клоун, такой же, как и у нас. Не забудь положить его назад, когда поиграешь, ладно?

Врач открыла папку и достала оттуда стопку бумаг:

— Джоди сейчас восемь с половиной? И она живет с вами с третьего апреля?

Врач была прекрасно осведомлена о содержании личного дела Джоди и знала, зачем мы здесь.

— Да, все верно.

— Как ее состояние в целом? Питание? Сон? Поведение?

Я вкратце описала состояние Джоди: ест хорошо, но сон становится все хуже, да и поведение оставляет желать лучшего.

— Она понимает, зачем она здесь?

— Я объяснила ей, что она пройдет осмотр у врача и вы осмотрите ее интимные места, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Она кивнула и, как мне показалось, осталась довольна моим объяснением.

— Кроме того, что сказала Джоди, вы замечали какие-либо признаки? Болезненность, сыпь, выделения?

Опекунам не позволено быть придирчивыми.

— Нет, но она часто ходит под себя. Уже не осознанно, как бывало раньше. Похоже на то, что она не может вовремя сходить в туалет. А если и успевает, то не очень хорошо обращается с туалетной бумагой. Я часто переодеваю ее и много стираю, так что это, возможно, не бросается в глаза.

— Да, — согласилась Линда Маршалл.

Доктор Пратчет записала что-то в папке и посмотрела на Джоди:

— Хорошо, Джоди, для начала мы смерим твой рост и взвесим тебя. Можешь прискакать к этой линейке?

Прискакать — не самый удачный выбор слова, так как Джоди восприняла это буквально. Оглушительным прыжком она вскочила на подставку. Пружинная металлическая подставка зазвенела и задрожала.

— Аккуратнее, — сказала я.

Линда назвала результаты, и доктор Пратчет внесла их в карту.

— Теперь забирайся, пожалуйста, вот на это кресло. Оно немного высоковато, тебе помочь?

Джоди, не думая о том, что будет дальше, и желая продемонстрировать свою покладистость, забралась на кресло. Она свесила свои пухлые ножки и стала болтать ими, довольно улыбаясь. Доктор Пратчет достала из ящика стола стетоскоп и деревянный шпатель. Стетоскоп она повесила на шею, а шпатель сунула в карман халата. Я отодвинула стул, чтобы не загораживать ей дорогу. Мое беспокойство возрастало со страшной скоростью.

— Скажи «а-а-а», — попросила она. — Сначала я посмотрю твой рот.

Джоди широко раскрыла рот. Доктор Пратчет положила на ее язык лопаточку, и две женщины всмотрелись в ее рот. Я догадывалась, что они там ищут. Если Джоди принуждали к оральному сексу, она могла подхватить какую-нибудь венерическую болезнь, но, когда я помогала ей чистить зубы, я никогда не замечала ни сыпи, ни белой гнили.

— Превосходно, — сказала доктор Пратчет. — Молодец.

Джоди закрыла рот и улыбнулась мне. Я успокаивающе улыбнулась ей в ответ.

— Теперь давай послушаем твое сердечко.

Линда приподняла свитер Джоди, спокойно дождавшись, пока та, разрешая это сделать, поднимет руки, и доктор Пратчет стетоскопом прослушала ее. Я немного успокоилась: они определено знали, как идти с детьми на контакт.

— Превосходно, — повторила она. — Ты молодец. Совсем большая девочка!

Джоди просияла, как будто ей вручили медаль, но между тем мы приближались к

следующей стадии осмотра, и я молилась, чтобы Джоди оставалась такой же послушной. Заставлять врачей ее не станут, но без осмотра мало шансов открыть уголовное дело.

— Не могла бы ты прилечь? — спросила Линда, похлопав по креслу.

Джоди неловко плюхнулась и громко хохотнула.

— Немножко ближе к этому краю, — сказала Линда и подвинула ее так, что ее ноги свешивались вниз.

Доктор Пратчет включила лампу.

— Может, вы хотите подержать ее за руку? — спросила меня Линда.

Я переставила стул, чтобы сидеть рядом с Джоди и держать ее за руку. Хотелось хоть в чем-то поспособствовать. Доктор Пратчет передала Линде простыню, и она накрыла ею Джоди.

— Сейчас я сниму с тебя брюки и трусики, — сказала она и тихонько сняла их под простыней. — Умница. Теперь расслабь ножки, я поставлю их как надо.

Она согнула ей ноги в коленях. Это была неудобная поза, но ее прикрывала простыня, так, по крайней мере, сохранялось какое-то достоинство.

Линда подошла к кушетке и присоединилась к доктору Пратчет, обе они натянули резиновые перчатки и приступили. Я поглаживала Джоди лоб и сжимала ее руку. Краска прилила к ее щекам, и она прикусила губу.

— Это ненадолго, — сказала я. — Потом пойдем домой.

Женщины стали обсуждать то, что видели. Я распознала слово «повреждение», но не поняла ни один из терминов. Их ровный профессиональный тон не давал возможности хоть что-нибудь понять.

— Больно, — сказала Джоди, и я крепче сжала ее руку, моля про себя, чтобы они быстрее закончили.

Внезапно доктор Пратчет выпрямилась:

— Все. Ты очень храбро себя вела. Теперь можешь одеваться.

Я издала вздох облегчения, усадила Джоди и помогла ей одеться, а врачи тем временем выбросили свои перчатки в урну.

— Мы отправим отчет ее социальному работнику, — сказала Линда, — но мы можем успокоить вас: она в совершенном порядке.

Пока нам больше ничего не собирались говорить. В конечном итоге я узнаю все от социального работника. Джилл сказала, что на это может уйти от десяти дней до месяца. Я тепло поблагодарила их, взяла Джоди за руку, и мы вышли на зимнее солнце.

— Ты была очень храброй, — сказала я. — Больше тебе не придется повторять этого. Все позади.

— Лучше бы это был мужчина, — сказала она, слегка подскакивая позади меня.

— Что? Обследовал тебя? — удивилась я. Вообще-то, после того, через что она прошла, Джоди меньше всего должна была бы хотеть, чтобы ее обследовал мужчина.

— Почему?

— Женщины всегда делают больнее, потому что у них нет штучки.

Я резко остановилась и повернулась к ней, как только до меня дошло значение ее слов:

— В каком смысле? Какие женщины? Как они делали тебе больно?

Она нахмурила брови, подыскивая в своем ограниченном словаре слова, чтобы объяснить:

— Мама и тетя Белл. Они брали разные вещи. Потому что у них не было своей штучки.

— Вещи? И делали ими что-то?

— Да, как докторши. Они тыкали в меня разные вещи.

Я оцепенела. Господи, только не это. Что еще могло выпасть на долю несчастной девочки?

— Какие вещи, Джоди?

— Ложки, как та, которую доктор положила мне в рот. Только серебряные.

— Ты говоришь, что мама и тетя Белл тыкали в твои интимные места ложкой?

Она кивнула:

Было холодно, и папа сначала погрел ее в руке. Он бывал иногда добрым, правда, Кэти? Это было уже слишком. Я больше не могла сдерживать ненависть, которая кипела во мне:

Нет, Джоди, не был. Он был злым. Он животное. Все они животные. Чтоб они все горели в аду!

ГЛАВА 17

Любопытная корова

Я сидела за столом и писала, фиксируя в журнале все мерзостные подробности сексуального надругательства над Джоди. В горле комом стояла тошнота. Непосредственное участие матери Джоди в акте насилия было вопиющим извращением материнской роли и всего того, что, по нашему мнению, должна испытывать мать ребенка. Мы, попечители, не должны судить родителей, но всему есть предел! Я едва могла записывать детские выводы Джоди о «добrote» отца, которая заключалась в том, что он греет предмет, которым потом осквернят ее.

Джилл позвонила, как только получила мое письмо:

— Боже мой, как она вообще не сошла с ума после такого?

— Не совсем. И с каждым новым признанием ей становится все хуже и хуже. — И как только я сказала это, сразу поняла, что происходило на самом деле. На каждодневном уровне были свои удачи и неудачи, были дни лучше и дни хуже, но если тщательно проанализировать происходящее, то оказывалось, что в действительности все стабильно шло под откос. Джоди становилось хуже. — Это выше моих сил, Джилл.

От Джилл не укрылась моя возрастающая паника.

— Так, успокойся, — сказала она. — Вы ведь идете на следующей неделе к психологу?

— Да, в понедельник.

— Почему бы тебе не спросить совета по поводу тактики? Это, конечно, не ее обязанность, но вдруг она сможет что-то подсказать. Попытка не пытка.

— Спасибо, Джилл. Хорошая мысль. — Я почувствовала себя спокойнее. — Посмотрим, что она скажет.

Джилл была права. Психолог была назначена судом, чтобы обследовать Джоди как участницу текущего процесса об опеке. Консультации, так же как и терапия, не входили в ее обязанности. Но все же была хотя бы надежда — должен же специалист знать, как мне следует поступить.

Джоди была взята под опеку временно, на патронат, а это означало, что суд рано или поздно должен будет решать, возвращать ее родителям или организовывать полную опеку. Психолог будет общаться с Джоди не один раз, прежде чем составить рапорт, так как для суда он станет одним из самых решающих моментов при вынесении решения.

Суд назначил два предварительных слушания, на январь и на март, после которых состоится окончательное судебное заседание в мае. Целью предварительных слушаний было предоставить судье на рассмотрение доказательства, собранные к тому моменту, чтобы он или она могли принять предварительное решение еще до судебного разбирательства. Затем, в ходе процесса, назначенный судом защитник встретится со всеми участниками и представит судье объективное заключение, сделав рекомендации с учетом интересов ребенка. На практике защитник направляет судью, и тот обычно следует его рекомендациям.

Если на заседании будет вынесено решение о полной опеке, местные власти возьмут Джоди под фактическую опеку, и социальные службы определят ее или в фостерскую семью на длительный срок, или в детский дом либо, если ей повезет, какая-нибудь семья захочет ее удочерить. Однако, если принимать во внимание возраст, агрессивность и заторможенность Джоди, последнее было маловероятно.

Накануне первой встречи с психологом Джоди была назначена беседа для

полицейского протокола. Эта беседа, будучи частью процесса опеки, также будет использована в полицейском расследовании с целью обвинения родителей Джоди и других растлителей. С Джоди будут беседовать специально обученные следователи из отдела по делам несовершеннолетних, и остается только надеяться, что с ними она пойдет на контакт так же охотно, как и со мной.

Мы приехали на наше интервью в полицию вовремя, и Джоди успела рассмотреть полицейские машины, припаркованные у выхода. Я нажала на звонок у входа, потом сообщила наши имена у компьютера в приемной. Секретарь вышел из-за стола и проводил нас в особый отдел. Мы вошли, и я успокоилась: отделение было спроектировано специально для детей. Комната была обставлена яркой мебелью, там стоял красный диван, было много игрушек и цветные обои на тему «Король Лев». Две женщины — офицеры в штатском — встали и представились.

— Здравствуй, а ты у нас Джоди? — весело приветствовала одна. — Меня зовут Келли, а это Гарриет.

Я пожалала им руки, а Джоди усмехнулась.

— Кофе? — предложила Гарриет.

— Да, будьте добры.

— И сок для Джоди?

— Спасибо, — поблагодарила я.

Гарриет вышла и вернулась с напитками и пачкой печенья, а Джоди тем временем достала из коробки мозаику и стала ее собирать. Какое-то время мы посидели, пока офицер пыталась привлечь внимание Джоди, расспрашивая ее об увлечениях, о любимой телепередаче и т. п. Джоди предпочитала игнорировать их вопросы, сидя в углу и изучая коробки с игрушками. Спустя какое-то время Келли, присев на четвереньки, присоединилась к Джоди, но это также не возымело никакого действия. Не думаю, что Джоди проявляла намеренную враждебность, скорее просто не чувствовала потребности к коммуникации, хотя и сегодня утром, и вчера вечером я объясняла ей, насколько важен для нас этот визит.

Было непростой задачей подготовить Джоди к тому, что сегодня состоится. Я попыталась ей объяснить, что некие добрые, милые люди будут задавать вопросы о том, о чем она уже рассказывала мне, но больше я ничего не могла добавить, не могла сказать: «Расскажи в полиции о тех плохих вещах, которые делал с тобой папа», чтобы не навязывать ей свои слова и мысли. Единственное, что я могла, — попросить ее рассказать правду. Если во время опроса всплывет, что я подсказывала ей, о чем говорить, это может быть использовано против нас в качестве опровержения показаний Джоди.

Я могла только надеяться, что она понимает, насколько для нее сейчас важно быть честной и откровенной с офицерами. Но, как всегда, сложно было сказать, понимает ли она это на самом деле. Я скрестила пальцы, чтобы только к ней вернулось ее податливое настроение, как в больнице, и надеялась, что ей понравится быть в центре внимания. Многие патронатные воспитанники такие: ими пренебрегают, пока они не попадают под опеку, и когда специалисты начинают уделять им внимание, они чувствуют себя центром вселенной. Иногда и Джоди хотела быть таким центром, и я надеялась, сегодня это обратится в ее пользу.

Прошло еще десять минут, и тогда Келли предложила мне начать. Она мягко тронула Джоди за руку:

— Через минуту мы пойдем в комнату — она называется комнатой для бесед. Я знаю, Кэти все тебе рассказала об этом. Это вон там. — Она указала на дверь.

Джоди оторвала взгляд от игрушек:

— А Кэти пойдет?

— Сначала да, а потом она вернется сюда и подождет тебя здесь, а мы поболтаем там. А пока мы будем разговаривать, нас будет снимать на видео милый молодой человек, чтобы мы ничего не забыли из нашего разговора. Ты не против?

Очень удачно. Джоди сразу потеряла интерес к своим игрушкам и, к моему великому

облегчению, поднялась и взяла Келли за руку.

— Пойдем, — сказала она. — Хочу на видео.

Я проводила их в соседнюю комнату, где молодой полицейский, также в штатском, поприветствовал нас.

— Привет, Джоди, — сказал он. — Меня зовут Джон. Я буду снимать тебя на камеру. Хочешь подойти и посмотреть?

Комната для допросов была маленькой и пустой, там стояло только три пластиковых стула, под потолком висела лампа, а на единственном окне — непрозрачные занавески. Меня удивила такая аскетичность. Я надеялась на что-то более уютное и привлекательное.

Джон показал нам с Джоди, где будет стоять камера и где будет стоять он, чтобы не попасть в кадр.

— Мы хотим снять видео и записать все, что ты нам расскажешь, ладно, Джоди?

Мне вспомнилось, как я впервые хотела сфотографировать Джоди, когда она только приехала, и как она начала при этом снимать с себя одежду. Понравится ли ей теперь, что ее будет снимать мужчина? По крайней мере, когда я объясняла ей это, она не волновалась, да и сейчас оставалась спокойной, кивая в знак согласия.

— Садись в это кресло, — попросила Келли, помогая Джоди устроиться, а Джон вернулся за камерой.

— Сейчас ты останешься с нами, а Кэти подождет за дверью, хорошо? — продолжила Гарриет.

Джоди скрючилась в кресле, а я вышла из комнаты. Как попечитель, я не имела права быть рядом со своим подопечным, чтобы мое присутствие не повлияло на показания ребенка. Допрос, чтобы потом его результаты были учтены в суде, должен проводиться со строгим соблюдением правил.

Я вернулась в яркую красочную комнату, которая сильно контрастировала с небольшим скромным помещением комнаты для допросов. Я села, но успокоиться не могла — и вышла, чтобы выкурить сигарету. Ветер пронизывал до костей, и я укрылась в дверях, затягиваясь украдкой и прикидывая, что может сейчас происходить на допросе. То, что скажет Джоди, будет иметь огромное значение: если ее рассказ не будет запечатлен на пленку, вполне возможно, не состоится и следствие. А в ее возрасте и с ее задержкой в развитии Джоди никогда не пустят свидетельствовать в зале суда. Характер нашей системы правозащиты подразумевает, что она может быть допрошена адвокатом другой стороны. И никаких шансов, что она с этим справится, да и любой ребенок в таком возрасте не справился бы. Так что неудивительно, что так мало подобных дел доходит до суда, из них еще меньше закапчиваются благополучно, и редко когда преступники получают по заслугам. Я докурила сигарету до половины и затушила ее, почувствовав себя менее виноватой. Потом позвонила, чтобы войти обратно, и вернулась в комнату. Походила, затем села, потом снова походила. Прошло двадцать минут, открылась дверь, и Келли просунула в щель голову.

— Еще минут десять, и мы сворачиваемся. Боюсь, нам не очень повезло.

Я кивнула, сердце мое упало, а Келли вернулась на допрос. Я подошла к окну, которое выходило на заднюю часть двора. Я видела, как въехала машина и из нее выбрались двое полицейских в форме, смеявшихся над чем-то. В качестве попечителя мне иногда приходилось иметь дело с полицией, и не только в связи с делами об опеке, но и в связи с побегами подростков или с какими-то их хулиганскими поступками. Работа у полицейских была непростая, и я всегда безмерно уважала их труд, особенно работников комиссии по делам несовершеннолетних — им нужна была выдержка святых.

Я как будто провалилась сквозь землю. В этом упадническом настроении мне казалось, что если до этого момента Джоди не разоткровенничалась, то вряд ли станет это делать теперь. Я знала, какой она бывала, когда не хотела говорить. Никакие усилия не помогали — она была непоколебима как скала.

Осталось лишь несколько минут для того, чтобы она все-таки успела рассказать полиции то, что им требуется услышать, иначе потом не будет возможности наказать тех, кто

так жестоко с ней обошелся.

Пока ждала, я задумалась (и не впервые) о брате и сестре Джоди. Пережили они то же, что и Джоди? Надеюсь, нет, но вряд ли я когда-нибудь узнаю об этом. Мне предоставляли лишь ту информацию, которая касалась непосредственно Джоди, и я знала только то, что ее брат и сестра сейчас живут в других фостерских семьях. Надеюсь, возраст (они намного младше Джоди) спас детей от издевательств, через которые прошла их сестра.

Вскоре до меня из-за двери донесся голос Джоди. Дверь открылась, и Джоди влетела в комнату.

— Мы сняли видео, — улыбалась она. — Очень здорово. — Она двинулась к коробке с игрушками.

Я с надеждой посмотрела на Келли и Гарриет, но они только покачали головами. Гарриет подозвала меня, а Келли помогла Джоди одеться.

— Думаю, она не станет говорить, — сказала Гарриет. — Она постоянно повторяла, что очень хочет оторвать отцу голову, но причины не объясняла, подробностей не рассказывала. И пока она в таком возрасте, мы не станем пытаться повторить допрос, но оставим дело открытым на будущее. Придет время, когда она будет готова.

— Спасибо. — Я не могла скрыть своего разочарования. — Мне жаль, что она не захотела сотрудничать, но не могу сказать, что особенно удивлена.

— В этом нет ничего удивительного в свете произошедшего. Несколько лет назад я общалась с их семьей. Непонятно, почему ее оставляли с ними так долго.

Я была заинтригована, но офицер ничего больше не сказала, да и конфиденциальность не позволила бы ей сделать этого. Я поняла, что по какой-то причине семья общалась с полицией, но это могло быть что угодно, от неоплаченного штрафа за парковку до мелких правонарушений и торговли наркотиками. Так или иначе, у меня сложилось впечатление, что Гарриет не понравилась обстановка в семье. Однако я не могла знать наверняка.

Я застегнула Джоди куртку, и нас проводили. Но стоило нам завернуть за угол, как ее хорошее настроение испарилось.

— Кэти, теперь придет чудовище? Оно придет и сделает то, про что мне говорили? — Она спрашивала встревоженно, почти затаив дыхание. — Я думаю, оно придет. Оно прячется под моей кроватью и хочет съесть мои руки, пока я сплю.

— Нет, милая, конечно нет, честное слово. С чего ты это взяла?

— Папа и дядя Майк говорили, что, если я кому-то расскажу, оно придет. — Ее волнение росло, голос срывался. — Оно отгрызет мне руки и ноги! Вот что будет!

— Нет, милая, — успокаивала я. — Никто не придет. Ты очень хорошо вела себя в полиции, это правда. Ты была хорошей девочкой, и никто не обидит тебя. Ты же со мной, верно? И никаких чудовищ нет.

Пока я успокаивала ее, я поняла, что именно из-за страха она и не рассказала ничего полиции. Во мне закипала злость на то, что до сих пор ее обидчики имеют такую власть над ней. Против своей воли она защищала их, потому что ужас, который они в ней поселили, побеждал все остальное.

— Ты со мной, Джоди, — сказала я, и мы тронулись в путь. — Все будет хорошо.

Тем вечером, когда я включила десятичасовые новости, я увидела на экране рок-звезду, арестованную в ходе шумевшего дела о распространении детской порнографии через Интернет. Полиция обыскала его компьютер и обнаружила на жестком диске снимки детей.

И снова меня начало трясти. Эти извращенцы хотя бы понимают, как делаются эти фотографии? Из-за каждой такой фотографии пострадал ребенок, чья-то жизнь была разрушена. В итоге получались дети вроде Джоди, надломленные и униженные, — и это необратимо. Человек, покупающий эти грязные фото, ответствен не меньше, чем сам преступник.

Наша встреча с психологом была назначена на понедельник. Хотя вместе мы шли к

доктору Берроуз впервые, но Джоди уже однажды посещала ее, когда жила в своей второй фостерской семье. И почему-то Джоди шла к ней с большой неохотой.

— Доктор Берроуз сможет помочь тебе, — объясняла я. — Все желают тебе только добра, Джоди, но доктор должна знать то, что знаем мы. Ты должна рассказать ей про все, что с тобой случилось, — и она обязательно поможет тебе почувствовать себя лучше.

— Не ее собачье дело, — огрызалась она. — Любопытная корова.

— Что не ее дело? — спросила я, но больше ее было уже не разговорить. Видимо, родители предупреждали ее о чем-то подобном и настроили против сотрудничества с психологом, боясь, что та может оказаться особой угрозой для их постыдного секрета.

Им не о чем было беспокоиться. Стоило нам переступить порог кабинета, как Джоди вновь стала враждебной и молчаливой. Она не отвечала ни на какие вопросы, даже самые невинные, вроде того, какие ей нравятся игры или какое у нее любимое лакомство. В лучшем случае, она отвечала или односложно, или совершенно нечленораздельно.

Доктор Берроуз вела себя профессионально и деловито и, по-видимому, знала, как идти на контакт с детьми, но с Джоди у нее ничего не получалось. Спустя какое-то время она прекратила задавать ей прямые вопросы и попробовала другой подход. Она достала блокнот и цветные карандаши:

— Джоди, нарисуй мне что-нибудь. Я хочу посмотреть, как ты рисуешь. Нарисуй мне своих маму и папу дома.

Это немного расслабило Джоди, она взяла карандаши и начала рисовать — как обычно, криво и неумело. Мы смотрели, как она царапает на листе бумаги свой рисунок. Я не психолог, и мне было непонятно, как ее детские каракули смогут нам помочь. Обычные примитивные палка-палка-огуречик, с огромными головами и без каких-либо подробностей. Но Джоди, решив, что все, что в ее силах, она уже сделала, на все дальнейшие вопросы психолога отвечала только одно: «Не знаю. Отстань».

Часовой сеанс близился к завершению. Час, казалось, прошел впустую, и я в удобный момент спросила у психолога, что она может мне посоветовать насчет поведения Джоди.

— В первую очередь ей нужна медицинская помощь. Вы это ей предоставляете. Очень хорошо, что ее поручили вам. Вы прекрасно справляетесь.

И снова комплименты, а я, вообще-то, спрашивала совета. Я была рассержена и растеряна. Этому меня не учили — и я теперь пробиралась впотьмах, измученная сомнениями и чувством, что я безнадежно погрязла в деле, которое мне не по плечу. Мои навыки и опыт не годились для того, чтобы помочь Джоди, — сейчас я поняла это. Доктор Берроуз была хорошим психологом, но она не видела, что я даже не могу отделить физическое состояние Джоди от ее умственного неблагополучия. Каждый день мне приходилось не только кормить ее, развлекать и содержать в чистоте, но также справляться с ее истериками, жестокостью, кошмарами, видениями, галлюцинациями и диким ужасом. Это вам не один час в кресле психолога. Я жила с этим денно и ночью.

Когда мы ушли, я почувствовала себя такой одинокой. Никогда в жизни еще так себя не чувствовала.

До Рождества осталось каких-то десять дней, я и не заметила, как пролетело время. Воодушевления, посетившего меня несколько недель назад, давно уже не наблюдалось. В этом году мы будем справлять праздник тихо. Почти все подарки я уже купила и упаковала, дом украсила, но сердцем праздника не чувствовала. Я старалась улыбаться, чтобы не расстраивать детей, но сократила количество привычных мероприятий. У меня попросту не хватило бы сил на полноценное торжество. Мои родители, брат и его семья приедут на Рождество. Обычно я устраивала небольшую вечеринку для друзей и соседей в сочельник, но в этом году придется от этого отказаться. Пришлось объяснить им, что сейчас на меня навалилось слишком много дел и я обязательно приглашу их, как только все утрясется. Надеюсь, никто не обиделся.

Когда суета утихла и у меня выдавалась свободная минутка, я размышляла о том,

насколько сильно я оказалась вовлечена в проблемы и страдания Джоди. Я увязла в пучине ее эмоционального смятения, но, как бы хорошо я это ни сознавала, освободиться не могла. Она беспрерывно занимала все мои мысли. Если я читала книгу, то, переворачивая страницы, ловила себя на мысли, что не уловила ни единого слова из прочитанного. То же самое происходило, если я слушала радио или смотрела телевизор. Моим единственным занятием стала Джоди, под угрозой был уже мой собственный рассудок. Ее искалеченное сознание меняло и мое. Как будто зло, заполонившее мир Джоди, выбиралось из нее и распространялось по моему дому. В воздухе точно был разлит яд, а Джоди была переносчиком заразы. Мне нужен был перерыв, чтобы оценить ситуацию со стороны. Я позвонила Джилл и объяснила, что и физически, и морально я выбита из колеи.

— Джилл, я серьезно, мне нужно отдохнуть. Совсем немного, просто собраться с силами и перестроиться, немного переключиться на что-то. Мне нужно хоть немного внимания уделить своим детям. Можешь организовать мне небольшой перерыв? Любые выходные в январе подойдут.

— Конечно. Ты заслужила отпуск. Более того, он тебе действительно необходим, если ты хочешь и дальше заниматься ею. Я посмотрю сегодня, что можно придумать. Единственное, Кэти, нужно будет найти семью, которая возьмет ее на это время. Нужны опытные попечители и чтобы у них не было детей младше Джоди или ее ровесников. У меня есть на примете одна пара из Суррея. Посмотрю, свободны ли они.

— Спасибо. Очень тебе благодарна. — Я повесила трубку, и настроение мое немного улучшилось.

ГЛАВА 18

Пожар

На следующий день Джилл позвонила, чтобы встретиться, последний раз в этом году. Мы немного поговорили. Она спросила, не вспоминает ли Джоди о брате и сестре.

— Пару раз. В контексте того, что она мне рассказывала о доме.

— Не просила повидаться с ними?

— Нет. — Неожиданно до меня дошло, насколько это странно. Связь между патронатными детьми обычно только крепнет в разлуке, и, даже когда запрещены встречи детей с родителями, социальная служба обычно разрешает им видеться с братьями и сестрами. — А что, есть планы?

— Пока нет. Похоже, есть основания считать Джоди несколько жестокой по отношению к ним, поэтому их всех и распределили по разным семьям.

Неудивительно. Джоди была скоро на руку, если ее разозлить.

— А поздравления и подарки на Рождество? — спросила я.

— Мы передадим, если, конечно, она захочет отправить им подарки.

В тот день я спросила Джоди, не хочет ли она пройтись со мной по магазинам и купить рождественские подарки для брата и сестры.

— Нет. Не хочу.

— Может, хочешь подписать им открытку? Я могла бы помочь.

— Нет. Ненавижу их.

— Почему ненавидишь?

Она задумалась:

— Мама любила их больше. Она их забирала, когда ко мне приходил папа.

— Ясно, милая, понимаю. — Я не была уверена, но, исходя из ее слов, можно было предположить, что младшие не были подвержены насилию, через которое прошла Джоди. Потому-то она и не принимает их. Может, она и срывалась на них только потому, что завидовала их лучшей участи и хотела отомстить за это. Всего лишь предположение, конечно, но были основания хотя бы надеяться, что младшим повезло больше.

Так что Джоди была отдалена не только от своих родителей, но еще и от брата с

сестрой. Ими да еще растлителями в лице тетушек и дядюшек ограничивался ее семейный круг, поскольку бабушек и дедушек на горизонте не наблюдалось. Если со мной что-то случится, многочисленная родня придет на помощь моим детям, я была уверена. Сейчас не было никаких проблем, но однажды такой вопрос уже вставал передо мной. Мы расстались с мужем, когда Эдриану было столько же, сколько сейчас Джоди, и в самые тяжелые минуты меня спасала уверенность в том, что если мне суждено угодить под автобус, то о детях будет кому позаботиться, и любить их будут, как своих. У Джоди, напротив, во всем мире не было никого, кроме нас.

Вместо походов по магазинам Джоди захотела рисовать, и я дала ей бумагу, расставила краски и стаканы с водой, разложила кисти. Повязала ей фартук и оставила в покое — трудиться над шедеврами. Вернувшись, я была приятно удивлена. Джоди действительно нарисовала несколько очень неплохих рисунков.

— Тебе нравится, Кэти? — гордо спросила Джоди.

— Да, очень. Замечательные рисунки! Расскажешь, что на них? Что ты нарисовала?

— Хорошо. Это дом.

— Очень мило. А это окошко, да?

— Да, окошко. А это машина. А это моя собака, тупая старая собака.

Я встрепелась. На предварительном собеседовании говорили, что Джоди подожгла свою собаку, а заодно чуть не спалила весь дом. Именно после этого инцидента детей наконец забрали у родителей на патронат.

— Вот как. Расскажи мне подробнее про этот рисунок.

— Это Сэм. Наша собака. Он большой и коричневый. И всегда лает.

— А почему ты назвала его тупым?

— Не знаю, — в нетерпении ответила она.

— Ну расскажи мне. Не просто же так он тупой.

— Он страшный и обгоревший. Урод.

— О боже. Как же он обгорел? — спросила я, старательно изображая легкость в голосе.

Мы стояли рядом, рассматривали рисунки, и нельзя было допустить, чтобы Джоди почувствовала давление. Она поболтала кисточкой в воде и провела ею по листу бумаги, кисточка была недостаточно чистой, и Джоди снова сполоснула ее.

— Не хочешь рассказать, как обгорел Сэм? Обещаю, я не буду сердиться.

— Это Джоди сделала, — пробурчала она. — Обернула его всего туалетной бумагой и взяла мамину зажигалку. Он прыгал, прыгал, гавкал, бегал, и все горело.

— Где были твои мама с папой, когда ты это сделала?

— У дяди Майка.

— Ты была одна?

— Нет. Бен и Чесси тоже были. — Сестру Джоди звали Челси, но у нее не получалось выговаривать это имя. — Я была за старшую.

— И что было потом?

— Я взяла Чесси и вывела их с Беном в сад, а эта тупая псина приперлась и стала валяться в грязи. Она была такая страшная с этой шерстью, и от нее воняло. И все время лаяла. Я потом пошла в коридор и набрала 999. Приехали пожарные и все потушили.

— Очень разумный поступок — вызвать пожарных. Ты спасла Челси и Бена.

— Ага. — Она взяла еще лист бумаги.

— Джоди, но почему ты сделала больно своей собаке?

— Она не моя. Папина. Я же говорила тебе.

— Понятно. И почему ты сделала больно папиной собаке?

Она сосредоточенно нахмурилась. Постепенно ее лицо окаменело, кисточку обхватил ее плотно стиснутый кулак.

— Ненавижу его. Всех ненавижу, я хотела все сжечь и убежать. Страшный дом... — Она стукнула по столу. — И хочу, чтобы папу посадили. Он такой ужасный, он сидел на моем лице. Его нужно посадить, убить его!

— Но при чем здесь собака, Джоди? Почему не поджечь шторы или диван, если ты хотела сжечь дом и убежать?

— Ты не понимаешь. Меня бы наказали, если бы я испортила диван.

Интересно, думала я, ставя перед ней печенье, она подожгла собаку с тем, чтобы наказать отца, причинив боль тому, кого он любит? Или, несмотря на свою задержку в развитии и сложности в обучении, Джоди придумала для себя план, как выбраться из этого дома? Но, не сделай она того, что сделала, она все еще была бы там, день за днем проходя через одни и те же жестокие издевательства.

В последующие дни Джоди необычайно отдалилась. Я возобновила свои усилия, пытаюсь сделать ее членом семьи, но она особенно упиралась и вела себя так, словно ей никто не нужен и она желает только уединения. Я видела подобное поведение и раньше: отчужденность — не редкость среди таких детей, для них это единственный способ выживания. Но у Джоди все приобрело гипертрофированный характер. Любое выражение заботы, исходящее от нас, упиралось в несокрушимую стену или становилось причиной ее насмешек. Она не хотела ни общаться, ни участвовать ни в чем таком, что составляло часть жизни нашей семьи, и устанавливала барьеры, чтобы подчеркнуть свою отстраненность. Однажды мы с девочками решили отправиться по магазинам, но Джоди отказывалась идти вместе с нами. Она шла, то опережая нас на несколько шагов, то отставая, и не проронила ни единого слова. На следующий день я повела ее в кино на «Лило и Стич», а она демонстративно села через два кресла от меня. Только когда выключили свет, она пересела ближе, потому что боялась темноты. Прежде она никогда не была в кино, но, несмотря на это, не выказала ни восторга, ни удовольствия ни до, ни после сеанса. Вот насколько притупились ее чувства. Она была замурована в своем одиночестве, и я не имела понятия, как мне достучаться до нее.

Рождество оставалось моей единственной надеждой. Я верила, что праздник укрепит наши отношения. Что может больше связать семью, чем Рождество?

ГЛАВА 19

Папочкина девочка

Никола пришла на последний в этом году урок, а на следующий день начались каникулы и в школе у девочек, и в колледже у Эдриана. Неожиданно мы все впятером остались вместе на целый день. Впрочем, слово «вместе» несколько неточно, поскольку, даже находясь под одной крышей, мы не были рядом, и не только из-за Джоди. Пола, Люси и Эдриан большую часть времени провели, закрывшись в своих комнатах. А когда они все-таки спускались вниз, то натыкались на очередной пинок и тираду: «Чего тебе надо? Пошел отсюда! Теперь это мой дом!» — и все в таком духе. За время проживания с нами Джоди ее отношение к окружающим не изменилось в лучшую сторону. Против всякой логики, чем больше внимания я ей уделяла, тем ревнивее она воспринимала других.

Снова и снова я повторяла Джоди, что все мы одна семья, но она даже слушать об этом не хотела. Ей и не нужна была семья, ей нужна была я. Ее собственническое отношение ко мне только укрепилось за те недели, что мы провели вдвоем, и меня это не устраивало. Она требовала от меня постоянного внимания, и я видела, что она делает то, чего прежде не позволял себе ни один ребенок: она подрывает устои нашей семьи. В другой ситуации я бы решила эту проблему, отдалив девочку от себя на некоторую дистанцию, но сейчас это было невозможно, поскольку в жизни Джоди было слишком много сложностей.

Враждебность Джоди и ее агрессия производили сильное впечатление на всех нас и создавали напряженную атмосферу. Даже когда она была наверху, в своей комнате, я будто ощущала в воздухе скопление недоброжелательности. За ужином, когда у нас получалось собраться вместе, мне приходилось постоянно поддерживать разговор, потому что дети чувствовали себя скованно из-за ее бесконечных выходов и сидели молча. Мы даже друг на друга почти не смотрели, потому что, если кто-то случайно бросал взгляд на Джоди, это

моментально выводило ее из себя. Один взгляд — и разгоралась очередная истерика, и никто не хотел быть ответственным, без вины виноватым, за очередной испорченный вечер.

Мы стали меньше разговаривать, поскольку сам характер травмы Джоди значительно сужал круг тем для наших бесед. Например, мы не могли поговорить о новом парне Люси, хотя сейчас ни о чем другом она не могла говорить. В общем-то, мужчины всех возрастов стали своего рода табу в нашем доме — мы даже звезд телевидения не рисковали обсуждать.

Когда девочки стали больше времени проводить дома, я особенно четко осознала ту пропасть, которая разверзлась между Джоди и остальной семьей. В первые месяцы ее пребывания у нас ее можно было приласкать и утешить, но в последнее время она отказывалась от любого проявления физического контакта, даже тогда, когда с криком просыпалась по ночам. Девочек я всегда обнимала и целовала на ночь, Эдриана — реже, и в сравнении с этим стало особенно очевидно, насколько изолировала себя от всех Джоди. Я, конечно, пыталась преодолеть препятствия, но если я хотела обнять ее перед сном или просила посидеть рядом со мной на диване, она могла или отпустить комментарий по поводу того, что все это ей противно, или просто помотать головой, или убежать.

Меня огорчали такие поступки, ведь было же ясно, как она одинока и несчастна, и я хотела только одного — чтобы она увидела, что я проявляю к ней любовь и привязанность, такую же, как к своим собственным детям. Яне психиатр, но, похоже, сексуальные надругательства оставили Джоди в наследство неприязнь к физической близости в целом, сделав все связанное с нею отталкивающим и пугающим. Чудовищная уловка-22²: Джоди нуждалась во внимании больше, чем кто бы то ни было, но любые формы проявления такого внимания только отпугивали ее.

Салли, судебный представитель, пришла к нам в гости и попросила оставить ее наедине с Джоди. Я воспользовалась этим временем, чтобы побыть немного с девочками (Эдриана не было дома, он гулял с друзьями). Все утро Джоди вела себя грубо и агрессивно, и я застала Полу уныло сидящей на кровати.

— Я хочу обратно в школу, — призналась она. — Боюсь Рождества. Она все испортит.

— Нет, мы не позволим. Может, наоборот, это окажется именно тем, что нужно, чтобы достучаться до нее. Я понимаю, это непросто, но не может же она держать все в себе вечно.

— Разве? Пока что у нее неплохо это получалось. Из-за нее я не могу далее друзей к себе позвать.

Я была поражена. Моя дочь, такая дружелюбная и общительная, теперь стеснялась приводить к себе знакомых. Я подошла и обняла ее:

— Прости. Я даже не догадывалась. Давай пригласи к себе кого-нибудь с ночевкой, когда ее отвезут на отдых. Посмотрите видео, поболтайте, устройте девичник.

Она немного просветлела:

— Хорошо. Извини, мам.

— Не за что извиняться. Я все понимаю.

Я зашла в комнату Люси, но стоило мне упомянуть имя Джоди, как она повернулась ко мне:

— Мы только об этом и говорим. Джоди то, Джоди се. Меня уже тошнит от этой чертовой Джоди. Лучше бы она не приезжала к нам. Что ты с ней ни делай, Кэти, она не изменится. Теперь-то ты сама это видишь? Она — зло. Ей, блин, священник нужен, а не патронат.

Интересно, почувствовала ли Салли гнетущую атмосферу, возникшую в нашем доме, но перед уходом она задержалась и положила мне на плечо руку:

— Кэти, спасибо за прекрасную работу. Но вы уверены, что вы сами и ваша семья не страдаете от этого? Такие дети, как Джоди, умеют жестоко играть на чувствах. Не забывайте,

² Название знаменитого романа Джозефа Хеллера «Уловка-22» приобрело нарицательное значение, используемое для описания безвыходной, патовой ситуации.

вы не отвечаете за ее проблемы. Вы не можете сделать невозможного.

Слова Салли меня успокоили, приятно было слышать что-то позитивное. Мне она нравилась, в ней сочетались профессионализм и сострадание, она как будто все понимала.

Позже позвонила Эйлин.

— Здравствуйте, Кэти, — обратилась она, как всегда без эмоций. — У нас тут небольшая проблема.

— Неужели? — отвечала я невозмутимо. Я уже привыкла к социальным работникам, заявляющим, что у «них» проблемы. Обычно это означало, что готовится какая-то неприятность для меня.

— Когда мы отправляли копию врачебного заключения родителям Джоди, кто-то забыл стереть оттуда ваши координаты, так что боюсь, они узнают ваши имя и адрес. — Нет, судя по голосу, она совсем не обеспокоена. Я негодовала. Я еще переживала за ненадежность врачебного кабинета отоларинголога, а оказалось, что сами социальные службы выдали всю мою подноготную. Я вспомнила молчание в телефонной трубке во время занятий с Николой и подумала: не могли ли это быть родители Джоди?

— Вот как, — сказала я, — теперь Джоди действительно может чувствовать себя в безопасности! Впрочем, не могу сказать, что я удивлена. Когда это случилось?

— Точно не знаю. Известно только, что сегодня звонила мать Джоди и требовала встречи. Угрожала, что, если мы не организуем свидание, она придет к вам. Конечно, мы сказали ей, что это исключено, но я решила, что вам нужно знать.

— Спасибо, — отрезала я. — И что она ответила? По-прежнему собирается прийти сюда?

— Не думаю. Она только мельком упомянула об этом. Но не волнуйтесь, если она придет, мы немедленно подадим на судебный запрет.

Да, замечательно, судебный запрет. Но это только бумага! И раньше ко мне на порог являлись разъяренные родители, и не слишком помогало то, что я размахивала у них перед носом листочком с печатью. Если ребенок находится на добровольном попечении или мы работаем на реабилитацию ребенка, чтобы он мог вернуться домой, и родители помогают нам в этом, тогда никаких проблем из-за того, что они знают мой адрес, не возникает. Иногда даже свидания проходили в моем доме. Но это явно был не тот случай, далеко не тот. Было до смешного очевидно: мои координаты должны строжайше охраняться. Было не менее очевидно: их выдали. Эйлин как будто не слышала моего отчаяния, и я мало что могла предпринять в сложившейся ситуации. Применять какие-то санкции сейчас было так же бессмысленно, как запираеть стойло, когда лошадь уже убежала.

— Ладно. Спасибо, что сообщили, — сказала я холодно и повесила трубку.

Да, я была зла, но, как и Эйлин, не особенно удивлена. Пока дело об опеке находится в процессе, приходится рассылать тучи бумаг: родителям, юристам, социальным работникам, попечителям — всем. Нынешняя система полагается на то, что кто-нибудь в офисе социальных служб не забудет вычистить конфиденциальные данные из каждого документа, — так что ошибки здесь неизбежны. В моей практике в половине случаев адрес по разным причинам попадал к родителям детей, что, по-моему, было совершенно недопустимо.

В итоге нарушения конфиденциальности нам, нашим семьям приходится принимать некоторые меры предосторожности. Все мои знают, что, прежде чем открыть дверь, всегда нужно посмотреть в глазок и, если там стоит незнакомый человек, ни в коем случае не открывать, а позвать меня. Патронатным детям вообще к двери подходить нельзя. Кроме того, у нас мощная сигнализация, крепкий замок. Прежде чем выйти из дома, всегда нужно проверить улицу. Спустя какое-то время все это входит в привычку, и мы просто смирились с тем, что приходится идти на приемлемые риски. Слава богу, кроме нескольких неприятных словесных перепалок, никому из нас никогда не угрожала реальная опасность.

Но мое терпение по отношению к Эйлин было на грани. По прошествии нескольких дней в соц-службе решили (по причинам, известным только им самим) организовать встречу,

чтобы обсудить угрозу вторжения матери Джоди, и они требовали нашего с Джилл присутствия. Мы изумлялись: откуда у них только время берется в самый канун Рождества? И потом, что там вообще обсуждать? Теперь, упустив информацию, вернуть ее назад невозможно. Добиваться судебного запрета на приближение родителей Джоди к моей собственности бессмысленно. Единственным выходом было передать Джоди в новую семью, что никому не было нужно, особенно Джоди. И кто взял бы ее, с таким букетом проблем?

Встреча проходила так, как и следовало ожидать. Мы обсудили все возможные варианты и в конце концов пришли к решению не предпринимать ничего. Я собиралась уйти, удивляясь такой бездарной трате времени, не только моего, но и всех нас, когда Эйлин остановила меня в коридоре:

— Кэти, пока вы не ушли, могу я вам дать это? Это подарок на Рождество, для Джоди. Ее отец попросил меня передать ей.

Я уставилась на нее в изумлении: она держала в руках потрепанную сумку из супермаркета.

— Не думаю, что это уместно, — сказала я вынужденно дипломатично, напоминая себе о собственном профессионализме. — Мы исключили личные контакты, а подарки расцениваются именно как контакт, особенно в таких случаях. Джоди вполне обоснованно чувствует сейчас большую неприязнь к своим родителям.

— А... верно, — сказала она, обдумывая мои слова. — Значит, мне это вернуть? — С этими словами она достала из сумки неупакованный подарок, видимо, для того, чтобы показать, насколько он безвреден и я только зря перестраховываюсь. Это была ярко-розовая футболка с длинным рукавом, со словами «Папочкина девочка», написанными на груди блестящими буквами. Эйлин взглянула на нее и приподняла: — Вы думаете, Джоди не понравится?

Я почти потеряла дар речи, глядя, как она держит эту вещь. Нелепая ситуация, ничего подобного я не видела в жизни.

— Эйлин, — сказала я, тщательно подбирая слова. — Отец насильничал Джоди, и, возможно, большую часть ее жизни. Не думаю, что футболка со словами «Папочкина девочка» будет уместна, а вы как считаете? Если я отдам ей это, Джоди испугается одного ее вида.

Кажется, дошло.

— Ах, да. Вы правы, я поняла вас. Тогда вернем обратно. Счастливого Рождества!

Я уже села в машину, а отделаться от шока все никак не получалось.

ГЛАВА 20 Рождество

Меня не покидали надежды, что Джоди понравится Рождество и она почувствует себя частью семьи. По горькому опыту я знала, что часто у детей, которые попадают на патронат, в прошлом не бывало настоящего Рождества. Поскольку в праздничные дни их родители напиваются больше, чем обычно, для многих детей это время становится едва ли не худшим в году.

Я вспомнила своего прежнего воспитанника, Каллума, милого десятилетнего мальчишку. Он жил со своей матерью, беспробудной пьяницей, которая не могла вести нормальную жизнь. Незадолго до того, как Каллума отправили ко мне, его отец прислал ему на Рождество чек, который мать тут же забрала и спустила все деньги на выпивку. В сочельник она проснулась с головной болью и попыталась приготовить праздничный ужин. Она не делала никаких покупок и просто счистила панировку с куриных наггетсов, решив выдать их Каллуму за жареную индейку.

Несмотря на свой алкоголизм, мать Каллума не была с ним жестока или груба, но пьянство довело ее до такого состояния, что сыну приходилось за ней ухаживать, а не наоборот. За три года он не получил ни единого подарка на Рождество или день рождения. В

Рождество, которое он провел с нами, я подарила ему скейтборд, шлем и наколенники, и когда он распаковал их, то выбежал из комнаты, чтобы мы не видели, как он плачет.

На Рождество Джоди проснулась до шести, как обычно, но было видно, что она воспринимала этот день так же, как и все предыдущие. Накануне мы развесили за двери наволочки, которые теперь были набиты подарками. Я проводила Джоди вниз и показала, что бокал хереса, пирог и морковка исчезли, а это означало, что накануне приходил Санта.

— Здорово, — отозвалась она словно с издевкой.

Целое утро, пока мы распаковывали подарки, Джоди оставалась равнодушной, но все-таки (так мне показалось) начала осознавать всю значительность дня. Вела себя хорошо и не отгораживалась от нас. Я наблюдала за ней с надеждой: хотя она и не испытывает особых восторгов, добрая аура этого дня, возможно, возымеет свое положительное действие.

Позже приехали мои родители. Вместе с ними были брат Том, его жена Клои и их шестилетний сын Эван. Дом наполнился шумом и радостью, и я поняла, насколько мы оказались далеки от нормальной жизни. Взять хотя бы то, что больше недели я не общалась ни с кем из взрослых. Джоди уже была знакома с моими родственниками, они приезжали просто навестить нас и всегда относились к моим воспитанникам как к родным. И все же ее немного ошарашило, когда они приехали все разом, и почти до конца дня она оставалась замкнутой.

Мы немного выпили и переместились в гостиную, чтобы обменяться подарками. Что-то привезли для нас родные, а наши подарки для них, запакованные, лежали под елкой и ждали. Мы все были воодушевлены, но этот ритуал был явно новым для Джоди. Когда подарки раздали, она начала озираться по сторонам, не зная, как себя вести. Увидев, как открывает подарок Эван, Джоди последовала его примеру. Она равнодушно посмотрела на свой подарок, и я решила продемонстрировать ей восторг:

— Прелесть, Джоди, правда? Можешь сегодня поиграть с ним. Не хочешь сказать «спасибо»?

Она поблагодарила, как я и просила, но без энтузиазма, без блеска в глазах, появляющегося у детей обычно в праздник. Она не была неблагодарной, но было заметно, что подарок оставил ее равнодушной. Я печально наблюдала, как она пытается мимикой подражать восторгу и счастью, которые были так естественны для всех нас.

После ужина, как только немного отошли от застолья, мы уселись за игры. Девочки вовсю старались подключить и Джоди, но она становилась все раздражительнее, возможно устав от восторгов за целый день. Она играла вместе с нами, но без удовольствия. Когда проигрывала, то злилась и стучала кулаком по подлокотнику дивана. Когда выигрывала, то оставалась безразличной, не радуясь и не делаясь своими эмоциями с другими.

Вскоре Джоди все это надоело, и она стала тереть нос. Сначала я не реагировала на это, думая, что она просто привлекает мое внимание, но позже все же спросила, все ли в порядке.

— У меня болит нос, — сказала она плаксивым голосом.

— Боже. Дай посмотрю. — Она убрала руку, но поежилась, когда я дотронулась до ее лица. — Не вижу ничего. Я могу чем-нибудь помочь?

— Больно! — ныла она.

— Почему больно, Джоди? Ты что-то сделала с ним?

— Больно, больно... — повторяла она все громче и громче, морщась как от боли.

— Хорошо, пойдем сделаем тебе холодный компресс.

Я отвела ее в ванную и наложила примочку на лицо.

— Джоди, что ты сделала, отчего у тебя болит нос?

— Это он. Он ударил меня по носу.

— Кто?

— Папа! Он побил меня, — заскулила она, вот-вот готовая разреветься.

Весь этот день я находилась рядом с ней и точно знала, что ничего такого не было. Но несмотря на то что боль и была выдуманной (в том смысле, что сегодня Джоди никто не

бил), Джоди ощущала ее совершенно реально. Как будто она вспомнила, как ее ударили в прошлом, — и воспоминание было спроецировано на настоящее. Мы постояли в ванной, пока она не успокоилась, потом вернулись к остальным.

В восемь часов мы вышли проводить гостей. Слава богу, Рождество мы пережили без эксцессов, хоть и не так замечательно, как мне хотелось бы. Джоди впала в оцепенение из-за такого обилия гостей, но вела себя хорошо, и я надеялась, что и ей передалось хоть немного праздничного настроения. Может быть, Рождество и не вызвало у нее восторга, не тронуло до глубины души, как когда-то Каллума, но я надеялась, что оно стало для нее чем-то по-настоящему хорошим.

ГЛАВА 21 Новый год

Новый год приближался, и я все более воодушевлялась. Новый год — новая страница в жизни, и первого января все кажется возможным. Однако в моем списке новогодних обещаний отсутствовало обещание бросить курить — теперь я выскакивала на крыльцо раз по семь на дню, успокаивая себя тем, что снова брошу, как только жизнь вернется в нормальное русло. Но когда же это произойдет?

Наступил новый год, но, несмотря на мои надежды, поведение Джоди оставалось отвратительным, враждебным, а по ночам ей все чаще стали сниться кошмары, девочку преследовали галлюцинации. Участились случаи «воспоминания боли», что было связано с откровениями Джоди. Она могла пожаловаться на боль в руке — и это приводило к воспоминанию о том, как мать ударила ее пепельницей или отец ошпарил кипятком. И каждый раз боль казалась ей абсолютно реальной, и мои попытки объяснить, что все травмы, на которые она жаловалась, случались давно, месяцы, а то и год назад, ни к чему не приводили.

И хотя здесь я не сомневалась в ее искренности, зато стала замечать, что Джоди лжет в других ситуациях, иногда до того убедительно, что я уже сама задавалась вопросом: а не ошибаюсь ли я и точно ли я видела то, что видела? Стоило мне уличить ее в очередном проступке, она принималась так горячо все отрицать, что я вынуждена была остановиться и задуматься: что именно я видела? Она врала иногда и вначале, когда только приехала к нам, но тогда я все объясняла ее прошлым опытом. Ведь, возможно, ей приходилось лгать, чтобы избежать наказания, и в чем-то я могла даже понять ее. Но теперь-то она должна была уяснить, что у нее нет причин бояться и ничто не угрожает ее физическому и эмоциональному здоровью. Так зачем ей было нужно так отчаянно отрицать свои поступки?

А еще Джоди стала выдвигать ложные обвинения против других детей, даже если я находилась в комнате и сама была свидетелем того, что они ничего не натворили. Она могла клятвенно заверять, что Люси или Пола ударили ее или отшлепали, и это было совершенно нелепо — наоборот, они сами боялись ее, и на то были причины. Стоило мне напомнить Джоди, что я не отлучалась из комнаты и, стало быть, видела, что никто ее не обижал, как она вспыхивала:

— Она обидела, она! Почему ты мне никогда не веришь?

Джоди так страстно пыталась уверить меня в этом, что меня так и подмывало обдумать ситуацию заново, и мне приходилось убеждать себя: я все видела своими глазами.

Иногда я заставляла ее в гот момент, когда она намеревалась причинить себе боль. Но не как в прошлый раз, когда она проделала все, не выражая никаких эмоций. Теперь это были вспышки злости — в порыве ярости или отчаяния она могла ударить себя, отхлестать по щекам, начать биться головой обо что-нибудь, таскать себя за волосы. Потом она обвиняла в этом кого-то из своих воображаемых друзей. Или друга. Мне приходилось осторожно объяснять девочке, что это делает она сама, что никто и пальцем не касался ее. Членовредительство было одним из самых тревожных аспектов поведения Джоди, а ее оплеухи и удары часто оставляли синяки и ссадины, которые только больше убеждали ее в

том, что на нее кто-то действительно напал.

Стало еще тревожнее, когда спустя неделю после Нового года разные голоса, которыми она время от времени говорила, как будто начали обретать собственную индивидуальность.

Пропадал мобильный телефон Эдриана, и после продолжительных поисков я все же обнаружила его — в коробке игрушек Джоди. Раньше она никогда ничего не крадала, но у нее всегда были проблемы с тем, чтобы разделять свою и чужую собственность, и я пыталась втолковать ей, что мы не можем просто так брать то, что нам приглянулось, а нужно всегда первым делом спрашивать разрешения.

— Это не я, честное слово, — повторяла она детским голоском, глядя мне прямо в глаза. — Правда, не я. Я не дотянусь туда.

Мы с Эдрианом посмотрели на полку, куда Джоди без труда ставила коробку с игрушками.

— Конечно, дотянешься. Она же на уровне твоих плеч, — сказал Эдриан.

— Нет, — настаивала она, повышая свой голосок. — Это она... — Она ткнула в пустоту перед собой. — Это Джоди!

— Ты — Джоди, — сказала я устало.

— Нет, я Эми. Мне всего два года, я туда не достаю. — Она потерла глаза и надула губы, как маленький ребенок.

Я повторила, что ей не следовало брать телефон Эдриана, и на этом мы закончили.

На следующий день раздвоение личности проявилось в более опасной форме. Джоди проснулась в половине шестого утра, и я поднялась, чтобы попробовать снова уложить ее. Она сидела на кровати, играла с музыкальной шкатулкой и громко хлопала в ладоши.

— Тише, Джоди. Если ты выпалась, найди себе спокойное занятие.

Она резко повернулась в мою сторону. Ее лицо застыло в неприятной гримасе.

— Нет, — крикнула она хриплым мужским голосом. — Выметайся, пока я тебя не пришиб. Вон отсюда, дрянь!

Я инстинктивно сделала шаг назад.

— Джоди! Не говори таких слов! Теперь успокойся. Найди себе тихое занятие. Я не шучу. Быстро!

Девочка сползла с кровати и выпрямилась во весь рост. Она двинулась в мою сторону, выставив когти и оскалив зубы.

— Я не Джоди! — зарычала она. — Я Рег. Выметайся отсюда, а то я тебя прибью к чертовой матери.

Я не собиралась бороться с ней — она была неменяемой. Я вышла, заперла дверь и подождала какое-то время снаружи. Сердце мое бешено колотилось. Я слышала, как Джоди громко топает по полу, осыпая руганью и меня, и всех остальных членов моей семьи:

— Мрази. Поганые мрази. Я им головы поотрываю.

Она снова зарычала, а потом все стихло. Я открыла дверь и осмотрелась. Джоди сидела на кровати и спокойно листала книгу. Похоже, вернулась прежняя Джоди.

По характеру работы мне давно пришлось смириться со странностями в поведении детей. Но это было что-то новое. Воображаемые друзья Джоди брали над ней верх.

— Кто такой Рег? — спросила я тем же утром, когда мы вместе мыли посуду. Джоди посмотрела на меня непонимающе. — Ты не знаешь никого по имени Рег? Мне послышалось, ты назвала это имя, когда я утром заходила к тебе.

Она помотала головой и продолжила разбирать столовые приборы.

— У мамы по телевизору был какой-то Рег, но он страшный. Я не разговаривала с ним.

— И больше никого?

— Нет.

Я ей верила. Рег, как и Эми, кажется, жил собственной жизнью, без участия Джоди, она и не подозревала об их существовании. Джилл очень удивилась, когда я рассказала об этом:

— Это крайне необычно. Если я права, то это похоже на диссоциативное расстройство идентичности... Синдромом множественной личности.

Диссоциативное расстройство идентичности — это редкая сложная реакция на стресс, при которой личность, чтобы справиться со стрессом, распадается на несколько других личностей. Как правило, одна личность не имеет представления о действиях другой.

— Абсолютно подходит к ее случаю, — ответила я. — Это очень беспокоит меня. Почему она так с нами? Этого ведь не было раньше. Почему же это начинается сейчас, когда она защищена больше, чем когда бы то ни было?

— Возможно, именно потому, что только теперь она почувствовала себя в полной безопасности и позволила себе вспомнить обо всех нанесенных ей ранах. Я думаю, раньше она не могла даже осознать и осмыслить, что с ней происходило. Чтобы уцелеть, она стирала все это из памяти. Ты говорила, что вначале она равнодушно воспринимала все события — помнишь тот случай, когда она просто начала раздеваться перед камерой? В ней не было протеста, потому что ей нужно было продолжать жить. А теперь она настолько отделилась от насилия, что стала вспоминать о нем и по кусочкам складывать в общую картину.

Я рассказала о том, как Джоди мучается от прежней боли — насколько реальной она ей кажется.

— Это подтверждает мои слова, — сказала Джилл. — В то время она старалась не чувствовать боль, но она чувствует ее сейчас. На нее давит поток информации, физически и эмоционально. Она вспоминает этот кошмар весь сразу, целиком, ее мозг перегружен и не справляется с потоком мыслей. Разделяя свое сознание, она хотя бы часть себя оставляет в покое. Пока что ты видела только малышку Эми и взрослого мужчину. Есть ли у нее в видениях взрослая женщина?

— Теперь я начинаю припоминать, и думаю, что да. Раньше я считала, что она подражает матери, но сейчас уже не уверена. Она пытается отчитывать Люси и Полу в образе рассерженной домохозяйки.

— Она называла себя по имени?

— Не знаю, не слышала.

— Это классический набор. Ребенок, мужчина, женщина. Наша личность содержит в себе все три составляющие, но, пока мы психически здоровы, они нераздельны в нашем сознании. — Джилл замолчала. — Откровенно говоря, я очень волнуюсь.

Я и сама перепугалась не на шутку. У Джоди, оказывается, проявилась реакция на предшествующую жизнь, полную ужасов и страхов. Я не имела понятия, что от нее ожидать и смогу ли я справиться с проявлениями ее невероятно глубокой психической травмы.

— Ты сообщила Эйлин? — спросила Джилл.

— Нет. Не застала ее в офисе.

— Попробую дозвониться до нее. Поставь в известность психолога. Если я права, то это серьезное нарушение психики.

— Джилл, — нерешительно спросила я сразу же, как только эта мысль пришла мне в голову, — когда Джоди пребывает в одном из своих обликов, способна ли она сделать что-нибудь такое, на что не смогла бы пойти в нормальном состоянии? Например, этот Пер кажется очень нестабильным типом, и Джоди становится очень сильной, когда превращается в него.

— Если бы она была постарше, я немедленно забрала бы ее. Взрослые с личностной диссоциацией могут проявлять нечеловеческую силу и поступать так, как не поступают в нормальном состоянии. Но, наверное, ты все же сможешь справиться с ней, даже когда она — Пер.

— Пожалуй, — ответила я после паузы.

— И ты хочешь продолжить?

— Да. Теперь я знаю, что с ней, и поэтому она уже не так пугает... — Чем дальше я шла этой дорогой, тем тяжелее было с нее свернуть.

— Отлично. Знаешь, это даже интересно.

Для Джилл, возможно, и интересно, с ее способностью оценивать ситуацию с первых секунд. Для меня... Что ж, я бы подыскала другое слово.

Тем вечером я собрала вместе Эдриана, Полу и Люси и пересказала все то, что сообщила мне Джилл. Они уставились на меня, притихшие от изумления.

— У Джоди несколько личностей, которые попеременно вселяются в нее? — переспросил Эдриан, переваривая информацию. — И она ни о чем не знает?

Я кивнула. Звучало совершенно невероятно.

— У нее не все дома. Чокнутая. Вконец спятила, — сказала Люси.

Пола посмеялась:

— Тогда я буду царицей Савской, а вы все служите мне и подносите дары.

Я улыбнулась:

— Это от нее не зависит. Она не выбирает. Это происходит само собой — так ее мозг оправляется после травмы.

— Она будет проходить какое-то лечение? — спросил Эдриан, зная, что Джоди ходит к психологу.

Все посмотрели на меня в ожидании ответа.

— Нет, пока не закончатся все обследования, а это будет не раньше финального слушания. Джилл говорит, это все может пройти само по себе, а пока лучшее, что мы можем сделать, — не обращать на Джоди внимания. Не нужно расспрашивать ее, потому что, как мы видели, она не помнит, что говорили или делали ее другие личности.

И мы пробовали не обращать внимания на выходки Джоди и сдерживаться, надеясь, что все когда-нибудь пройдет, — но все только усиливалось. Три-четыре раза в день малышка Эми, вспыльчивый Рег и безымянная склочная тетка брали верх над Джоди и вселялись в нее. Чаще всего перемена в состоянии девочки происходила внезапно и длилась от десяти до пятнадцати минут. Джоди не только говорила другим голосом — каждый ее персонаж имел собственный язык тела. Когда она была в образе Рега, она вытягивалась в полный рост, отводила плечи назад, выпячивала грудь, чтобы казаться больше и мужественнее. Когда она была Эми — съеживалась и придавала лицу детское выражение. Ее сварливая домохозяйка была агрессивной, движения — отрывистыми и резкими, а на лице появлялось очень неприятное выражение. Перемена происходила внезапно, и так же внезапно Джоди приходила в себя.

Когда Эми вдруг возникла за обедом, Пола не удержалась и накормила ее.

— У меня же никогда не было младшей сестренки, — улыбалась она, вытирая Джоди подбородок.

Зато когда возник Рег, нам всем приходилось искать место, где спрятаться. Но теперь, зная, в чем проблема, нам стало легче искать выход из той или иной ситуации, хотя со стороны могло показаться, что это у нас не все дома.

Я сообщила Эйлин и психологу об этой новой тревожной грани психического состояния Джоди, но ничего не услышала в ответ. Я могла ожидать подобной реакции от психолога — в ее обязанности не входило давать мне консультации или проводить терапию, однако меня огорчало, что Эйлин по-прежнему не желает проявлять участия. Сделала хотя бы вид, что ей не все равно. Но я уже давно разочаровалась в ней и не ожидала ничего хорошего. То, что Джоди достался такой безответственный социальный работник, если не сказать хуже, — всего лишь еще одна маленькая капля в ее большой драме.

Основную поддержку я получала от Джилл, и единственное, что нам оставалось, — это ждать и надеяться, что все как-нибудь наладится само собой.

Начался весенний семестр, и, к моей великой радости, мне наконец позвонили из школы Эбби Грин, чтобы сообщить, что финансирование было подтверждено и Джоди может приступить к учебе с понедельника. Секретарь предложила нам заглянуть в школу в эту пятницу, чтобы Джоди немного побыла со своими одноклассниками и познакомилась с классным руководителем. Я не знала: говорить ли ей о проблеме Джоди? предупреждать ли о ее переменчивом и странном поведении? Слышали ли в школе вообще о диссоциативном расстройстве личности? И решила ничего не говорить. У преподавателей есть медицинское

заклучение Джоди, а если произойдет что-то непредвиденное, они сразу же позвонят мне. И вообще, я хотела, чтобы Джоди начинала с чистого листа.

Теперь, когда вопрос со школой был решен, потребность в частном преподавателе отпала. Никола позвонила пожелать Джоди удачи и попрощаться, и девочка адекватно говорила с ней целых двадцать минут. Потом мрачно подошла ко мне:

— Никола — хорошая, правда, Кэти?

— Да, хорошая. Почти все взрослые — хорошие, ты сама в этом скоро убедишься.

Джоди многозначительно кивнула. Во мне затеплилась надежда: может быть, она медленно, крошечными шажками, возвращается к вере в людей.

В тот день к нам заглянула Эйлин — второй раз за десять месяцев. Неудивительно, что визит прошел без особого успеха. Джоди с самого начала проявляла враждебность, а у Эйлин никак не получалось наладить с ней контакт. Обычно ребенка и социального работника принято оставлять наедине, чтобы они могли поговорить с глазу на глаз, но стоило мне найти себе занятие за пределами гостиной, кто-то из них звал меня обратно. То Джоди хотела попить, или собрать пазл, или включить телевизор, то Эйлин вдруг требовалось задать какой-то не относящийся к делу вопрос. Почему-то Эйлин хотела, чтобы я была рядом. Наверное, чувствовала себя неудобно, а может быть, даже боялась Джоди. Набегавшись между комнатами, я решила остаться с ними и присела рядом с Джоди, стараясь успокоить ее и заставить говорить спокойнее. Четверть часа спустя Эйлин, подхватив свой портфель, с натянутой улыбкой ушла. Свой долг она исполнила.

— Ну и слава богу, — сказала Джоди, захлопнув за ней дверь.

Трудно было не согласиться.

ГЛАВА 22

Лиса и сова

Была середина января. После непродолжительного затишья ударили морозы, и на целых три дня все завалило снегом. Джоди была в восторге и иногда, если я не могла сразу же выйти с ней погулять, могла как прикованная сидеть у окна и глазеть на улицу.

Настроение у детей тоже улучшилось. Теперь, когда каникулы закончились, они словно новыми глазами посмотрели на Джоди. В частности, Пола оказалась только в выигрыше от того, что поборола свое предрождественское негодование. Устроить посиделки с ночевкой пока так и не получилось, но к ней все чаще заглядывали друзья, и ей даже удавалось вовлекать Джоди в общение, что очень похвально.

Одним таким зимним днем к нам на обед пришла подруга Полы Оливия, и они решили прогуляться по снегу. Наша улица проходит по краю долины, на которую открывается совершенно потрясающий вид. Увидев, что они уходят, Джоди надулась, и Пола предложила нам пойти вместе с ними. Джоди воспрянула духом, и мы вчетвером, закутавшись в пальто и куртки, обмотавшись шарфами, вышли из дома.

Мы шли к центральной улице и вдвоем с Полой держали Джоди за руки, потому что тротуар был покрыт льдом. Но она все равно постоянно поскальзывалась и шлепалась на мягкое место. В третий раз она так и осталась сидеть на дороге. Она скрестила руки, закатила глаза и театрально вздохнула:

— Ну вот опять!

Мы с Полой улыбнулись. Обычно Джоди реагировала более тяжелой тирадой наподобие: «Кто положил сюда этот чертов лед? За что мне это? Это ты виновата! Ненавижу тебя!» — и далее в том же духе. Теперь же она видела в ситуации что-то смешное и даже пыталась рассмешить нас. Может показаться мелочью, но для нас это был значительный прорыв, и мы были рады.

Приближался первый учебный день Джоди, и мы с ней отправились покупать форму. Мы купили две синие юбочки, два свитера с нашитой на них эмблемой школы и три белые

блузки с длинными рукавами. Джоди вела себя хорошо, ей нравилось, что с ней возятся, но когда я стала покупать гольфы, она разозлилась. Ей хотелось носить колготки, как Пола и Люси, но я знала, что ей будет сложно надевать их после занятий физкультурой. В итоге мы пришли к компромиссу и купили все-таки пару белых кружевных колготок, которые она сможет носить в конце недели.

Только мы вернулись домой, как позвонила Джилл и извинилась: пара, у которой хотели временно разместить Джоди, не сможет принять девочку. Причины остались неизвестны.

— Прекрасно, — сказала я рассерженно. — Мне обещают регулярные перерывы в связи с тяжелым характером Джоди, но именно из-за ее тяжелого характера мне не могут найти замену.

— Извини, Кэти. Мы продолжаем искать.

— Да уж, пожалуйста. Если нужно, можно поискать и вне этого агентства.

Я хотела сказать, что Джилл стоит обратиться в другое агентство по патронату, чтобы подыскать Джоди попечителя. Это было не идеальным решением, потому что попечитель мог жить довольно далеко, а речь шла всего о нескольких днях, но мне необходима была передышка.

В пятницу мы посетили школу, в которой будет учиться Джоди. Нам было назначено на вторую половину дня, но она поднялась рано, как и всегда, и сразу же оделась в новую форму. Вряд ли это было хорошей идеей, но, страстно желая избежать ненужных конфликтов, я разрешила Джоди походить так, а на время завтрака повязала ей передник. Следы от завтрака остались и на переднике, и на форме. Я, как могла, оттерла пятна, и в школу мы приехали вполне опрятными и готовыми к встрече.

Школа Эбби Грин приятно удивила меня с первых минут, хотя я не сразу выбрала именно ее. Небольшая приемная с ковром была яркой и уютной, и улыбающаяся секретарша тепло поприветствовала нас.

— Здравствуй, Джоди. Очень приятно познакомиться, — сказала она и позвонила в кабинет директора, который сразу же вышел к нам.

— Адам Вест, — представился он, пожимая мне руку. — Здравствуй. Джоди. Добро пожаловать.

Ему было где-то за тридцать, его дружелюбная, неформальная манера общения сразу располагала к себе.

— Думаю, мы для начала осмотрим школу, а потом вы можете немного посидеть в классе вместе с Джоди, вы не против?

— Конечно, — я повернулась к Джоди, — здорово, правда?

Она спряталась за мою спину и вцепилась мне в юбку. Вся ее смелость куда-то улетучилась. Директор вывел нас через двойные двери и провел по короткому коридору.

— Главный холл ведет к шести классам, — рассказывал он. — А за столовой и спортзалом их еще столько же. — Я почувствовала слабый запах отварной зелени и подливки, такой же, как и во всех школах нашей страны. На стенах холла и коридоров были развешаны детские работы, и мистер Вест увлеченно рассказывал, что именно вдохновило «художников» на те или иные произведения. Это были рисунки, эссе, поэмы, компьютерные распечатки на самые разные темы, вроде дальних стран, водной стихии, животных или домашнего дизайна. Он был полон энтузиазма, его метод заключался в сосредоточенности на ребенке, и я подумала про себя: если в этой школе не смогут дать Джоди то, что ей нужно, то этого не смогут дать нигде.

Мы подошли к классу Джоди. Прежде чем войти, директор постучал. Десятки лиц с любопытством посмотрели на нас, а потом ребята вернулись к работе.

— Кэролайн Смит, — представил он нас классной руководительнице. — Это Кэти Гласс, а это — Джоди. — Мы пожали друг другу руки. — А вон та дама — миссис Райс, классный ассистент, она будет помогать Джоди.

Я посмотрела в ее сторону и улыбнулась. Миссис Райс была невзрачной женщиной

слегка за пятьдесят, в цветастом платье. Она помахала нам. За время прогулки по школе к Джоди вернулась уверенность, и она стала вышагивать между партами, глядя поверх учеников. Один мальчик неуютно поежился.

— Джоди, подойди сюда, — позвала я, но та не отреагировала.

— Ничего страшного, — успокоила миссис Смит. — Они заканчивают писать сочинение по литературе, она может посмотреть.

Мистер Вест удалился со словами.

— Если возникнут какие-то вопросы, обращайтесь, я буду весь день в своем кабинете.

Я поблагодарила его, несколько минут поговорила с миссис Смит, пока она мне объясняла, как составлено расписание. А потом воспользовалась ее предложением осмотреться и вышла, чувствуя себя слишком заметной, как будто я была великаном, шагающим мимо крошечных столов и стульчиков. Синяя группа, безусловно, была самой талантливой: они писали аккуратно и ровно, почти без ошибок. Оранжевая группа — стол миссис Райс — была совсем другой. Здесь дети с трудом выводили неровные буквы, и их работы пестрели исправлениями. Но даже самые слабые ученики были развиты лучше, чем Джоди. Она же едва могла написать собственное имя.

— Может, хочешь прямо сейчас сесть за свой стол? — предложила миссис Смит. — Свободный стул рядом с миссис Райс — специально для тебя. — Ее просьба была мягкой, но настойчивой. Джоди, которая явно не была готова к этому, смерила ее взглядом. Лицо приняло выражение «попробуй, если осмелишься», и у меня душа ушла в пятки. Только не сейчас, Джоди, только не сейчас, пожалуйста, только не устраивай скандалов в самый первый день, а то получим отказ.

Теперь на нее смотрели и другие дети. Они-то привыкли сразу исполнять любую просьбу учителя. Джоди с вызовом посмотрела на миссис Смит, но потом, к моему облегчению, отвела взгляд, тяжело зашагала в сторону и плюхнулась на стул с трагическим вздохом.

Миссис Райс дала Джоди лист бумаги и карандаш. Я пробралась вдоль стены и примостилась на табуретке около окна. Из него была видна спортивная площадка, где занимались физкультурой старшеклассники. В нашем классе было тихо, только время от времени мог скрипнуть стул или миссис Райс тихим голосом подсказывала что-то своей группе. Мальчиков в классе было больше, чем девочек, и здесь уже сложились свои отношения — интересно, примут ли девочки Джоди? Бедняжке требовались подруги ничуть не меньше, чем собственно образование.

Ученики дописали свои работы, и миссис Смит предложила кому-нибудь зачитать свою. Взметнулось несколько рук, в том числе и Джоди. Мальчика по имени Джеймс вызвали первым — он написал о ночных приключениях лисенка по имени Лэнс. В его рассказе была четкая структура, он использовал много прилагательных, и, когда закончил, одноклассники наградили его аплодисментами. Потом вызвали Сьюзи, чей рассказ был построен на наблюдениях мудрой совы, сидевшей на верхушке дерева. Судя по всему, задано было написать о ночных животных. Сьюзи тоже получила свою долю оваций, и учительница спросила, кто еще желает прочесть написанное. Опять Джоди подняла руку и стала изо всех сил ею трясти.

Миссис Смит и миссис Райс переглянулись.

— Ну что ж, Джоди. Давай послушаем тебя.

Меня захлестнуло смущение. Я понимала, что, кроме нескольких крючков, она ничего не напишет.

— Ребята, это Джоди. С понедельника она будет учиться вместе с нами, — сказала учительница.

Джоди встала и гордо поднесла лист бумаги к глазам, как и все остальные. Она делала вид, что читает громко и уверенно, но в ее рассказе не было ничего, кроме оборванных фраз, время от времени перемежаемых словами «лис» и «сова».

— Я увидела лису, посмотреть, и сказала нет, а лиса была она, и она... Нет. И потом

сова. Где там она... Она далеко, эта сова. Видите. Смотрите, вон там. И вот пришла лиса, ночью пришла, я сказала, видите! Потом они пошли. Потом ночью была сова и лиса тоже, но ее не было, и я говорю. И я иду к лисе и к сове...

Хорошо, хоть она сама не понимала, что «написала» совершенную бессмыслицу. Я видела непонимающие взгляды одноклассников и молилась только о том, чтобы они не рассмеялись... Джоди все еще не собиралась заканчивать, тогда учительница поблагодарила ее и попросила присесть. Аплодисментов не было, но не было и шушуканья, за что я была очень признательна всем. А Джоди будто вовсе этого и не заметила — наоборот, она была очень воодушевлена и держалась торжествующе.

Последний учебный час был занят теми делами, которые дети сами себе выбирали, но которые имели отношение к пройденному на прошедшей неделе. Я снова обошла класс. Некоторые сидели за компьютерами, сосредоточенно возились с картинками, другие составляли кроссворды, писали что-то и рисовали на сочинениях, оформляя работы. Джоди нарисовала несколько квадратов и раскрасила их оранжевым, синим, зеленым, красным и желтым. Мне она объяснила, что это были несколько групп класса. Я похвалила ее (хорошо, что она усвоила хотя бы это), потом подписала под каждым квадратом название цвета, чтобы она запоминала. За пять минут до звонка дети собрали свои сумки и сели на ковер перед учительницей.

— Доброго дня, миссис Смит! — хором прокричали они, и учительница пожелала им приятных выходных. Когда они, похватав свои вещи, удалились из класса, миссис Смит спросила Джоди, как ей понравилось первое занятие.

— Очень понравилось, — ответила она. — Я буду ходить к вам теперь каждый день. Всегда-всегда!

ГЛАВА 23

Дедушка

Одна из самых интересных деталей, характерных для Джоди, которую я заметила с самого начала, — это то, что она не имела ни малейшего понятия о времени. О событиях далекого прошлого она могла говорить как о чем-то, что произошло только что. Или если мы планировали что-то на несколько недель вперед, она ожидала, что это случится немедленно. На следующий день после того, как мы были в школе, она снова захотела туда, и сколько я ей ни объясняла, что по субботам школы закрыты, она не понимала. И обвиняла во всем меня.

— Сегодня суббота, — говорила я уже в пятый раз. — Никто не ходит в школу по субботам. Будь умницей, сними форму, и она будет ждать тебя до понедельника.

— Нет! Не хочу! Замолчи! Это моя форма, и я пойду в школу! — Она демонстративно села на пол, скрестив ноги и руки.

Я присела рядом:

— Я знаю, что она твоя, так же как и вся твоя одежда. Давай наденем твои красивые колготки и пойдем навестить бабушку и дедушку? — Я достала из комода колготки и положила их на кровать, вместе с юбкой и свитером. — Сама решай, что надевать, но они прекрасно смотрятся с твоей джинсовой юбочкой.

Я вышла из комнаты, спустилась и приготовила завтрак. Через полчаса пришла Джоди, одетая в то, что посоветовала я.

— Умница, Джоди. Хороший выбор.

В любой ситуации мне нужно было быть предельно внимательной, чтобы склонить Джоди к сотрудничеству. Я не могла просто скомандовать: «Обувайся, нам пора». Джоди нужно было верить в то, что это решение — ее собственное, что она всем командует. Понятно, откуда это шло. Когда Джоди подверглась насилию, она была абсолютно

бесправна, и теперь, для того чтобы чувствовать себя в безопасности, ей необходимо было постоянно главенствовать над всеми. К несчастью для меня, даже самое незначительное поручение вызывало у девочки стойкое сопротивление, и повлиять на нее можно было, только убедив, что это ее собственный выбор.

Необходимо было приложить все свои дипломатические способности, чтобы научиться управлять ею, — и это очень изматывало.

Навестить бабушку и дедушку — вот что было нужно, чтобы сгладить напряжение внутри семьи и морально взбодриться. Джоди была высокого мнения о моих родителях, так же как и Эдриан с Полой, и Люси, и все мои бывшие воспитанники. Моим родителям недавно перевалило за семьдесят, и они были самыми типичными бабушкой и дедушкой, бесконечно терпеливыми, у которых всегда находилось время для внуков.

Когда мы всей семьей приехали к ним, Джоди была уже в хорошем настроении и радостно приветствовала стариков. Мы все собрались в гостиной, и тут Джоди заметила нашего пса Космо — печального, медлительного старого грейхаунда. Внезапно она закричала, потом бросилась к нему через всю комнату и стала колотить его руками. Несчастный пес взвизгнул, но Джоди села на него сверху, и он ничего не мог с ней поделать. Мы с отцом бросились к ней, стянули с собаки, и я спросила, что это она вытворяет.

— Он смотрел на меня! — закричала Джоди, все еще свирепо глядя на испуганного пса. Она никогда не проявляла любви ни к каким животным, но с собаками у нее дело обстояло совсем плохо. Возможно, виной тому была собака ее отца или — в силу негласной иерархии, к которой она привыкла, — она считала, что собаку можно ударить и причинить ей боль безнаказанно. Джоди никогда не испытывала жалости к тому, кто был слабее ее, — это уж точно.

— Но он не хотел ничего плохого, — твердо сказала я, а мой отец, поглаживая бедного пса, вывел его в сад. — Веди себя прилично. Мы же хотели хорошо провести время, помнишь?

Джоди быстро кивнула.

— Вот что, — сказал отец, — ты сможешь мне накормить рыбок? Им пора поесть, они специально ждали, когда ты приедешь. Можем покормить их все вместе, если хочешь. Как тебе такая мысль?

Джоди мысль понравилась, она взяла Полу за руку, и вместе с отцом они вышли на улицу — Космо наблюдал за ними с безопасного расстояния. Эдриан и Люси, сочтя себя слишком взрослыми для подобного занятия, остались в гостиной — слушали музыку (с самого Рождества они не расставались с плеерами и были похожи на немых).

Я пошла на кухню к маме — помочь готовить обед, а заодно и обменяться последними новостями. Как обычно, говорила почти все время я, и, как обычно, исключительно про Джоди. Мне становилось легче после того, как я могла обсудить со своей мамой ненормальное поведение Джоди, помогало еще и то, что мама, как никто другой, умела слушать.

— В общем, — подытожила я, — надеюсь, скоро все пойдет на лад. Расскажи мне, как у вас дела.

Мама рассказала про все увлечения и интересные дела, которыми они с отцом очень активно занимались на пенсии. Наконец на кухню пришли отец с девочками, и Джоди громко рассказала о золотой рыбке, которая всплыла на самую поверхность, чтобы ее покормили. Мы с мамой накрыли на стол, и я усадила Джоди между нами. В ее тарелку доверху наложили кусочков курицы, жареной картошки, овощей и подливки.

— Вот бы я здесь жила, — сказала она, с любовью глядя на бабушку. Мама считает, что всех и всегда нужно кормить на убой, даже если невооруженным глазом видно, что кому-то пора на диету.

По ходу ужина я заметила, что Джоди больше обычного интересуется моим отцом, который сидел напротив. Она внимательно наблюдала за ним, когда он смотрел себе в тарелку сквозь очки или поверх них, когда тянулся к стакану или говорил с нами. Я

подумала, что ее интересуют очки, потому что именно на них она фокусировала свой взгляд. Мама предложила добавки, и я попросила положить Джоди поменьше. Она надулась, возмущенная тем, что моему отцу положили целую тарелку, но ему это было необходимо: годы истощили его, а не прибавили килограммов.

— Дедушка, — неожиданно сказала она, откладывая вилку.

Он посмотрел на нее поверх очков:

— Да, милая?

— Ты папа Кэти?

— Именно так. Она моя дочь.

На мгновение она задумалась, пытаясь что-то сообразить.

— Значит, ты их дедушка? — Она указала на Эдриана и Полу. Я улыбнулась Люси, надеясь, что та не обидится, что Джоди не упомянула ее.

— Совершенно верно, молодец.

Джоди просияла от похвалы, и мне было радостно, что она наконец сама выстроила связь, чего ей не удавалось с тех самых пор, как она впервые встретилась с моими родителями.

— Если ты их дедушка, — продолжала она, не спуская с него глаз, — ты делал с ними плохие вещи своей штукой, когда они были маленькими, как делал мой дедушка?

Повисла тишина. Мой отец перестал есть и посмотрел на меня.

— Джоди! Конечно нет! — мгновенно отозвалась я. — Я тебе уже говорила, в нормальных семьях так не поступают. Наш дедушка хороший. Давай ешь, потом поговорим об этом.

Джоди в блаженном неведении о смятении, которое внесла своими словами, взялась за нож с вилкой и стала сражаться с ужином.

Мои родители были поражены — это было написано на их лицах. Джоди задала свой вопрос так запросто, словно это было вполне обычным предположением. Мы быстро сменили тему и бодро заговорили о посторонних вещах, но я не могла выбросить из головы то, что услышала от нее. Ее дедушка? Я вообще не знала, есть ли у нее дедушка, да и бабушка тоже — о них ничего не было сказано в документах. Может, она путала дедушку с отцом? Неужели действительно в этом был замешан еще и дедушка? То есть еще один растлитель в ее жизни? Был ли рядом с ней хотя бы один человек, кто не подвергал ее насилию? Я посмотрела на отца — он все еще был подавлен «сюрпризом» от Джоди — и снова задумалась о том, насколько же велико может быть различие между семьями. Сможет ли ее восприятие когда-нибудь измениться? Возможно, однажды она правильно осмыслит то, что было в ее жизни: что это было неправильно и плохо, — осознает, что большинство семей живут совсем иначе, но временами это казалось пустой надеждой.

Весь вечер я не спускала с Джоди глаз, а мама помогала ей рисовать и делать аппликации. Мы никогда не уходили от родителей без чашки чая и куска домашнего пирога, поэтому покинули дом уже после шести. На дороге случилась авария, так что добраться домой нам удалось, когда Джоди давно уже пора было спать. Я решила отложить расспросы о ее дедушке до завтра, но, подоткнув ей одеяло и притушив свет, я неожиданно услышала ее вопрос:

— А почему дедушка ничего не делал с Эдрианом и Полой? Разве он их не любит?

Я посмотрела на Джоди в полутьме. Она была вся закутана в одеяло, и мне были видны только ее светлые волосы, разметавшиеся по подушке. Как же мне объяснить ей разницу между нормальной любовью и тем извращением, которое она познала?

— Это другая любовь, Джоди. Совершенно не та, что может быть между взрослыми. А то, что делали с тобой, — это вообще никакая не любовь. Это было жестоко и очень, очень плохо. Когда ты подрастешь, ты все поймешь.

Я хотела уйти, чтобы приготовить себе кофе или, может быть, почитать газету, но поняла, что, если я сейчас не доведу этот разговор до конца, к утру Джоди все забудет, и ее чудовищная память засосет ее обратно в черную пропасть жестокости.

С волнением я включила свет поярче и села на стул возле кровати. Джоди выглянула из-под одеяла, и я погладила ее по голове:

— Джоди, солнышко, дедушка делал тебе больно так же, как и твой папа, и дядя?

Она покачала головой:

— Нет, Кэти. Они были милые.

— Они? А сколько у тебя дедушек?

— Дедушка Уилсон и дедушка Прайс.

— Значит, двое. А что значит «милые», Джоди? Она задумалась, на лбу ее появились морщинки, а я все надеялась услышать, что они водили ее в зоопарк, дарили яйца на Пасху — что-нибудь, что делают нормальные дедушки.

— Они ложились на меня сверху, но больно не было. Просто писали в кровать. Это потому, что они любили меня, Кэти, — сказала она так, словно действительно речь шла о походе в зоопарк.

— Нет, не любили. И это не мило, Джоди. Взрослые не показывают так свою любовь. То, что они сделали, было жестоко. И никакого отношения к любви не имеет.

Хотя, конечно, я понимала, почему семьяизвержение без полового акта казалось ей более добрым, по сравнению с другими вещами.

— А мама с папой были в комнате, когда это происходило? — спросила я.

— Иногда, — кивнула она. — И еще дядя Майк и какие-то незнакомые люди.

Я взяла ее за руку и снова погладила по голове:

— Что-нибудь еще? Ты больше ничего не помнишь?

Она отрицательно покачала головой.

— Можно мне теперь сказку, Кэти? Про Топси и Тима.

Она вовсе не была расстроена, и я вдруг поняла, что я тоже. Мои чувства начинали атрофироваться так же, как и ее. Я прочитала ей сказку, потом пожелала спокойной ночи и спустилась вниз. Записала в журнал наш разговор, потом вышла на улицу покурить. Стоя там, на морозном ночном воздухе, я подумала, не пройти ли мне курс обучения психотерапии, и решила — нет. Если я предприму неумелую попытку вылечить Джоди, то могу усугубить ситуацию. Мне оставалось только продолжать уже начатое, просто стараться трезво подходить к делу, чтобы восстановить нормальное состояние Джоди, но это не могло устранить тот ущерб, который был нанесен ее психике. Уже в который раз за то время, пока Джоди жила у нас, я почувствовала себя совершенно некомпетентной.

В воскресенье утром Джоди кипела энергией, и мне пришлось отвечать на нескончаемый поток вопросов о школе. Задают ли там домашние задания? Играют ли гам в игры? Есть ли у учительницы муж? А папа? Не пойдет ли дождь? Следуя своей обычной политике, я решила направить на что-нибудь ее кипучую энергию и усадила на велосипед.

— Как холодно, — заметила я, застегивая воротник, — может, снова пойдет снег.

Мы выехали на горку.

— Что такое снег? — спросила она.

Я попыталась напомнить, как в начале месяца три дня, не прекращаясь, шел снег, как сильно он ей нравился. Но Джоди пожелала, чтобы снег выпал прямо сейчас, и разозлилась, когда я не смогла (или, по ее словам, не захотела) осуществить это. Итог — новый приступ истерики. Джоди распростерлась на тротуаре и, сжав кулаки, требовала снега добрую четверть часа. Это было бы смешно, если бы не было так холодно. Мы вернулись, я усадила ее перед телевизором, а сама пошла готовить ужин, после которого она все еще находилась в сильном возбуждении, а потом закатила очередную истерику, так как я отказалась идти за мороженым. Я уговорила ее принять ванну, это ее успокоило, и в семь мне удалось уложить ее спать. Завтра Джоди пойдет в школу, где не была уже больше года, и я молилась, чтобы первый день прошел хорошо.

Друзья

Всю ночь Джоди спала беспокойно, но наутро вскочила выспавшейся и радостной, тогда как я была вконец измотана. Она оделась в школьную форму, и мы только слегка повздорили, когда ей приспичило надеть новые колготки, но мне удалось отговорить ее. В школу мы приехали рано и остались сидеть в машине, слушая радио. Джоди пребывала в приподнятом настроении, но было видно, что она нервничает, нервничала и я, думая о ней.

Я довела Джоди до школьных ворот и сжала ее руку покрепче, когда мы вошли в школу. Миссис Райс подошла и встретила нас в приемной. Было решено: ввиду отсталости Джоди каждое утро я буду передавать ее с рук на руки миссис Райс и так же забирать ее в конце дня. Я обняла Джоди на прощание и с волнением проводила их взглядом, пока они шли по коридору.

Только я пришла домой, зазвонил телефон. Звонила Джилл — она получила отправленное ей в воскресенье письмо по поводу дедушек Джоди и уже поговорила с Эйлин. Она проверила записи и подтвердила, что действительно никаких дедушек на примете не было. Все это выяснилось так быстро, что мне стало интересно: неужели на Эйлин подействовало начальство? Была жива бабушка Джоди по материнской линии, но уже много лет назад она рассорилась с дочерью, и контакта они не поддерживали. Дедушек по обеим линиям Джоди никогда не знала. Джилл сделала паузу, ожидая, что я приду к единственному возможному выводу.

— То есть они относятся к той же категории так называемых дядюшек, педофилов под личиной семьи?

Джоди и прежде представляла мне своих обидчиков как дядюшек и тетушек, но выходит, что они не были ей родственниками. Скорее это были приятели ее родителей, которых выдавали за членов семьи, чтобы легче было ввести посторонних в семейный круг.

— Похоже на то. Скорее всего, родители Джоди были частью какой-то группы. Полиция сейчас проверяет списки зарегистрированных преступников по этой статье. Если среди них всплывет имя Уилсона или Прайса, их вызовут для допроса. Но если честно, Кэти, я не очень на это надеюсь. Ведь, если ранее «дядюшки и тетушки» не были судимы, их не будет в этом списке. И еще одно: Эйлин получила результаты медицинского обследования.

— И?..

Джилл понизила голос:

— Оно подтверждает, что у Джоди был опыт половых сношений, но без ДНК или свидетельства третьего лица этого недостаточно для возбуждения уголовного дела. Она была изнасилована, но для процедуры необходимо установить виновных.

— Кто же еще может быть в этом виновен? Неужели не ясно, что Джоди говорит правду? Заключение врача только подтверждает ее слова. — Я вздохнула. — И что теперь?

— Будем работать дальше и надеяться, вдруг что-то всплывет. Эйлин сообразила, что срок пересмотра ДПО Джоди уже на самом деле просрочен. Ничего, если мы продлим его у тебя дома? Она предлагает в четверг, в два часа дня.

— Да, хорошо.

— Эйлин хочет, чтобы Джоди присутствовала. Знаю... плохо уходить с уроков, когда она только начинает учиться, и знаю, что она все равно не сможет ничего подтвердить. Но Эйлин вдруг решила соблюдать правила, и она вправе настаивать.

Как это часто бывало за время общения с Эйлин, я почувствовала смесь злости и досады.

— Хорошо, я заберу ее из школы после обеда, — ответила я и, попрощавшись, повесила трубку.

ДПО — дети под опекой — официальное название для патронатных воспитанников. Пересмотр ДПО — регулярная встреча, необходимая по законодательству о детях, на которой должны присутствовать все участники дела. Цель такого собрания — сообщить об успехах ребенка и решить, какие шаги предпринимать в дальнейшем. Родители Джоди,

конечно, присутствовать не будут, потому что им запрещено видеться с дочерью, но соберутся судебный представитель, социальный работник, его начальник, директор, Джилл, Джоди и я сама. Но, учитывая то, что Джоди до сих пор ведет себя как четырехлетний ребенок, ее присутствие не даст ничего, кроме лишнего беспокойства.

Пока Джоди была в школе, я решила использовать свободное время как можно лучше, села на диван и принялась планировать свой первый выходной задолгие месяцы... Три часа спустя я проснулась и стала бранить себя за потраченное впустую время. Было уже 12:45, то есть оставалось всего два часа до того, как мне нужно было выдвигаться за Джоди. Я бросилась в супермаркет, а когда вернулась домой, поняла, что придется расстаться с мечтой о том, чтобы часок почитать. Но все нее, утешала я себя, мне было необходимо выспаться. Ночью у меня никак не получалось этого сделать, ведь каждые несколько часов мой сон прерывался пробуждениями Джоди. Неудивительно, что, как только представилась возможность расслабиться, мои глаза закрылись в ту же секунду.

Я приехала в школу и ждала у ворот, перебрасываясь понимающими улыбками с другими матерями. Интересно, они уже слышали о Джоди? Как отозвались о ней одноклассники? Вышла миссис Райс, Джоди прыгала то рядом с ней, то позади нее — миссис Райс сказала, что у девочки сегодня был хороший день. В машине я убедилась в этом сама, так как Джоди ни на минуту не умолкала всю дорогу до дома. Она снова и снова рассказывала мне про ребят из ее класса, большинство из которых уже сделали ее лучшими друзьями, и она хотела, чтобы все они пришли к нам на чай, как друзья Полы.

Когда мы приехали, Эдриан, Пола и Люси уже были дома, так что Джоди подвернулись новые слушатели, готовые внимать ее восторженному монологу. Это продолжилось и за ужином, и чего никогда не бывало — мне пришлось напоминать Джоди, чтобы она ела. В тот вечер она быстро заснула, так как учебный день утомил ее физически и эмоционально, как, впрочем, и меня.

Едва пробило полночь, как меня разбудили всхлипывания за дверью. Я быстро натянула халат, выбежала из спальни и увидела Джоди, которая лежала на полу под дверью Полы. Я обняла ее, отвела в комнату, села рядом на кровати и успокаивала до тех пор, пока к ней не вернулась возможность говорить.

— Кэти, — проговорила она сквозь рыдания, — когда я была в той школе, у меня была подруга, но теперь она больше не будет моей подругой.

Я дала ей салфетку, чтобы она высморкалась.

— Не расстраивайся, солнышко. Теперь у тебя будет много новых друзей.

— Но она же была лучшей, самой лучшей подругой! И приходила ко мне домой. А потом ей запретили приходить, потому что я рассказала.

Мой сонный мозг начал медленно пробуждаться.

— Что ты рассказала? Я уверена, что ничего плохого. Друзья то и дело ссорятся, Джоди, даже самые лучшие.

Она помотала головой:

— Все рассказала — про маму, папу, дядю Майка. А она рассказала про это своим маме и папе, и тогда они запретили ей дружить со мной. Ее мама сказала, что у нас плохой дом. Но я не плохая, нет, Кэти?

Я придвинулась к ней ближе:

— Нет, радость моя, конечно, ты не плохая. Она имела в виду, что плохо было то, что с тобой делали.

Но это ни в коем случае не твоя вина. Никогда так не думай.

Я утешала ее, а шестеренки в голове бешено крутились. Она говорила кому-то. Другие взрослые знали о растлении. Могло ли это сойти за свидетельство третьих лиц, необходимое для возбуждения дела? Сон исчез как не бывало.

— Очень хорошо, что ты рассказала, Джоди. Ее мама и папа должны были сообщить об этом в полицию, а не запрещать ей дружить с тобой. Как ее звали? Помнишь? Это очень важно.

— Луиза Смит, — всхлипнула она. — Она жила в соседнем доме. Я не буду рассказывать своим новым друзьям, да, Кэти?

— Нет, не нужно. Но ты можешь рассказать мне все, что захочешь, и знай, я всегда что-нибудь придумаю.

Она снова всхлипнула и слабо улыбнулась.

— Умница. Ты очень хорошо сделала. Теперь ложись и поспи. Мы же не хотим, чтобы завтра ты была уставшая.

Я гладила ее по голове, пока она не заснула. Я была вся в напряжении, сосредоточившись на новой информации. У Джоди хватило смелости рассказать кому-то, но ее смелость не только осталась вознагражденной, она принесла вред: подруге запретили общаться с Джоди. Я могла понять, почему родители Луизы не стали поднимать шума: хотели защитить своего ребенка и не хотели быть замешанными сами. Но молчанием они способствовал надругательству над девочкой, ни в чем не повинной. А всего-то и нужно было — сделать анонимный звонок в социальную службу или полицию, и началось бы расследование. Какое бы ни было заявление, соцслужбы проверили бы его.

Я вернулась в спальню, но заснуть никак не могла. В итоге я бросила эти попытки, спустилась и приготовила себе какао. Я стояла в кухне и грела руки о горячую чашку, обдумывая все, что вытекало из признания Джоди. Живя по соседству, Смиты могли видеть посетителей дома Джоди и, возможно, знали (если не по имени, то хотя бы в лицо) этих «дядюшек, тетюшек и дедушек». Если полиция опросит Смитов сейчас, когда дело уже начато, почему бы им не сказать правду? Я хорошо знала район, где росла Джоди, — мне уже попадались дети оттуда. Это было тесное, сплоченное соседство, где все семьи знали друг друга. Сколько же еще соседей знали о происходящем, но продолжали молчать, боясь возможных последствий? И как им спится по ночам?

ГЛАВА 25

Отрицание

— Но они должны что-то знать! — доказывала я Джилл, когда она позвонила несколько дней спустя. — Они наверняка не раз бывали в их доме. Их дочери были лучшими подругами.

— Да, но Смиты утверждают, что они все еще дружат. Сказали, что они поражены такими обвинениями, и даже предложили предоставить характеристику родителей Джоди. Мне жаль, Кэти, но не думаю, что они будут нам полезны.

Я не могла вымолвить ни слова. Я чувствовала, что заговор молчания снова окружает Джоди, и это пугало меня.

— Так почему они запретили своей дочери общаться с Джоди, если у нее такие замечательно хорошие родители?

— Они сказали, что ничего такого не говорили. Слушай, Кэти, я не сомневаюсь ни в твоих словах, ни в словах Джоди. Но Эйлин действительно поговорила с ними, и, судя по всему, они ничего не расскажут, и полиция того же мнения. Если бы эти так называемые дедушки имели привод, было бы совсем другое дело, но — увы! На самом деле все, что мы имеем, — это слова запутавшейся восьмилетней умственно отсталой девочки, которая к тому же отказывается говорить с полицией. Этого недостаточно.

— Не такая уж она и запутавшаяся, — процедила я. — Нет, когда речь заходит об этом, она предельно сосредоточенна и собранна... — Я перевела дух. Не стоило срывать на Джилл. — Прости. Я просто ничего не понимаю. Получается, что они выйдут сухими из воды, а Джоди должна пострадать от последствий того, что ей хватило духа рассказать все как есть.

— Понимаю, это очень досадно, но Джоди не обязательно знать о ходе уголовного дела. В любом случае, это хорошо, что она нашла силы открыться, но мы должны принимать все так, как оно складывается на данный момент. В полиции сказали, что они оставят

заявление открытым на случай, если всплывет что-то новое.

— Мне нужно держаться подальше от этого, — сказала я устало. — Я стала слишком заинтересованной.

— Иначе ты не была бы таким хорошим попечителем, Кэти. И я еще не забыла про твой отдых. Я работаю.

Мне хотелось самой явиться к Смитам и, если понадобится, умолять их пойти навстречу. Я курила во дворике и раздумывала на том, что им скажу. Если я посмотрю им в глаза, станет ли им стыдно, захотят ли они сознаться во всем, что им известно? Если расскажу о кошмарах Джоди, о том, во что превратилась ее жизнь, они передумают? Я глубоко затянулась, но, отбросив сигарету, поняла, что не смогу так поступить. Это было бы совершенно неуместно, не в компетенции попечителя и, возможно, лишило бы меня работы, а вместе с тем и Джоди. Кроме того, я сомневалась, что из такого дела может выйти толк. Если Смиты устояли против напора полиции и соцслужб, мне тем более их не пронять. Я вошла в дом и закрыла кухонную дверь, и мне снова передалась досада Джоди.

Тот факт, что Джоди наконец ходит в школу, немного утешал и давал надежду, что размеренная школьная жизнь поможет ей забыть о произошедшей трагедии. Но повседневность неминуемо должна была напоминать о прошлом. Наступил четверг, и я приехала пораньше забрать Джоди, чтобы пойти на пересмотр ДПО.

К трем часам мы шестером собрались в моей гостиной, пили кофе и угощались закусками. Эйлин опоздала на целый час и без объяснения причин просто сказала с порога: «Извините, меня задержали». Потом раздала нам копии повестки дня, и мы наконец приступили.

Джоди не понимала, почему вдруг она оказалась в центре всеобщего внимания, и, вполне естественно, устроила представление на публике. Она вставала в позу, то и дело подскакивала и опять садилась, выкрикивая указания, и перебивала всех и каждого, кто бы ни заговорил. Объявила, что играет в школу. Джилл бросила на меня красноречивый взгляд: мы-то с ней представляли, что будет что-то подобное.

Несмотря на помехи со стороны Джоди, Эйлин настояла на том, чтобы проработать ее план, и при необходимости повышала голос, перекрикивая Джоди. Очень скоро это стало походило на цирк. Адам Вест сделал свой отчет очень кратко — буквально несколько слов, — поскольку Джоди проучилась в его школе еще только три с половиной дня. Затем, поскольку ему пора было на очередную встречу, он извинился и оставил нас. Джоди это не понравилось. Почему ему можно вернуться в школу и веселиться, а ей нет? Она была на грани сильной истерики, предотвратить которую мне удалось, только угостив ее печеньем и пообещав, что она пойдет в школу завтра.

Из-за неумной активности Джоди я то и дело вскакивала с места и с трудом могла уследить за разговором. В придачу мне было еще и неудобно: разговоры о Джоди в ее присутствии могут задеть девочку и даже повредить ее психическому здоровью.

— Не хочешь ли и ты подействовать, Джоди? — спросила в конечном итоге Эйлин. — Мы здесь все же о тебе говорим.

— Подействовать — значит сказать что-нибудь, — пояснила я, когда Джоди непонимающе заморгала.

— Нет! — закричала она. — Я же вам говорила, прекратите разговаривать, не то пропустите время игр.

Хорошо, что директор ушел и не видел этой убогой карикатуры на его призовую школу.

Полтора часа спустя встреча наконец подошла к концу, мы заполнили все полагающиеся бланки, но не пришли ни к какому решению. Я хотела бы, чтобы мы отправили Джоди на лечение, но, пока вопрос об опеке не решится окончательно, об этом не могло быть и речи. Судебный представитель и шеф Эйлии ушли первыми, потом засобирались и сама Эйлин.

— Было приятно повидаться, Джоди. — сказала она, укладывая бумаги в портфель.

— Да? — спросила Джоди. — А почему?

Эйлин натянуто улыбнулась:

— Потому что ты очаровательная девочка.

Снисходительность и неискренность были очевидны даже Джоди. Спустя мгновение черты ее лица приняли так хорошо знакомое мне выражение, а Эйлин даже не подозревала о том, что сейчас произойдет.

— Нет! — загремела Джоди своим грубым мужским голосом. — Я Рег, и я очень зол. Ты уже закрыла этого поганого отца? — Я не успела удержать ее, и Джоди со всей силы заехала Эйлин в голень.

Я поспешила увести ее в сторону. Эйлин стояла, потирая ногу.

— Я провожу. — Джилл вышла в коридор.

— Ты вела себя отвратительно. Ты не должна бить людей, кем бы ты ни была, — сказала я Джоди.

Но так же быстро, как Рег появился, он и исчез, и, когда Джилл вернулась, Джоди уже сидела на полу, с довольным видом разбирая конструктор.

— Значит, это был Рег, — нахмурилась Джилл. — Знаю, ты говорила, но я не ожидала увидеть это собственными глазами. Мурашки по коже. Несколько лет назад мне уже доводилось такое видеть... Но, боже мой, к подобным последствиям, да еще в таком возрасте, могла привести только очень глубокая травма...

— Это впервые, когда она становится кем-то в присутствии посторонних.

— Что ж, хорошо, что мне довелось пронаблюдать этот первый раз.

— Да уж, Эйлин, я так полагаю, тоже осталась довольна, — сухо ответила я.

Мы улыбнулись.

Теперь, когда Рег уже показал себя во всей красе перед посторонними, его ничто не удерживало от очередного проявления, на сей раз, возможно, перед другой публикой. Я отвезла Джоди в школу и только вернулась домой, как мне позвонили:

— Здравствуйте, Кэти. У нас небольшие проблемы. С Джоди все в порядке, но директор спрашивает, не могли бы вы прямо сейчас приехать к нам.

Еще не успев раздеться, я сразу же поехала назад, лихорадочно соображая: что она могла натворить?

Когда я вошла, секретарша сразу проводила меня в кабинет директора. Он мрачно сидел за своим столом, и мне показалось, что он старается держать дистанцию между нами, чтобы подчеркнуть серьезность предстоящего разговора.

— Спасибо, что смогли приехать так быстро, — сказал он, приподнявшись и указав мне на кресло, чтобы я села. — Перейду сразу к делу. Этим утром у нас произошел весьма неприятный инцидент, в результате чего Джоди дала другому ученику пощечину. — Я подумала, что простая пощечина не стала бы причиной вызова в школу. — Буду с вами откровенен, миссис Гласс. Не столько сама пощечина так шокировала ученика, да и весь класс, как поведение, которым она сопровождалась.

Я вопросительно вздернула бровь.

— Из-за какого-то пустяка Джоди совершенно вышла из-под контроля. Она кричала и ругалась, а потом свалила все на какого-то Рега. У нас в классе нет учеников с таким именем, но она была непреклонна. Только двое сотрудников нашей школы смогли ее утихомирить. Понятно, что я недавно знаком с Джоди, но ее поведение очень насторожило всех нас и показалось совсем ей несвойственным.

Да уж, несвойственным. У меня не было другого выхода, кроме как выложить все начистоту. Я рассказала ему о расщеплении личности у Джоди и о том, что мы видели дома, и заверила, что с ней работает психолог. То, что психолог выполняет роль только посредника, а не терапевта, я уточнять не стала. Я также рассказала еще о двух ее персонажах, и он понимающе кивнул:

— Да, миссис Райс упоминала, что иногда Джоди говорит детским голосом. Мы все списали на нервы — вам ли не знать, как могут вести себя дети, когда нервничают?.. Значит, вы говорите, это все составляющие одной проблемы?

— Да, скорее всего.

— И надо полагать, ее социальный работник в курсе?

— Да. — А про себя я подумала: «Еще как, после вчерашнего-то!»

— И вы считаете, это может пройти само собой?

— Так мне сказали.

— После подобного происшествия мы должны отстранить ученика от занятий до конца дня, но в данном случае, кажется, в этом не будет смысла, раз она не сознает, что сделала. Пусть остается, мы проследим за ней.

Я поблагодарила директора и попросила извиниться от моего имени перед учениками и персоналом.

— С Джоди я поговорю позже, — сказала я, чувствуя себя ему чем-то обязанной. — Мне жаль, что мы доставляем вам такие хлопоты.

Я вышла из директорского кабинета, понимая, что чудом выкрутилась. Мистер Вест не станет долго терпеть выходок Рега. Вечером мы с Джоди поговорили, но все было без толку. Некоторые моменты она вообще не могла вспомнить, а иногда как будто понимала, о чем идет речь, но обвиняла во всем Рега и Эми. Если бы мы и дальше продолжали выяснять, что произошло, то обе могли свихнуться. Она знала лишь одно: я обвиняю ее в том, чего она не делала. А мне нельзя было давить на нее и подрывать доверие к себе. Просто очередной инцидент показал, что Джоди действительно необходима терапия, и чем раньше, тем лучше. Ждать конца слушаний нельзя — это может усугубить проблему. Я решила приложить все усилия, чтобы организовать ей наконец лечение.

— Ей действительно необходима терапия, — согласилась психотерапевт, доктор Берроуз, когда я привела Джоди на следующий прием в клинику. — Сколько осталось до последнего заседания?

— Назначено на май.

Почти четыре месяца. Она вздохнула:

— А в целом вы замечаете какие-нибудь улучшения?

Я посмотрела на Джоди, которая кругами ходила по комнате, бормоча что-то про себя.

— Уже довольно долго у нее не было дефекации. В некоторой степени она стала легче идти на контакт, хотя картины из прошлого постоянно всплывают у нее перед глазами. Вчера пыталась убедить меня, что видела на шторах в гостиной лицо отца.

— У нее галлюцинации?

— Да, и они совершенно реальны для нее. Она решила, что я впустила его в дом, а ей не сказала, и начала биться в истерике. По ночам она просыпается с криками, объясняя мне, что в комнате есть некто, желающий ей зла. Я понимаю, что ее глаза сфокусированы на предмете, хотя в это время она смотрит в пустоту. Иногда по нескольку часов я не могу ее успокоить. Она действительно испытывает в тот момент боль, которую чувствовала раньше... — Меня передернуло. — Вся моя семья очень тяжело это переживает.

— Оно и понятно. В случае посттравматического шока боль постоянно возвращается. Вы регулярно отдыхаете?

Я мужественно улыбнулась:

— Все еще жду отпуска. Из-за состояния Джоди непросто найти подходящую семью на замену.

Доктор записала что-то в блокноте, потом посмотрела на часы:

— Кэти, есть еще один тест, который я хочу провести с Джоди. Не могли бы вы подождать снаружи? Это обычная игра, — успокоила она девочку, которая вцепилась мне в руку, не желая отпустить.

Я вышла в коридор, села на стул, и доктор Берроуз закрыла дверь. Может, это и была

обычная игра, но Джоди явно не хотела в нее играть. Я слышала, как она кричит доктору: «Заткнись и убирайся!» Доктор Берроуз, не повышая голоса, пыталась противостоять минут десять, потом дверь открылась, и выбежала Джоди.

— Дурацкие доктора! — ругалась она. — Занимались бы лучше, на фиг, своими делами! — Она уже была у выхода, когда мне удалось ее догнать.

Следующие недели Джоди продолжала радоваться школе, но ни в ее поведении, ни в состоянии здоровья видимых улучшений не наблюдалось. Не школа воздействовала на Джоди, а скорее Джоди на школу. Однажды, приехав за ней, я заметила, что глаза миссис Райс покраснели и распухли.

— Что с вами? — спросила я, надеясь, что ничего серьезного.

— Все в порядке, — засмеялась она, всхлипывая. — Просто немного расчувствовалась.

— Ох, я надеюсь, это не из-за Джоди...

— Нет, нет. Ну не совсем, — перебила она меня. — Вообще-то, можно вас на пару слов?

Видимо, миссис Райс не хотела разговаривать в присутствии Джоди, и я отправила девочку на несколько минут поиграть на детскую площадку, а мы отошли в более тихое место.

— Некоторые дети сегодня проверяли слух, и Джоди начала рассказывать классу про какое-то обследование у врача, которое она проходила. Мы сначала обрадовались, что Джоди участвует в разговоре, но потом она вдруг стала говорить жуткие вещи про... Она сказала, что хотела бы, чтобы там был мужчина, — и стало понятно, что она имеет в виду... ну, вы понимаете.

— О, мне очень жаль. Она не видит разницы между тем, что уместно, а что нет.

— Да нет, все в порядке. Я остановила ее, пока другие дети не поняли суть, но ей явно хотелось рассказать об этом, и я поговорила с ней во время игр наедине. Я просто хотела убедиться, что вам известны подробности. Единственное, что она сказала мне: помимо матери была замешана еще и тетя, но имени тети она не назвала. Вот и все.

— Спасибо большое, что рассказали. Про тетю она мне уже говорила. Очень жаль, что вам пришлось выслушать все это.

— Не беспокойтесь. Но думаю, это не в последний раз, — улыбнулась она.

Я пожала ей руку, и мы с Джоди поехали домой.

В пятницу в школе проводили праздник комиков. Светило солнце, и палатки были расставлены не в холле, как планировалось ранее, а на игровой площадке. Дети были в красном, на учителях — парики и нелепые наряды, и некоторые родители даже нацепили красные пластиковые носы. В палатках продавали конфеты и сладости, игрушки и лотерейные билеты, а самые смелые учителя позволили забросать себя мокрыми тряпками. Было весело, и Джоди тоже было весело. Я наблюдала, как она носилась по двору, а ее догоняли трое одноклассников. Они все взмокли и покраснелись от удовольствия. Хвостики Джоди развевались на ветру, когда она увертывалась и убегала от ребят, громко хохоча. Это, наверно, был один из самых счастливых моментов в ее жизни.

ГЛАВА 26

Звенья одной цепи

Передавая Джоди преподавателю с рук на руки и потом так же забирая ее, я не только гарантировала безопасность ребенка, в эти минуты можно было узнать об успехах за день. Каждое утро я коротко сообщала миссис Райс о том, как Джоди спалось накануне, в каком она сегодня настроении, — обо всем, что было бы полезно знать преподавателю. Днем миссис Райс точно так же сообщала мне интересные и нужные сведения, особенно если Джоди злилась в школе или плохо себя вела.

Обосновавшись в новом классе, Джоди общалась с другими детьми вполне сносно, но удавалось это в основном потому, что многие из них были очень тактичны. Однако в оранжевой группе был еще один мальчик, у которого было не все ладно с поведением. Звали его Роберт, и он был еще одной проблемой миссис Райс. На занятиях она садилась между Джоди и Робертом и большую часть дня проводила с каждым индивидуально, по возможности увязывая то, чем они занимались, с основной темой урока. Такой метод преподавания называется дифференционным.

Однажды, пока Джоди медленно спускалась ко мне, миссис Райс сообщила, что случилось на уроке рисования. Роберт и Джоди одновременно потянулись к красному мелку. Роберт ухватил его первым, и Джоди, фыркнув, отпрянула. Посмотрела на рисунок, посмотрела на Роберта, встала со стула, обошла миссис Райс и выхватила мелок у мальчика. Тот заревел, и, конечно, миссис Райс велела Джоди вернуть мелок. Джоди взбесилась и закричала, что это все он виноват, и обозвала его четырехглазым. Это еще больше расстроило Роберта, поскольку он совсем недавно стал носить очки, и Джоди заставили извиниться. После урока дети пошли играть. На площадке Джоди постояла какое-то время, глядя на Роберта, потом подошла к нему и толкнула, а в итоге их пришлось разнимать.

По пути домой она все еще была вне себя, колотила руками по спинке сиденья:

— Он задирается, Кэти! Ненавижу, ненавижу его! — В машине Джоди часто выходила из себя, ведь она знала, что тут я мало чем могу ей помешать.

— Джоди, успокойся и сядь смиренно. Я не буду говорить дважды.

— Нет! Заткнись!

— Все, Джоди, сегодня вечером — никакого телевизора, предупреждаю. Кончились веселые деньки. Довольно!

Она затихла, и я попыталась объяснить, почему отругали именно ее.

— Ты забрала мелок у Роберта и назвала его обидным словом. Это и не понравилось миссис Райс.

— Да, но мне нужен был мелок! Почему никто мне не верит?

На протяжении нескольких следующих недель жалобы Джоди на Роберта стали обязательной составляющей наших поездок, а иногда и вечерних разговоров. Джоди была убеждена, что Роберт задирается, сколько бы ей ни объясняли, что на самом деле это она пристаёт к нему. Мне было жаль мальчика, он был тихим, неуверенным, у него самого был вагон проблем, а Джоди провоцировала все его худшие качества.

Неладья Джоди с Робетом были не единственной школьной неприятностью. Вскоре я уже боялась услышать голос секретарши, поскольку чаще всего она сообщала мне о проблемах, но тут возникло новое осложнение, никак не связанное с поведением

Джоди. Как-то за ужином она рассказала мне об однокласснице по имени Фрея, что очень заинтересовало меня. Обычно истории были путаными, в них не всегда можно было отыскать смысл. Однако Джоди моментально приковала мое внимание, заявив, что Фрея навещала их дом.

— Ты сказала, Фрея приходила к вам, когда ты жила в старом доме?

— Ага.

— В доме, в котором ты выросла, где живут твои мама и папа?

— Да. — Она вздохнула.

— И она учится с тобой?

— Ну да.

— Так вы с Фреей дружили еще в старой школе?

— Нет, она не ходила в мою школу.

— А как вы познакомились?

— Она приходила, и мы играли в куклы.

— Значит, твои родители знали ее маму и папу?

— Да, из паба.

— Вот как. А как ты думаешь, они до сих пор общаются?

— Наверно.

Вот так. На следующий день я зашла к директору. Если родители девочек до сих пор поддерживают приятельские отношения, то более чем вероятно, что родители Джоди могут узнать, в какую школу теперь ходит их дочь. А это означало, что они могут явиться в школу и даже похитить ее. Джоди испугается, увидев отца здесь, где она чувствует себя в безопасности, не говоря уже о том, что будет, если он к ней приблизится. Школа может таить в себе опасность, если ребенок на патронате и стал открытой мишенью. Иногда родители пытаются перехватить ребенка у школьных ворот, и в таком случае нам рекомендуется отпустить его и вызвать полицию.

Директор предложил нам с Джоди пользоваться служебным входом и дал мне код замка. Эта мера предосторожности была, конечно, разумной, но она означала, что Джоди и здесь отличается от других одноклассников. Опять ее прошлое угрожало ее будущему.

В следующее воскресенье Джоди, Пола и я вышли прогуляться в парк. Через центр парка мы поднимались к горке, когда шедшая нам навстречу пожилая дама поскользнулась и упала. Ужасно было наблюдать это: она не успела выставить руки и упала носом на асфальт. Мы подбежали к ней, Пола вызвала «скорую» по телефону, а я попыталась оказать первую помощь: достала из сумки салфетки, попыталась остановить кровотечение из носа и заговорила с женщиной — все в порядке? Ее звали Морин, и упала она очень неудачно. Нос, кажется, был сломан, на лице — раны, запястье распухло. Мы подождали, пока приедут врачи, и рассказали, что случилось. Ее отвезли в больницу, а мы вернулись домой. Все это время Джоди стояла тихо и наблюдала.

Пришло время ужинать, а мы все еще говорили о случившемся.

— Надеюсь, с бедной женщиной все в порядке, — сказала Пола. — Я чуть не расплакалась.

— А чего плакать? — спросила Джоди.

— Жалко женщину, которая упала в парке.

— И что? Она же не сделала тебе больно.

— Нет, конечно, — терпеливо сказала Пола. — Но ей самой было очень больно, и она уже такая старенькая. Когда видишь что-то подобное, самому становится плохо, разве нет?

Джоди уставилась на нее, совершенно не понимая тех чувств, которые Пола старалась до нее донести. Я решила прийти на помощь:

— Всем тяжело видеть, когда другим больно, Джоди, потому что все знают, что такое боль. Если ты упадешь, тебе же будет больно.

Джоди задумалась.

— Да. Бедная женщина.

Она повторяла эти слова до конца вечера. Я, конечно, была довольна тем, что она сосредоточилась на правильной оценке ситуации, но сама Джоди оставалась при этом такой равнодушной, что я сомневалась: понимает ли она то, о чем говорит? И дело не в безнадежной черствости, просто девочка совсем не умела сострадать. Не потому ли она была так жестока с животными и так груба и бессердечна с людьми? За все время, что она жила с нами, я ни разу не видела, чтобы она плакала из-за обиды или печали. Ее слезы вызывала либо ярость, либо досада. И пусть пока еще Джоди не научилась сострадать, но девочка усвоила, что люди ждут от нее сочувствия, а значит, она сможет хотя бы подражать чужому поведению, чтобы с успехом вписаться в нормальное окружение. Открывая подарки на Рождество, Джоди поступала именно так: изображала те эмоции, которые наблюдала у остальных. А когда я заметила, какой красивый закат, она повторила мои слова: «Какой красивый закат!», — но слова ее прозвучали так, будто сама она абсолютно не способна увидеть и оценить прекрасное.

Несколько недель спустя я приехала в школу, чтобы забрать Джоди. Рядом с ней по

коридору шел директор. Я сделала глубокий вдох и попыталась успокоиться. Что на этот раз? Мы обменялись приветствиями, затем он отвел меня в сторону, чтобы Джоди нас не слышала.

— Не волнуйтесь, она ничего не сделала. Просто хотел переговорить с вами. Миссис Райс решила взять небольшой отпуск, так что с завтрашнего дня у нас новый ассистент преподавателя.

— Ясно. — Эта новость застала меня врасплох. — Это немного неожиданно. Она ничего такого не говорила. Надеюсь, ничего не случилось.

— Думаю, ей просто нужен перерыв. Вы же знаете, как это — работать с детьми, а ассистентам приходится особенно тяжело. Так же, как и вам, попечителям.

Я кивнула.

— Иногда просто нужно прерваться, правда?

— Да, я понимаю. — Я слабо улыбнулась: будет ли когда-нибудь у меня отпуск, обещанный еще в прошлом году?

Мне стало жаль миссис Райс. Она никогда не имела дела с ребенком с таким сложным характером и с такими нарушениями психики, как у Джоди, и я прекрасно понимала, что именно она доводит ассистента преподавателя до полного душевного расстройства. Джоди постоянно была на грани срыва, постоянно ждала опасности: бороться или бежать³. Услышав малейший шум, она оборачивалась, готовая отразить удар. Когда долгое время проводишь с таким ребенком, как Джоди, то очень скоро сам начинаешь жить в постоянном ожидании неприятностей, и расслабиться или отдохнуть становится практически невозможно.

Я чувствовала, как Джоди все больше и больше входит в мою жизнь, вместе с болью, страхом и горем, которые ей достались.

ГЛАВА 27

Тишина

Томас Элиот писал, что апрель — самый суровый месяц в году, и поэт оказался чертовски прав. С наступлением апреля пасмурные дни и беспросветно серое небо не давали настроиться на лучшее. Зима казалась бесконечной, так как все еще стоял холод. Трудно было поверить, что приближается годовщина прибытия Джоди к нам.

Я поправила воротник пальто и приостановилась у окошка туристического агентства. Мне грезилась горячие путевки на Карибы. Вот бы погрузиться всем вместе в самолет и рвануть туда, на солнышко! Мой кошелек это выдержит, но выдержит ли Джоди? Она стала так бояться взрослых, что даже вид продавца из газетного киоска теперь вызывал у нее панику, хотя раньше Джоди вполне могла общаться с этим человеком. Лететь в самолете, среди множества незнакомых людей, для нее было исключено, а я сомневалась, что авиакомпания организует нам чартерный рейс.

Я отошла от заманчивой вывески и поднялась в магазин. Зазвонил мобильный — это из школы.

— Простите, Кэти, — сказала секретарша. — Джоди плачет. Она уверена, что за ней пришел отец и хочет забрать ее. Вы можете приехать?

Пришлось вернуться к машине.

К счастью, на дорогах было пусто, и через двадцать минут я уже подходила к школе. Оттуда доносился пронзительный вопль — Джоди. Я нажала кнопку звонка, и секретарша велела мне пройти в медпункт. Джоди мертвой хваткой вцепилась в батарею, глаза смотрели безумно, все тело содрогалось.

— Не отпускай меня с ним, не надо, Кэти, пожалуйста! — взмолилась она.

³ «Бороться или бежать» — медицинский термин, обозначающий реакцию на стресс.

Новый ассистент, мисс Уокер, которая поладила с Джоди, присела рядом с ней и ласково заговорила, пытаясь успокоить, но я видела, что ребенок не слышит ее.

Я подошла, но Джоди отстранилась от меня.

— Никто не заберет тебя, Джоди, — сказала я твердо. — Его здесь нет. Честное слово — ты же знаешь, я всегда говорю только правду... — Она собралась закричать, но я ей не позволила: — Нет, Джоди. Хватит. Я серьезно. Здесь никого нет. Успокойся, отойди от батареи, чтобы я тебя обняла.

Ассистент наблюдала за мной. Джоди переводила взгляд то на нее, то на меня, то на дверь. Потом немного ослабила хватку.

— Умница, так-то лучше.

Наконец она совсем разжала руки. Я подошла ближе и обняла ее. Мисс Уокер незаметно выскользнула из комнаты.

— Он был здесь, — ревела Джоди, — в моей первой школе. Он приходил забирать меня, — а потом мы сели в его машину.

Остальные слова поглотили рыдания, но теперь я понимала, что произошло. Прошлое снова вторглось в настоящее, воспоминания, которые казались Джоди реальностью, всплыли теперь так явно, словно все происходило сейчас.

— Все хорошо, солнышко, честное слово. Больше такого не повторится. Обещаю. Тише, тише.

Когда она успокоилась, я отвела девочку в машину, и мы вернулись домой. Было одиннадцать утра, но Джоди захотела лечь спать. Каждые полчаса я заглядывала к ней — она не просыпалась. В два часа я решила разбудить ее, чтобы потом она смогла заснуть ночью.

Джоди перевернулась и лежала на спине, ее глаза смотрели на потолок.

— Тебе лучше? — спросила я, но она не реагировала.

Я открыла шторы, достала из шкафа джинсы и свитер и положила одежду на кровать.

— Одевайся, сейчас мы перекусим, а потом можем немного покататься в парке на велосипеде. Хочешь?

Обычно она сразу отвечала, хочет она чего-то или нет, но сейчас не проронила ни звука и даже не пошевелилась. Я внимательно посмотрела на нее, потом села на кровать:

— Джоди, как ты, солнышко?

Ее взгляд был сосредоточен на какой-то одной точке на потолке. Я попыталась расшевелить ее:

— Давай же... Одевайся... Я сделаю тебе бутерброд, и мы пойдем гулять. — Она по-прежнему не реагировала, и не похоже было, что она вообще слышит меня.

Я решила, что лучше всего будет просто оставить ее, надеясь, что она все-таки подумает о парке и предстоящей поездке. Прошло четверть часа, она не появилась, и я снова поднялась. Джоди оставалась в той же позе: лежала на спине, глядя в потолок. Я села рядом и стала говорить, что понимаю, как ей тяжело, но в конце концов все наладится и у нее впереди еще целая жизнь. Она ничего не ответила и не пошевелилась. Я попробовала говорить жестче, потом стала уговаривать, а потом просто выдернула подушку у нее из-под головы — но все было впустую. Голова просто плюхнулась на кровать, и теперь я не на шутку забеспокоилась. Я выбежала из ее комнаты, не закрыв дверь, и бросилась к телефону в своей спальне, чтобы позвонить Джилл.

— Это может быть посттравматический шок, — сказала она. — Стресс, который Джоди испытала, спровоцировал блокировку мозга как самозащиту.

— Это пройдет?

— К утру она точно придет в себя. Лучше дай ей поспать. Если ночью понадобится помощь, позвони дежурному сотруднику, подумая, обойдется.

Я вернулась в комнату Джоди и еще раз попробовала растормошить ее. Потерпев неудачу, я все же задернула шторы и вышла, оставив дверь приоткрытой. Когда пришли дети, я все им рассказала. Мы по очереди проверяли ее каждые полчаса, но никаких изменений не происходило, и все мы ходили на цыпочках, выключили музыку и убавили

звук телевизора. Когда поздно вечером я собиралась лечь, она уже закрыла глаза и спала. Я оставила свет и приоткрыла дверь.

В четыре утра меня разбудил тихий голос за дверью:

— Кэти, Эми написала в кровать.

Я вскочила и обняла ее:

— Ничего. — Хотя бы одна из ипостасей Джоди вернулась.

Я передела ее, поменяла простыни, а она продолжала бормотать тонким голоском:

— Эми — хорошая девочка. Она сказала Кэти: «Эми хочет на горшок...»

Я не возражала. Все лучше, чем пугающая тишина. Уложив Джоди, я оставила ее в обнимку с мишкой, она сосредоточенно сосала палец. Наутро я с удивлением обнаружила, что передо мной все еще Эми.

— Хватит болтать таким глупым голосом, — не выдержала Люси — по утрам она никогда не бывала в хорошем расположении духа.

Я бросила на нее предупреждающий взгляд.

— Я думаю, все изменится, когда мы поедем в школу, — сказала я.

Но час спустя, когда я поцеловала Джоди на прощание и отпустила с мисс Уокер, она ковыляла в стиле Эми, с неуклюжестью младенца, только что научившегося ходить.

По пути домой я застряла в пробке, позвонила Джилл и сообщила наши новости. Она попросила как можно скорее прислать записи, которые я делала в своем журнале, чтобы передать их Эйлин, судебному представителю и доктору Берроуз. Я закончила перепечатывать их только после обеда. Приготовила поесть, и в этот момент раздался звонок. Только бы не из школы, только бы не из школы... Я еще даже по дому ничего не успела сделать, да и в магазин нужно было сходить.

Звонили из школы.

— Здравствуйте, Кэти, — сказала секретарша, и я приготовилась услышать плохие новости. — Мистер Вест попросил сообщить вам, что сегодня Джоди ведет себя очень хорошо.

— Спасибо. — Я вздохнула с облегчением. — Большое спасибо.

Джоди продолжала хорошо себя вести и вечером, но это было лишь затишье перед бурей. На следующий день она безутешно рыдала, и, как ни пыталась, я не смогла узнать почему. Я сидела у нее на кровати, смотрела, как она плачет, и снова чувствовала себя беспомощной, понимая, что эта ситуация совсем не похожа на те, с которыми я раньше умело справлялась.

К девяти утра ей не стало лучше, пришлось позвонить в школу и сказать, что на первые занятия Джоди не придет, но, если дело пойдет на поправку, я приведу ее позже. Но ни в этот день, ни на следующий Джоди в школе не появилась, за эту неделю она провела там всего полтора дня. Она буквально таяла у меня на глазах, и если не плакала, то смотрела в пустоту, куда-то вдаль. Она почти не ела, и я уже забыла про свое желание посадить ее на диету.

— Не хочешь шоколадку? — спрашивала я, пытаюсь пробудить в ней хоть малейший интерес. — В холодильнике есть еще мороженое.

Но еда не интересовала ее. Джоди держалась только за счет того, что иногда съедала небольшой бутерброд и ли немного чипсов. Это совсем выбивало меня из колеи. Я никогда не видела такого и не имела ни малейшего представления, что делать, как облегчить страдания Джоди. Я позвонила единственному человеку, кто мог помочь в эту минуту, поддержать меня и дать совет. Джилл тут же согласилась приехать.

— Так не может продолжаться, — сказала она, увидев Джоди, которая моментально переходила от душераздирающих рыданий к полной отрешенности. — Ей нужна помощь, и немедленно.

Она позвонила Эйлин, но та снова оказалась в отпуске, а ее новый шеф, Гейл, была на

совещании. Джилл оставила ей сдержанное сообщение с просьбой перезвонить, как только она освободится.

— Джилл, может ли быть у ребенка в таком возрасте нервный срыв?

— Да, бывают случаи, хоть и очень редко.

Мы переглянулись, думая об одном и том же. Масштаб травмы, нанесенной Джоди, был исключительным и предполагал высокую вероятность нервного срыва. Если и был кандидат на полное психическое истощение, то это была как раз Джоди.

Джилл пыталась поговорить с ней. Но та все утро просидела на диване, безмолвно глядя в пустоту. Джилл использовала другой подход, который отличался от моего: не задавая вопросов, она рассказывала Джоди истории других детей, которых знала, в надежде, что это найдет какой-то отклик в ее душе. Но результат был один и тот же: пустой взгляд и через некоторое время опять слезы. А я делала единственное, что было в моих силах: крепко обнимала ее и говорила, что все будет хорошо. Джилл ничем не могла помочь. Уходя, она пообещала звонить и связаться с доктором Берроуз.

Доктор позвонила через час и назначила осмотр на утро понедельника, объяснив, что отменила другой прием, чтобы первым делом заняться Джоди. Я была благодарна и за это, — но удастся ли мне вытащить Джоди из дома? И я спросила, не сможет ли доктор приехать на дом.

— Боюсь, что нет, — сказала она виновато. — Из-за страховки мне позволено осматривать детей только в клинике.

И мне пришлось пообещать, что я приведу Джоди.

Прошли выходные, ей не становилось лучше. Вся семья говорила шепотом, оберегая ее покой. Мы по очереди сидели с ней на диване, читали ее любимые сказки, пытались играть с ней, но даже «Мэри Поппинс» не вызвала никакой реакции. Джоди хотела только одного — лежать в кровати, там она и проводила теперь большую часть дня, и вытащить ее оттуда было невозможно.

Я молилась, чтобы доктор Берроуз хоть чем-нибудь нам помогла.

ГЛАВА 28

На приеме

В понедельник утром я подняла Джоди с постели, умыла и одела ее. Сидя за столом, она по-прежнему смотрела в пустоту. В конце концов я выбросила овсянку, к которой Джоди даже не притронулась, сунула в сумку пакет чипсов и помогла ей обуться и надеть куртку. Я сказала, что мы идем к доктору Берроуз. Джоди никак не отреагировала. В машине я пристегнула ее ремнем безопасности и поставила ее любимую кассету. Она не воспринимала ничего и, скорее всего, даже не замечала, где находится.

Мы прибыли в клинику, в регистратуре я сообщила наши имена, и нас проводили сразу в комнату для консультаций. Доктор Берроуз раскладывала карандаши на детском столике. Стоило Джоди увидеть доктора, и ее «летаргию» как рукой сняло. Она начала кричать во весь голос:

— Не хочу! Пусти! — И швырнула пластиковый стул через всю комнату.

— Все хорошо, Джоди, — успокаивала доктор Берроуз. — Не бойся. Я хочу помочь тебе.

— Не нужно мне, чтобы ты помогала! Уйди! — Джоди закрыла уши, зажмурила глаза и завопила со всей силы.

Доктор знаком велела мне ничего не предпринимать, я стояла на месте, а Джоди сотрясала стены криком. Ее вопли оборвались так же резко, как и начались, — в легких закончился воздух. Джоди бросилась к столу и опрокинула его на стену. Перевернула коробки с игрушками, разбросала содержимое по полу, потом посмотрела в сторону шкафа с бумагами, один ящик которого был закрыт не до конца. Доктор Берроуз остановила ее.

— Нет. Туда нельзя, — сказала она спокойно, встав между шкафом и Джоди. — Это

принадлежит мне. Там находятся очень важные вещи. Так что не нужно.

К моему удивлению, Джоди согласилась, но нерастроченная ярость обратилась теперь на нее саму. Она вцепилась себе в волосы и рванула со всех сил. Теперь я подошла к ней и попыталась остановить.

Это могло показаться неправильным доктору, но я не могла стоять и смотреть, как Джоди причиняет себе боль. Я схватила ее за руки, скрестила их у нее на груди, как раньше делала дома. Она сопротивлялась, извивалась, но наконец обмякла, и тогда я усадила ее на диван и обняла. Что там думала себе доктор Берроуз, я не знала. Она села напротив. В наступившей тишине я оценивала степень беспорядка — следы разрушений и заваленный разными предметами пол.

Доктор Берроуз нарушила молчание и наклонилась к Джоди. Она говорила спокойным, тихим голосом и пыталась поймать ее взгляд.

— Я знаю, тебе больно, Джоди, и я хочу попробовать сделать так, чтобы тебе больше никогда больно не было. Ты позволяешь Кэти помочь тебе. Позволь и мне тоже. Я буду очень благодарна, если ты позволишь.

Этот мягкий подход, без угроз, не раз помогал в работе с другими детьми. Джоди сидела тихо, и мне показалось, что она снова ушла в себя. Доктор Берроуз ободряюще мне улыбнулась и повторила свою просьбу. Джоди не пошевелилась и не подала даже знака, что слышит.

— Джоди, Кэти рассказала мне, как смело ты себя вела. Тебе столько пришлось преодолеть. Но мне кажется, твоя беда слишком серьезна, чтобы ты смогла справиться с ней в одиночку. Поэтому здесь Кэти, и поэтому здесь я. Я тоже хочу помочь тебе.

Джоди продолжала смотреть в какую-то неопределенную точку (где-то во дворе, а может быть, за его пределами), она молчала и, казалось, никого не слышала. Доктор Берроуз откинулась назад и взяла блокнот:

— Кэти, может быть, тогда вы расскажете мне, как Джоди вела себя после нашей последней встречи. Я знаю, ее состояние беспокоит вас.

Возможно, таким способом она хотела подтолкнуть Джоди поделиться своими эмоциями. Я объяснила, что Джоди чувствовала себя очень хорошо, но тяжелые воспоминания из прошлого тревожили ее. Я привела несколько примеров, чтобы Джоди сделала вывод: доктор Берроуз знает всю ее историю, и ей можно довериться. Упомянула я и о том, что вся наша семья крайне обеспокоена, Эдриан, Люси и Пола очень переживают за Джоди и не хотят видеть ее такой расстроенной. Доктор Берроуз снова наклонилась к ней:

— Я видела много детей, которые тяжело переживали или испытывали злость по поводу того, что с ними происходило. Но это не их вина. И я знаю, как помочь им избавиться от этой боли, чтобы они снова стали счастливыми. Я хочу помочь и тебе тоже, Джоди.

Это был уже не обычный осмотр, а сеанс психотерапии. Но если Джоди не будет участвовать в нем, если не наладится контакт, пользы от этого не будет никакой.

— Я надеюсь, что вы нам поможете, — сказала я, рассчитывая на то, что слово «нам» придаст Джоди уверенности, но она сидела неподвижно и смотрела куда-то в сторону.

Доктор Берроуз снова записала что-то в блокнот.

— Не хочешь поиграть, Джоди? — спросила она. — Я могу принести кукольный домик.

Джоди не шелохнулась.

— Не хочешь? Ты нарисовала чудную картинку в прошлый раз.

Но девочка даже не моргнула.

— Вот что, — доктор поднялась, — прежде чем начать, мы с Кэти соберем эти игрушки в коробки. Помогите нам, пожалуйста.

Я поняла намек, отпустила Джоди и присоединилась к доктору. Видимо, ее целью было вовлечь Джоди в фактическое сотрудничество. Но пока мы собирали игрушки и карандаши, боковым зрением я видела, что Джоди не смотрит на нас, возможно, в этот момент она даже не замечала нашего присутствия. Скоро мы закончили и сели на свои места. Доктор Берроуз

записала что-то в блокнот, а я снова обняла Джоди. Не знаю, о чем она там писала, наверное, отмечала какие-то симптомы, заметные только ее профессиональному глазу, а может быть, уже и диагноз установила.

Она закрыла блокнот и приветливо улыбнулась:

— На сегодня хватит. Спасибо вам обеим, что пришли. Звоните.

Я удивилась: это что, еще одна хитрость, чтобы расшевелить Джоди?

Доктор Берроуз встала:

— До скорой встречи, Джоди. — Прием был окончен.

Я посмотрела на ребенка: она была все так же безучастна и смотрела куда-то непроницаемым взглядом.

— Ладно, милая, нам пора. — Я взяла ее за руку и поднялась, доктор Берроуз открыла нам дверь. А когда мы вышли на улицу, у меня появилось дурное предчувствие.

ГЛАВА 29 Терапия

Это предчувствие не покидало меня весь день. Мы с Джоди сидели на диване, я читала ее любимые стихи Ширли Хьюз: «В кране теплая вода, а в реке — холодная». Раньше она переворачивала страницу за страницей, повторяла слова и слушала стихи, в общем-то, с удовольствием. Теперь — никакой реакции, как будто она глухонемая.

Психическое состояние Джоди претерпело качественное изменение, и я понимала, что в этой ситуации не могу оказать ей адекватной помощи. Наблюдать за ее состоянием было отчасти страшно, а отчасти просто горько. Сколько еще изменений может претерпеть человеческая личность? Куда в конечном итоге заведут ее все беды и боль? Казалось — туда, где мрак и безмолвие, туда, откуда уже никто не сможет вернуть ее. Я видела, что ей срочно нужна помощь. Но какая помощь? И чем я сейчас могу помочь?

Отложив книгу, я приблизилась к Джоди, снова и снова вспоминая вчерашний прием у доктора Берроуз. Я, конечно, не ожидала чудесного исцеления, но надеялась, что прогресс хотя бы наметится. Но прием только показал, до какой степени была сломлена Джоди — даже специалист не смог достучаться до нее. Я откинула прядку волос у нее со лба и посмотрела на ее бледное, каменное личико. Неужели она останется такой навсегда?

— Я чувствую себя беспомощной, Джоди, — прошептала я. — Как я хотела бы что-то сделать для тебя! Хотела бы быть крестной феей и уметь колдовать, чтобы все твои беды просто исчезли.

Я держала ее на коленях, слегка покачивая. Джоди не реагировала. Я перевела взгляд на окно, за которым пролетела снежинка. За ней еще одна, и еще... Они падали с небес и таяли, едва соприкасаясь с землей.

— Смотри, — я повернула ее лицом к окну, — снег в апреле!

Она как будто посмотрела, и ее глаза на минуту стали осмысленными.

— Хочешь, выйдем на улицу и посмотрим? Тебе же нравился снег, помнишь? Пожалуйста, посмотри.

Но прошло мгновение, и она снова опустила взгляд в пол, не выказывая эмоций и не видя ничего вокруг.

В семь я уложила ее спать, и, поскольку девочки были в музыкальной школе, а Эдриан возвращался поздно, дом был всецело в моем распоряжении. Читать не получалось — я не могла сосредоточиться, включила диск с классической музыкой — и стало еще печальнее. В итоге все закончилось просмотром телепрограмм, я почти совсем убавила громкость, чтобы не пропустить ни единого звука из комнаты Джоди. Пораньше ушла спать и, лежа без сна, молилась — впервые за тридцать лет.

Утром, к моей радости, наметился прогресс: Джоди сама спустилась вниз и съела несколько ложек хлопьев. Увы, продлилось это недолго. Полчаса спустя она свернулась на диване в позе зародыша, молча, погруженная в себя.

В половине десятого позвонила Джилл. Новый менеджер созвал экстренное совещание

на одиннадцать часов, и мое присутствие было необходимо. Она сама не знала точно, по поводу чего назначена встреча, но предположила, что дело сдвинулось с мертвой точки. Может быть, доктор Берроуз порекомендовала немедленно начинать терапию? Или (если мы только смели надеяться) обнаружили новые улики и наконец преступники попадут за решетку? Коллега Джилл, Лиза, предложила посидеть с Джоди и должна была приехать где-то через час. Наконец хоть какое-то движение. Я посмотрела на Джоди, и во мне снова ожила надежда.

Лиза приехала вовремя. Я познакомила ее с Джоди — хорошо, что девочка хотя бы посмотрела на нее. Показала Лизе, где взять кофе и еду, после чего та начала читать Джоди журнал «Барби», а я ушла, чтобы переодеться в деловой костюм. По мере того как я приближалась к офису социальных служб, мое настроение улучшалось. Может быть, из всего этого что-то толковое и выйдет. Может, наконец окружающие начали понимать то, что уже давно было известно мне: психическое состояние Джоди было критическим, и ребенку срочно требовались помощь специалиста и терапия. Нужно было найти способ, как подступиться к ней и как вернуть ее к жизни.

Я оставила машину на стоянке около здания и направилась к офису, имея в запасе еще десять минут. Старинное каменное здание, в котором когда-то размещалась мэрия, теперь было окружено высотными домами, и о прежнем его величии напоминал только фасад. Я потянула на себя тяжелую дверь и вошла. Как обычно, там было не протолкнуться. Люди всех возрастов и национальностей сидели, стояли, в беспокойстве ожидая, когда их номера появятся на электронном табло. Когда я проходила чрез эту толчею, меня за подол схватил ребенок, мать усадила его обратно на колени и улыбнулась, извиняясь.

Я подошла к приемной.

— Кэти Гласс, — представилась я, и секретарша приоткрыла стеклянную перегородку, чтобы лучше слышать. — Мне назначена встреча на одиннадцать часов по делу Джоди Браун. Я ее попечитель.

Она записала мое имя в список, потом вручила мне пропуск с большими черными буквами — «Посетитель». Я прикрепила его на груди.

— Комната семь, — сказала она. — Через двойные двери, наверх и там налево. — Перегородка захлопнулась, прежде чем я успела сказать хоть слово.

Я уже много раз бывала здесь на встречах и знала это здание. Седьмая комната была чуть ли не самой большой, и, поднимаясь по лестнице, я вспомнила ту предварительную встречу по поводу Джоди. Сложно поверить, что прошел уже целый год. Я вспомнила тот день и усмехнулась тогдашней своей браваде и уверенности: все, что нужно ребенку, — это забота, твердое руководство, мотивация и внимание. И никаких сомнений в том, что добьюсь успеха, найду подход к Джоди точно так же, как и ко многим другим детям, попавшим в беду, которым я помогала встать на ноги и вернуться к нормальной жизни. Впервые мои испытанные, надежные методы подвели меня. Но я хотя бы была не единственная, кто потерпел неудачу в попытке разобраться в болезни Джоди. Но тем не менее мне было интересно: выскажет ли кто-нибудь в комнате номер семь свое разочарование в мой адрес?

Джилл, Салли и Гейл уже сидели по обе стороны большого стола красного дерева. Они улыбнулись, когда я вошла. Гейл представилась мне, мы поздоровались с Салли, и я села рядом с Джилл.

— Нужно подождать еще доктора Берроуз и Мэри из бухгалтерии, — сказала Гейл. — Эйлин, увы, в отпуске. А директор школы Джоди не сможет присутствовать, но предоставил нам отчет.

Я сняла пальто и перекинула его через спинку стула. Тот факт, что будут присутствовать представители бухгалтерии, немного ободрил меня. Обычно финансистов приглашают только тогда, когда планируется что-либо оплатить (возможно, в данном случае оплатят лечение Джоди).

— Как она? — тихо спросила Джилл.

— Все так же. Но если назначат лечение, может пойти на поправку.

— Будем надеяться.

Дверь открылась, и вошла Мэри с пачкой бумаг в руке, извинившись за опоздание. Она села напротив меня, и мне до смерти хотелось спросить, сколько средств будет выделено на терапию, но до начала встречи этого делать не положено. Гейл и Мэри тихо переговаривались между собой по поводу какого-то другого дела. Дверь снова открылась, и появилась доктор Берроуз с портфелем в руках. В строгом сером костюме, она была похожа скорее на офисного работника, чем на психотерапевта.

— Извините, что заставила ждать — такси задержалось.

Гейл подождала, пока она усядется, и открыла совещание. Она поблагодарила нас за то, что мы все собрались, обозначила дату и время, назвала имена всех присутствующих и попросила нас представиться.

Покончив с формальностями, она посмотрела в другой конец стола:

— Мы собрались для того, чтобы обсудить текущую ситуацию и принять решение по делу Джоди. Думаю, лучше всего будет начать вам, Кэти, потом, Салли, будет ваша очередь. Я зачитаю отчет из школы, и вы закончите, доктор Берроуз.

Мы все согласились.

Я продумала все, что собиралась сказать, пока ехала сюда: отметить существенный прогресс Джоди, но так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что ей требуется помощь. Я сделала глубокий вдох и приступила:

— Как вы знаете, когда Джоди передавали мне, она демонстрировала весьма неадекватное поведение, настолько проблемное, что за месяц ей пришлось сменить пятерых попечителей. Она была крайне агрессивна и непослушна, кроме того, у нее наблюдалась задержка в развитии, она не всегда контролировала процесс испражнения, и у нее была очень заниженная самооценка. По отношению к мужчинам и женщинам она проявляла сексуальный интерес. Со временем она привыкла к нам и начала придерживаться распорядка и правил, установленных мной, появилась реакция на положительную мотивацию. Джоди стала менее беспокойной, реже проявляла насилие и научилась сдерживать гнев. По мере того как у Джоди развивалось чувство безопасности, она стала раскрываться. Характер сексуального насилия, которое совершили ее родственники, воистину чудовищен. Джоди становилась все более откровенной, но, к сожалению, потом ситуация стала ухудшаться. Все началось с ночных кошмаров, потом появились галлюцинации, а потом ее психика стала разрушаться на глазах. Несколько последних недель, как вам известно, в состоянии Джоди наблюдалось прогрессивное ухудшение. Сколько я ни уговариваю и ни подбадриваю ее, она почти весь день проводит в постели и не проявляет ни малейшего интереса к тому, что происходит вокруг. Она мало говорит, мало ест и очень часто плачет. В январе Джоди поступила в начальную школу Эбби Грин, где ей помогал постоянный ассистент. Поначалу у нее наметились успехи, но, когда ей стало хуже, она уже не могла посещать занятия. В целом она пропустила уже больше трех недель. — Я говорила и смотрела на лица присутствующих — и видела в них беспокойство и тревогу. — Признаю, что я оказалась не в силах раскрыть характер психологической травмы Джоди и помочь ей оправиться от тяжелого прошлого. Для этого необходима помощь психотерапевта. Учитывая наш первоначальный успех, я думаю, что стоит только приступить к лечению, как результат будет налицо.

Гейл поблагодарила меня и передала слово Салли. Та перечислила даты, по которым приезжала, и отметила, что мне удалось завоевать доверие Джоди и девочка все-таки сумела рассказать правду. По-скольку в последнее время у Салли не было случая увидеть Джоди, она связалась с доктором Берроуз и Эйлин, и они в полной мере просветили ее по поводу сложившейся ситуации. Она видела родителей Джоди и поставила их в известность о том, как плохо сказались на девочке ее признания. Отец Джоди все отрицал и уверял, что это выдумки дочери, а миссис Браун расплакалась. Салли больше не говорила о родителях Джоди, но по ее словам можно было догадаться, что в их общей виновности по отношению к ребенку не приходится сомневаться.

Мне не было жаль плачущую мать Джоди — моя первая мысль была о притворстве, с помощью которого женщина старалась не выдать свою вину. Я не сомневалась, что Джоди рассказала чистую правду, ведь ребенок в ее возрасте не может знать таких деталей и описывать все так реалистично. Достаточно только проследить ее деградацию, чтобы обрести уверенность: то, о чем рассказывала Джоди, происходило на самом деле. Противно и невыносимо было думать о ее родителях, о том, что они свободны и живут как хотят, насколько бы низко ни пали, а их дочь не может освободиться от боли и муки, причиненных мамой и папой. То, что они сделали с ней, можно покарать только пожизненным сроком.

— Джоди очень сильно травмирована, — заключила Салли, — и мои рекомендации абсолютно совпадают с точкой зрения доктора Берроуз.

В повисшей тишине Гейл записала что-то у себя, потом достала из папки документ и зачитала отчет из школы. На момент его составления Джоди посетила семьдесят два дня занятий, и мистер Вест основывал свои наблюдения как на способности Джоди к обучению, так и на ее опыте общения со сверстниками. На данный момент она усвоила алфавит и научилась считать до двадцати. У нее маленький словарный запас, но каждую неделю она разучивала по пять новых слов. Она не могла сосредотачиваться ни на чем в течение длительного времени. Заводить друзей ей непросто, во многом из-за вспыльчивого и странного характера. Результаты теста показали, что в вопросах чтения и письма она была развита на уровне четырехлетнего ребенка. Отчет Веста подытоживало его заключение:

«Обучение и социальное взаимодействие Джоди сильно ограничено ее прошлым опытом, на это нужно обратить внимание в первую очередь, без проведения надлежащих мер нельзя надеяться на серьезные достижения в обучении и адаптацию ребенка».

Гейл убрала отчет, и мое сердце забилося быстрее, потому что к докладу приступала доктор Берроуз. Она была последней выступающей, после ее рекомендаций Мэри проведет необходимые подсчеты, чтобы выделить средства на лечение Джоди, и ребенок начнет свой путь к выздоровлению. Оставалось надеяться, что сумма будет разумной. По моим ощущениям, девочке требовались сеансы психотерапии, не меньше двух часов в неделю.

Доктор Берроуз начала:

— Как вам известно, суд назначил меня проверить состояние Джоди в связи с заявлением о полной опеке. Изначально стоял вопрос определения возможности возвращения ребенка домой, но в свете новых фактов нам стало понятно, что это невозможно. Теперь моей задачей является определить текущее состояние ее психического здоровья... — Она приступила к медицинскому заключению о состоянии Джоди, основываясь на двух наших последних встречах. Присутствие доктора Берроуз и ее доклад показали, насколько серьезно все воспринимали случай Джоди. Ей полагалось только высказать свои заключения на финальном слушании, которое предстояло в будущем месяце, но она вышла за рамки своих обязанностей, чтобы сделать анализ раньше. То, что она наблюдала у Джоди, не могло не обеспокоить ее, и она уверяла, что требуется немедленно принимать какие-то действия, — потому она и присутствует здесь, невзирая на свой плотный график.

Я посмотрела на всех, сидящих за столом. Они подробно все записывали. Доклад доктора близился к завершению.

— Следовательно, я настаиваю на том, что Джоди требуется интенсивная, долгосрочная терапия у детского психотерапевта, который специализируется по вопросам жестокого обращения с детьми.

Слава богу! Теперь остался лишь финансовый вопрос.

— Терапию какого порядка вы бы рекомендовали? — спросила Гейл. Мэри придвинула калькулятор.

— У Джоди проблемы в обучении, — ответила доктор Берроуз. — Ее психическое развитие находится на уровне ребенка младшего возраста. Как результат, у нее не получается усваивать понятия и удерживать их в памяти. Ввиду этого, а также тяжелого ее состояния, я не думаю, что даже самая лучшая и серьезная помощь психотерапевта на обычных сеансах

принесет результат. Для того чтобы наши действия возымели эффект, начинать следует немедленно и серьезно заниматься ребенком в дальнейшем. Так что лучшим решением будет поместить Джоди в клинику при специальном детском доме.

Услышав последние слова, я даже не сразу осознала их. В комнате воцарилась тишина, все бросили писать. Я чувствовала, как сердце бьется у самого горла, внутри все перевернулось. Джилл взяла меня за руку.

— Спасибо, доктор Берроуз, — сказала Гейл. — Вы нам очень помогли.

Все повернулись ко мне, а я смотрела вниз, в свой блокнот.

— Кэти, — позвала Салли. — Что вы думаете об этом? Я знаю, вы с Джоди очень сблизились.

Я подняла голову и сглотнула. Мой голос звучал неуверенно, и я изо всех сил старалась сдержать подступающие слезы.

— Это непросто. Я не ожидала. Я надеялась, что, когда Джоди начнет посещать сеансы психотерапии, мы все же будем видеть ее... — Я замолчала на мгновение. — Честно говоря, я чувствую, что все было впустую.

Салли посмотрела на доктора Берроуз, а та тихонько покачала головой.

— Я не думаю, что даже до нынешнего кризиса, — сказала она, — Джоди могла бы нормально жить в обычной семье. У нее глубокая травма, которая влияет на все сферы жизни девочки. Очень немногие смогли бы добиться от нее так много, и именно вам мы обязаны ее успехами.

Гейл, Салли и Джилл согласились с ней. Я уныло пожала плечами:

— Может быть, можно попробовать обычные сеансы у психотерапевта, скажем, на полгода?

Все взгляды снова обратились на доктора Берроуз. Она сочувственно смотрела на меня:

— Мне кажется, нет. Это не только не принесет результатов, но и ухудшит ее положение. Личность Джоди разрушается. Чем дольше мы будем медлить; тем более существенным окажется ущерб в дальнейшем.

Я молчала.

— На какой промежуток времени вы рассчитываете? — спросила Гейл.

— Если я обращусь туда прямо сейчас, ее положат в клинику в течение месяца.

Я вздрогнула.

— У вас есть что-то на примете? — продолжала Гейл.

Доктор полезла в портфель и вынула оттуда цветные проспекты, которые раздала всем нам:

— Это Хай Оукс. Его директор, доктор Рон Грэм, и его жена Бетти — практикующие детские психологи. Это очень уважаемые специалисты в своей области.

Джилл раскрыла одну брошюру, и я взглянула на первую страницу. Я ничего не могла видеть, кроме столбиков размытых слов вперемешку с изображениями радостных детей. Я попыталась сконцентрироваться.

Доктор продолжила:

— Хай Оукс существует уже двенадцать лет и заработал отличную репутацию. Расположен в замечательном старинном огромном доме на территории парка размером в акр, на окраине Кембриджшира. Грэмы живут поблизости, вместе с персоналом — опытными психотерапевтами. Детей обучают квалифицированные специалисты, которые приезжают на уроки утром. Они охватывают весь спектр школьных предметов. После обеда дети занимаются своими делами и проходят индивидуальную психотерапию. По выходным делают все то же, что и в обычных семьях: ходят в кино, в бассейн и так далее. Конечно, их оставляют на каникулы. У меня хорошие связи с этим заведением с момента его открытия, и там очень высокий процент успешных случаев. В конечном итоге девяносто процентов детей возвращаются в семьи. Но, конечно, это обойдется недешево.

— Сколько?

— Зависит от пакета услуг, но в случае Джоди выйдет около четырех тысяч фунтов в

неделю. Я бы рекомендовала пока три года, но, конечно, при регулярных проверках.

Я посмотрела на Мэри — она что-то выбила на калькуляторе и показала результат Гейл. Та записала его в блокнот.

— Ей можно будет принимать посетителей? — спросила Джилл, понимая, что именно это спросила бы я, если бы могла нормально соображать.

— Конечно, — ответила доктор Берроуз. — Это даже необходимо. В случае если у ребенка нет семьи, в Хай Оукс ему подыщут кого-то для поддержки. Необходимо, чтобы ребенок не терял связь с внешним миром.

— Кэти, вы хотите поддерживать контакт? — спросила Салли.

— Да, конечно, — ответила я, не задумываясь.

— Мы должны обсудить это в суде, — сказала Гейл, — но если вы так советуете, скорее всего, вас поддержат. Еще что-нибудь?

Доктор Берроуз придвинулась к столу:

— Только благодарность Кэти за все, что она сделала, и предложение продолжить общение в дальнейшем.

И снова остальные согласились с ней и стали собирать свои бумаги. Все быстро разошлись, оставив нас с Джилл вдвоем. Я положила руки на стол и глубоко вздохнула:

— Как мне объяснить это Джоди? Она верила мне, а мне нужно сказать ей, что она уходит. Она подумает, что я отказываюсь от нее, как все остальные. Как это скажется на ее психике?

— Я все понимаю. — Джилл погладила меня по руке. — Мне так жаль, Кэти. Знаешь, я бы пока ничего ей не говорила. По своему опыту могу сказать, что такие организации проводят ознакомительные встречи. Я свяжусь с Хай Оукс, и посмотрим, как они решат все устроить. Начнем с этого.

Я со вздохом поднялась:

— Ладно. Мне пора. Джоди может забеспокоиться, что меня нет.

Джилл догнала меня в коридоре:

— Может, сейчас тебе так не кажется, но все к лучшему. Ты больше ничего не можешь сделать. Ты будешь видеться с ней, она поймет, что ты не отказываешься от нее. И кто знает, что будет через три года?

— Да, я вижу, к чему ты клонишь. Я знаю, что все к лучшему. Вопрос, поймет ли это она.

Я вышла на улицу, чувствуя полное поражение. Джоди уходила, и сейчас ей было хуже, чем когда она пришла, — впервые за всю мою практику. Я могла успокаивать себя тем, что это не моя вина, но сложно было отделаться от мысли, что все это время я напрасно тратила силы — все эти бессонные ночи, нескончаемые изматывающие истерики, ее жестокость, публичные скандалы, испорченные ужины, неприятности моих детей... Теперь, после всего, что мы пережили, Джоди снова предстоит переезд.

Умом я понимала, что ей нужны лучший уход и интенсивная психотерапия, которые я просто не смогу обеспечить, сколько бы любви, теплоты и заботы я ей ни отдавала. И все же я чувствовала неудачу, и самое главное: я подвела Джоди.

Как мне сообщить о том, что ей придется уйти?

ГЛАВА 30

Зеленые луга, пятнистые коровы

Той ночью, когда все в доме заснуло, я достала альбом в котором хранила фотографии всех детей, которых воспитывала. Я называла его галереей озорников. Я пересмотрела снимки. Некоторые были постановочными, другие сделаны, когда детей заставляли врасплох, на пикнике у реки или просто бегущими в саду. Дети всех возрастов и национальностей, от крошки Джейсона, который прибыл к нам двух дней от роду, до Марты, непокорной и обозленной семнадцатилетней девушки, которая теперь стала врачом.

С некоторыми из них я больше никогда не общалась, но многие по-прежнему звонили мне и писали. Четверо оставались со мной больше года, и все четверо до сих пор время от времени навещают меня — они стали частью нашей немаленькой семьи. Листая страницы, я вспоминала их нравы и проблемы — все такие разные. И никого из детей я не подвела. До настоящего момента. Здесь все еще не было фотографий Джоди, но я уже знаю: когда у меня дойдут руки вклеить их в альбом, они станут последними. Каких бы способностей или талантов к этому делу я ни имела прежде, можно считать, что их больше нет. Моя уверенность пошатнулась. Я решила впредь не заниматься патронатом.

Прошло три дня, пока мне наконец сообщили о дальнейшем ходе развития событий, и все это время Джоди казалась замкнутой и по-прежнему безразличной ко всему. Я даже не заговаривала о том, чтобы пойти в школу. Какой смысл? Теперь она существовала в собственном мире. Как-то мы пережили эти дни. Я читала вслух, разговаривала с ней, заставляла хоть немного поесть. Эдриан. Люси и Пола тоже пытались растормошить ее.

Вскоре после моего возвращения с того самого совещания я собрала всех за столом и сообщила, что Джоди покидает нас. Дети не выразили открыто своих чувств, и их молчание подсказывало, что они и сами понимают, в каком серьезном положении находится Джоди. Всегда грустно, когда очередной ребенок уходит, но раньше это сопровождалось осознанием: он уходит в лучшее будущее (к своей семье или к приемным родителям), он уходит другим, лучше, чем был, когда попал ко мне. С Джоди такого утешения не было. Несмотря на все наши усилия, нам не удалось помочь ей, и никого это не оставило равнодушным.

— Не вините себя, — сказала я, вспоминая слова Джилл. — Мы сделали все, что могли, остальное не в наших силах.

Но это были лишь слова, и я знала, что мои дети, как и я, чувствуют свое поражение.

Четыре дня спустя пришло известие от Рона Грэма. В конверте я нашла письмо для меня и еще один конверт — для Джоди. В письме ко мне Рон представился и сообщил, что вскоре позвонит, чтобы договориться о встрече. Что же касалось второго — стоило ли мне отдать его Джоди нераспечатанным? Я отдала его ей после обеда. Она взяла конверт подозрительно, потом прочитала на нем свое имя. Внезапно ее глаза загорелись.

— Мне? От кого?

— Открой его, и все сама узнаешь. Похоже, это что-то важное.

Я убрала ее тарелку, и она быстро разорвала конверт и развернула сложенный лист желтоватой бумаги. Текст был напечатан жирным красным шрифтом, а в одном уголке была нарисована улыбающаяся мордашка. Это вызывало симпатию.

— Мне? — повторила она.

— Да. Прочитать тебе?

Она отдала его мне с опаской, и я прочитала, водя для нее пальцем по строчкам.

Дорогая Джоди!

Меня зовут Рон, а мою жену — Бетти. С нами живет много детей в большом доме за городом. Мы помогаем им решать их проблемы, и нам бы хотелось приехать к тебе и рассказать о себе.

Ждем встречи с тобой,

До свидания,

Рон и Бетти.

Просто, но очень умно обставленное представление, и она была так рада, что кто-то прислал письмо лично ей! Она попросила перечитать его еще раз, а потом — еще.

— Когда они приедут? — спросила она с интересом, которого я не слышала у нее уже с месяц.

— Пока не знаю. Они позвонят.

— Хорошо бы поскорее. Они хорошие, да, Кэти?

— Да, они хорошие, милая.

Она засунула письмо обратно в конверт и весь день таскала его с собой. Когда вернулись Эдриан, Люси и Пола, она попросила их прочитать письмо вслух, и ее энтузиазм удивил их не меньше моего. Никто ничего не сказал, но все почувствовали облегчение. Как одно письмо от постороннего человека смогло сделать то, чего не смогли сделать месяцы любви и заботы?

Когда Джоди уже легла спать, позвонил Рон. Я рассказала ему о положительной реакции.

— Дети вроде нее редко привязываются к кому-то, — сказал он, моментально подмечая мои невыраженные чувства. — Это не ваша вина, Кэти.

Он расспросил меня о нашей семье, о том, как Джоди общается со всеми ее членами. Он описал процедуру знакомства: письмо — это ее начало, а их с женой совместный визит к нам на следующей неделе станет продолжением.

— Никогда не нужно торопить события. Джоди вам доверяет, и нужно какую-то часть этого доверия перенести на нас.

Он говорил, а я удивлялась: сколько он знает о Джоди! Он, должно быть, изучил ее дело от корки до корки — мы говорили больше часа. Было приятно общаться с человеком, который знает, что делает. Он совсем не походил на всех остальных. Джилл, конечно, делала все, что в ее силах, но она была лишь винтиком в огромной машине, и изменить что-либо было не в ее власти. Она могла только предполагать и задавать вопросы. Эйлин должна была проявить заинтересованность как социальный работник, но продемонстрировала свою профнепригодность, некомпетентность и, если уж совсем честно, халатность по отношению к делу. Год спустя она все еще почти ничего не знала о деле Джоди, она не потрудилась даже познакомиться с ней поближе или хотя бы формально выполнять свои обязанности. Только разговаривая с Роном, я почувствовала, что часть той ноши, которую я так долго несла в одиночку, переложили на чужие плечи. Я даже не понимала до сих пор, насколько одинокой была. Все это время только мы вдвоем, я и Джоди, сражались за нее, в то время как неповоротливая система социальной помощи топталась на месте. Теперь я наконец верила в то, что Джоди небезразлична еще кому-то.

На вопрос, что мне сказать Джоди об их визите, он попросил не говорить многого, но записать все ее вопросы и сказать, что Рон и Бетти на них ответят, когда приедут.

Я отправилась спать счастливее, чем обычно. Джоди обрадовалась, и Рон казался разумным и ответственным человеком. Может, они были нравы, может, все к лучшему...

На следующее утро, когда все ушли в школу, я рассказала Джоди, что звонил Рон.

— Чего ему надо? — фыркнула она, отталкивая тарелку с овсянкой, которую только что сама просила.

Может, она не поняла, что Рон — это тот человек, который прислал ей письмо?

— Спрашивал про тебя. Он прислал тебе то чудесное письмо, помнишь? Они приедут к тебе на следующей неделе.

— Не хочу. Замолчи. Уйди.

— Джоди... — начала было я, но решила не давить на нее. Сделаю, как советовал Рон, и не буду говорить много.

На следующий день она не вспоминала ни о Роне, ни о Бетти, ни о письме, а снова погрузилась в себя и все больше молчала. Укладывая ее в постель, я увидела, что она разорвала письмо на кусочки и бросила на пол. Не обратить на это внимания было бы странно, ведь я достаточно хорошо знала Джоди: именно так она выражает свою злобу. Я подобрала обрывки и присела на край кровати.

— Я знаю, что это все непросто, солнышко. Всем нам непросто. Расскажи мне, что ты сейчас чувствуешь. О чем думаешь? Я могу тебе помочь?

Она вся сморщилась и бросилась мне в объятия. Я крепко обняла ее, прижимая ее голову к груди, а она жалостно плакала.

— Что такое, Джоди? Расскажи мне, пожалуйста. Я правда хочу помочь.

Она немного подумала и выпалила:

— Они сделают то же, что и остальные. Не хочу. Это больно. Ты сказала, что больше этого не будет.

— Что ты, милая, нет! Они очень хорошие, очень добрые люди. Они никогда не сделают тебе ничего плохого.

Но Джоди не могла мыслить так же, как и я. В ее мире незнакомый взрослый человек — это тот, кто причиняет боль и страдания. Сколько раз такое с ней уже случилось. Сама мысль о чужом взрослом человеке рядом с ней пугала Джоди. Плунув на совет Рона говорить поменьше, я попыталась все объяснить.

— Рон и Бетти — они как я. Они помогают детям, которых обижали, только они умеют это делать лучше меня. Они знают, что нужно сказать. Они помогли сотням детей, и тебе они тоже помогут. Они хотят только поговорить. Я все время буду вместе с тобой. А они расскажут нам о месте, где они живут, и о других детях, которые живут с ними.

Она шмыгнула носом:

— Они не пойдут в мою комнату? И я не хочу садиться в их машину.

— Нет, конечно нет! — Я повернула к себе ее лицо. — Джоди, с тех пор, как ты со мной, ты встречала много-много взрослых, и никто не обижал тебя. Я не позволила бы им прийти, если бы не была уверена, что все будет хорошо. Ты ведь мне всегда верила, да?

Она кивнула.

— Тогда, пожалуйста, поверь мне и сейчас.

Она позволила вытереть ей слезы, но я не была уверена, что полностью успокоила ее. Все же со мной она живет не так долго, если сравнивать с восемью годами в родительском доме. С точки зрения Джоди, этот мой мир был исключением, а ее — нормой.

Я прочитала ей сказку и уложила спать. Выходя из комнаты, я услышала, как Эми сказала Джоди:

— Кэти можно верить. Честно-честно.

По мере приближения назначенного дня состояние Джоди становилось все более нестабильным. Она то и дело отдавалась во власть Рега и Эми, и в промежутках между приступами тоже было мало хорошего. Когда мне удавалось поймать настоящую Джоди, я пыталась хоть как-то задержать ее, но она сразу пряталась в свою раковину, и я снова натыкалась на ничего не видящий, рассеянный взгляд. О школе не шло уже и речи, и, если не считать необходимых походов в магазин, мы вообще не выбирались из дома.

Утром в день визита все было без изменений, и я переживала, как бы она не разошлась еще сильнее от встречи с чужими людьми. Бетти позвонила из машины сказать, что они подъезжают через пятнадцать минут, и я сообщила ей о своем беспокойстве.

— Самое главное, вы все делали правильно, — успокаивала она меня так же проникновенно, как и ее муж. — Как только мы придем и познакомимся с ней, сразу станет легче.

Меня это не убедило. Я вернулась в гостиную, где начала складывать пазл в надежде, что Джоди заинтересуется.

— Это были Рон и Бетти, — весело сказала я. — Они скоро приедут. Хочешь поскладывать пазл?

К моему удивлению, она слезла с дивана, подобрала фрагмент мозаики и передала мне. Я положила его на нужное место, и на рисунке можно было различить кошачью мордочку.

— А где кот? — спросила она неожиданно.

— Спит в корзине у батареи.

— А у них есть кот?

— Не знаю. Но спросим.

Она передала мне еще фрагмент, и я прикрепила его тоже. Когда позвонили в дверь, Джоди осталась сидеть на полу и выглядела как совершенно нормальный ребенок, который занят игрой.

Я проводила Рона и Бетти в гостиную. Они были примерной парой под пятьдесят, хорошо одетые, их лица были открытыми и добрыми.

— Здравствуй, Джоди, — весело поздоровалась Бетти. — Очень рада с тобой познакомиться. — Она присела и изучила рисунок. — Очень хорошо. Тебе нравится собирать пазлы?

Джоди кивнула.

— А это мой муж Рон.

Джоди подняла голову и улыбнулась Рону, который незаметно уселся в кресло около нее.

— Джоди интересовалась, есть ли у вас кот, — сказала я.

— Кота нет, — ответила Бетти, — но за домом есть поле, и там пасется много коров.

— Коров? — внезапно заинтересовалась Джоди. — Да. По утрам слышно, как они мычат, а потом

приходит фермер и уводит их доить. Детям всегда нравится наблюдать за ними. Иногда коровы подходят так близко к забору, что их можно даже погладить.

— Правда? — Она была довольна.

Я удалилась в кухню и сварила кофе.

Тоша, заслышав новые голоса, лениво выползла из своей корзинки и пошла оценить обстановку. Джоди представила ее:

— Это Тоша, но она меньше коровы.

— Верно, — согласилась Бетти. — Намного меньше. Наверное, Джоди что-то увидела в Роне и Бетти, потому что она вела себя так, что была не похожа на ту девочку, которую я им описывала, и мои слова могли быть подвергнуты сомнению, если никто их не подтвердит.

Я принесла поднос. Бетти как раз помогала Джоди закончить картинку. Я села и похвалила их. Джоди схватила пирожное и села на диван рядом с Бетти.

— А какие еще игры ты любишь? — спросил Рон, ненавязчиво включаясь в разговор. Он говорил мягко и уж точно не мог напугать ее.

— Рисовать люблю. В парке гулять.

— Очень хорошо. — Он улыбнулся ей, и Джоди улыбнулась в ответ.

Мы немного поговорили про парк, после чего Рон постепенно перевел разговор на Хай Оукс, рассказывая о том, чем занимаются там. Он достал из кармана проспект — детская версия того, что раздавали нам, — и все мы собрались вокруг Джоди, пока она изучала его. Она переворачивала страницу за страницей, а Рон тем временем рассказал, как они там живут, упомянул про других детей. Джоди спросила, есть ли у них телевизор и во сколько они ложатся спать.

Рон и Бетти провели у нас еще два часа, разговаривали и играли с Джоди и даже показали нам небольшой видеофильм про Хай Оукс, где мы увидели и комнаты, и дворик.

Почувствовав, что Джоди готова, они предложили нам приехать как-нибудь к ним в Хай Оукс на следующей неделе.

— Хочу сейчас, — воскликнула Джоди, подпрыгивая на месте.

— Ну нет, — улыбнулась Бетти. — Мы хотим сначала подготовить твою комнату.

Впервые была упомянута «ее комната», то есть возможность, что она останется там жить. Я наблюдала за реакцией Джоди.

— А можно Кэти поедет?

— В гости? Конечно, — ответил Рон. — Она привезет тебя на машине, вы вместе посмотрите твою комнату и познакомитесь с другими ребятами. А когда приедешь в следующий раз, можешь остаться на ночь, а Кэти приедет и заберет тебя на следующий день.

— А мне можно будет погладить корову? — спросила она.

— Ну ты наверняка сможешь на нее посмотреть, а погладишь или нет — зависит от того, как близко она подойдет к забору.

Я внутренне улыбнулась. Коровы явно заменили котиков в списке интересов Джоди, точно так же, как Рон и Бетти заменили меня. Мы проводили их, попрощались, и весь день

Джоди не теряла бодрости и воодушевления. Какое-то время она порисовала, и, когда я пришла посмотреть на ее творение, она с гордой улыбкой продемонстрировала мне рисунок, на котором были нарисованы большой красный дом, стоящий посреди поля, и три пятнистые коровы.

ГЛАВА 31

Хай Оукс

Спустя неделю, которая прошла в атмосфере скрытых надежд, мы въехали в Хай Оукс, и нашему взору открылся величественный замок. Половину пути Джоди то дремала, то разговаривала со своей куклой Джули, но как только мы приблизились к Хай Оукс, она притихла и припала к окну, чтобы полюбоваться видом. Здание было знакомо нам по видео, но по мере приближения меня все больше впечатляли его размеры. Замок был огромным, в двух его крыльях разместились четырнадцать спален, а справа красовался флигель, который когда-то был домиком для слуг, а теперь служил комнатой отдыха. Остроконечная крыша возвышалась над аркой кирпичного крыльца, покрытого слоновой костью. Похоже было, что постройки относились к середине XIX века.

— Вот это да! — сказала я. — Не просто будет организовать встречу, чтобы поговорить с тобой.

Джоди усмехнулась, не вполне понимая, о чем я, но сознавая, что эти слова были обращены именно к ней.

Я припарковалась рядом с тремя машинами у подъезда и открыла Джоди дверь, чтобы она могла выйти. Держась за руки, мы зашагали по гравию к дубовой двери, и, когда я дернула за шнур дверного колокольчика, было слышно, как его эхо раздается по дому.

— И я хочу, — сказала Джоди и еще три раза отрывисто позвонила.

Бетти с улыбкой открыла дверь:

— Нравится наш колокольчик, Джоди? Мы подумывали, не поставить ли современный звонок, но все захотели оставить этот.

Джоди в то же мгновение отпустила мою руку и взяла за руку Бетти, что удивило меня, потому что не далее как сегодня утром она заявила мне, что не помнит, кто такая Бетти. Мы прошли в холл, украшенный белой плиткой с узорными розочками в центре каждого квадрата, что придавало пространству больше света. Из глубины дома показался Рон:

— Здравствуйте, Джоди и Кэти. Как добрались?

— Спасибо, хорошо, — ответила я за нас обеих. Джоди укрылась за спиной Бетти.

Рон звонил накануне вечером, и я напонила Джоди о том, кто он такой. Но она не возвращалась к вопросу о поездке. Мы обсуждали это только один раз, накануне, когда я напонила ей, что завтра мы уезжаем, на что отозвался Рон: «Черта с два!»

— Пройдемте в зал, — сказала Бетти и провела Джоди по коридору. — Дети сейчас на прогулке, поэтому так тихо. Скоро они вернутся.

Гостиная находилась в дальнем конце здания, и по размеру она раза в три превосходила весь наш дом. Большие окна от пола выходили во внутренний дворик, за которым стояли качели, лесенка и роскошный деревянный домик. За оградой виднелось поле, но коров там сейчас не было. Зал был обставлен практично: четыре дивана вдоль стен, два кресла и несколько облегченных кресел, расставленных так, чтобы отовсюду был виден широкий экран телевизора

— Мы все вместе собираемся в этой комнате по вечерам и в выходные, — сказал Рон. — Остальной дом мы покажем тебе позже.

Джоди уселась на один из диванов рядом с Бетти и втиснула между ними свою куклу. Я села на другой диван, а Рон занял одно из кресел. Бетти предложила нам напитки, но мы отказались, так как по пути останавливались перекусить.

— Сейчас у нас живут десять ребят, — сказал Рон, поглядывая на Джоди. — И нам помогают десять воспитателей. Клер и Валери будут твоими помощницами. В следующий

раз, когда приедешь к нам, ты с ними познакомишься. Мы с Бетти всегда здесь, так же как и домоправительница Ширли. Она готовит нам, а мы все помогаем ей убирать со стола. Ты ведь не откажешься помогать нам?

Она не ответила, но покорно улыбнулась и приблизилась к Бетти.

Рон продолжал объяснять, как дети сами по очереди выбирают, что они хотят на ужин, а я тем временем оглядывала комнату. Любопытно, как им удавалось содержать ее в идеальном порядке, когда в доме было столько детей, — видимо, это тоже было обязанностью домоправительницы.

— Может, ты хочешь о чем-нибудь спросить? — спросил Рон.

— Где коровы? — спросила Джоди более уверенно и сдвинулась на край дивана.

— В такое время они обычно пасутся подальше. Ты можешь увидеть их из окна своей комнаты. Может, теперь ты хочешь осмотреться?

Она живо кивнула и вскочила с дивана. Зажав куклу под мышкой, она прошла вместе с Бетти в столовую, окна которой также выходили в сад, — в комнате стояли длинный обеденный стол и четырнадцать стульев. Рядом со столовой находился кабинет, куда детям запрещено было входить без стука. Рядом была игровая комната, такая же огромная, как и зал, она была просто забита игрушками, стульями и разным снаряжением. Там стояли три компьютера, маленькие пластмассовые столики и шкафы, заставленные играми, мягкими игрушками и книгами. Был там также и «домашний уголок», оборудованный игрушечной плитой, раковиной, печкой, диванчиком и кроватью. Вокруг одного из столиков стояло с десяток плюшевых медведей, и перед каждым из них были аккуратно расставлены чашки и тарелки. Джоди в восхищении указала на них.

— Вчера вечером у наших мишек был пикник, — сказала Бетти. — Уверена, твоя кукла будет счастлива присоединиться к ним в следующий раз. — Джоди встряхнула Джули, и кукла будто бы кивала. — Замечательно, тогда мы приготовим лишнюю чашку.

Мы переместились в кухню, где у раковины возилась женщина.

— Ширли, это Джоди, — сказал Рон, — и Кэти, ее попечитель.

Ширли оказалась дородной женщиной лет за пятьдесят, с добрым, открытым лицом. Она вытерла руки о фартук и подошла:

— Привет, Джоди, рада с тобой познакомиться. А это у нас кто? — указала она на куклу, но Джоди спрятала ее за спину Бетти.

— Извините, — сказала я, пожимая ей руку.

— Ничего. Покажет в другой раз.

— На очереди твоя комната! — воскликнула Бетти, почувствовав, что Джоди начинает раздражаться. Джоди отпустила ее руку и взяла за руку меня, и мы пошли следом за Роном по винтовой лестнице с впечатляющей балюстрадой, а затем вдоль коридора к предпоследней двери.

— Ты первая, Джоди, — подтолкнула Бетти. — Это ведь твоя комната, а мы твои гости.

Довольная, Джоди повернула ручку и вошла, и все мы услышали ее вздох восхищения. Комната была выкрашена в два оттенка персикового, под которые были подобраны шторы в цветах и диван. Новая сосновая кровать стояла у одной стены, а у другой — соответствующий шкаф, комод и книжные полки.

Джоди подошла к окну:

— Вон они! Коровы!

Я выглянула из-за ее спины и увидела небольшое стадо фризской породы⁴, собравшееся вокруг старого дуба справа от владений.

— Стало быть, коровы, — сказала я не столько Джоди, сколько Рону и Бетти.

Но вид открывался прекрасный, земли, простираясь, слева уходили в поля, а справа — в холмы. Сложно было представить более умиротворяющий пейзаж. Джоди постояла так

⁴ Британская порода крупного рогатого скота.

какое-то время, потом повернулась, чтобы получше осмотреться в своей комнате. Пооткрывала и позакрывала все ящики, изучила шкаф, после чего грузно опустилась на кровать.

— В следующий раз, — сказала Бетти, — можешь привезти свои игрушки и оставить в этой комнате, если захочешь.

— Я могу оставить куклу! — воскликнула она, протягивая ее.

— Точно? Потому что ты не увидишь ее целую неделю.

— Пускай останется, — сказала Джоди решительно.

Мы с Бетти одобрительно посмотрели друг на друга, Джоди стянула одеяло и укутала в него Джули. Определенно, это был хороший знак.

Мы двинулись в сторону ванн, каждая из которых предназначалась для троих детей. Потом прошли мимо всех остальных комнат, но в них не входили. Бетти объяснила Джоди, что это личное. Мы пошли вниз, и тут открылась входная дверь — дети вернулись с прогулки. Тихий дом внезапно наполнился громким гомоном, и Джоди, схватив меня за руку, застыла на месте.

— Все нормально, — успокоила я. — Не бойся.

— Мы только поздороваемся, — предложила Бетти, — и думаю, на сегодня будет достаточно. Ты молодец, Джоди.

Я пыталась подбодрить ее, пока мы спускались вниз, но, увидев столько незнакомых лиц, она стала прятаться за моей спиной. Дети стаскивали грязные сапоги, вешали куртки. У каждого были своя вешалка и обувной ящик.

— Это Джоди и Кэти, — представил нас Рон.

Раздался хор «приветов» и «здравствуйте», но Джоди не ответила и не сдвинулась с места.

— Какао готово? — спросил один мальчик.

— Ширли как раз сейчас варит, — ответил Рон. Это, похоже, была традиция — пить горячее какао после долгих прогулок, и дети ринулись по направлению к столовой, как одна большая семья, вернувшаяся из поездки за город. Когда холл опустел, Джоди выбралась из своего укрытия.

— Больше у тебя нет вопросов? — улыбнулась Бетти.

Джоди помотала головой и пошла к выходу.

— Что ж, если что-то надумаешь, просто спроси Кэти. Мы позвоним тебе завтра, а увидимся на следующей педеле.

Я поблагодарила их на прощание, они вышли на крыльцо проводить нас и стояли там, пока наша машина не скрылась из виду.

Джоди, так бодро проведя весь день, теперь наконец устала и сникла. Со стоном она улеглась на заднее сиденье, сунула палец в рот, свернулась калачиком и минут на пять задремала. Я позвонила домой, сказала, что мы возвращаемся и что все прошло благополучно.

— Так, значит, она точно уезжает? — спросила Пола, и мне послышалась грусть в ее голосе.

— Да. Знаешь, здесь ей действительно будет лучше, и мне кажется, она тоже так считает. Обо всем расскажу потом.

Я выехала на шоссе в южном направлении и ехала стабильно со скоростью около ста километров в час. Каждую минуту я посматривала в зеркало, не проснулась ли Джоди. Она вела себя сегодня так спокойно, так нормально, что я почти была готова забыть про месяцы, проведенные с ней, и поверить, что она действительно могла бы остаться с нами. Может, обычная психотерапия, любовь и терпение все-таки помогут ей восстановиться и она научится жить в семье, как все? В голове я все время прокручивала диагноз доктора Берроуз и думала: не могла ли она ошибаться? ошибалась ли она прежде? давала ли ее рекомендация стопроцентную гарантию или была лишь предположением, которое она сделала в определенный момент? Мы были единственными близкими Джоди людьми, и как бы ни

было хорошо в Хай Оукс, все равно это был детский дом. Я негромко включила радио и сосредоточилась на впереди идущей машине.

Минут за двадцать до дома Джоди проснулась в слезах. Ей очень хотелось в туалет.

— Не могу терпеть, Кэти, я описаюсь! — Хотя бы в этом мы смогли преодолеть ее проблемы. Год назад она, не задумываясь, наделала бы лужу прямо на сиденье.

Я свернула с шоссе, и мы выехали на тихую улицу, где я заметила место для парковки. Я вышла и отвела Джоди за кустарник:

— Пописай здесь, никто не увидит.

Она задрала юбку и усмехнулась:

— Хочешь посмотреть?

— Нет, конечно нет. — Я отвернулась.

Я слышала журчание, потом ее голос:

— А папа смотрел. Я писала ему на лицо. Он говорил, что это напиток богов, теплый и сладкий.

Я ничего не сказала. Скрывать отвращение стало частью заботы о Джоди, не меньшей, чем внимание и терпение.

ГЛАВА 32

Ночевка

Нормальное состояние Джоди длилось недолго, и я из последних сил наблюдала за ней эти оставшиеся дни. Наутро после поездки она проснулась и захотела увидеть коров за окном, когда же я сказала ей, что это было не у нас, а в Хай Оукс и что она увидит их на следующей неделе, она обозлилась.

— Это ты их увела, — ворчала она. — Ты виновата. Ты не любишь меня.

— Конечно люблю, Джоди. Очень.

— Тогда дай мне коров! — упиралась она. — Хочу сейчас!

— Не могу, солнышко. Это невозможно. Их здесь нет.

Может, эта путаница возникла из-за предстоящего переезда. Сознавая то, что это должен быть постепенный процесс, я ни разу не сказала прямо: «Ты от нас уезжаешь», чтобы она не почувствовала себя отвергнутой и чтобы у нее не возникла нелюбовь к Хай Оукс, ведь мы всеми силами стремились к обратному. Мы хотели, чтобы она сама усвоила, что в ближайшем будущем она поедет в Хай Оукс, а сначала приедет в гости и останется на ночь в собственной комнате — и это будет очень здорово. Все нужно было преподносить позитивно — так мы и делали. Не покидать нас, а двигаться дальше. Она слышала, как я говорю про все ее успехи за то время, что она жила с нами, и про то, как ей понравились Рон и Бетти и Хай Оукс, и что все мы будем по ней скучать, и что мы будем навещать ее.

— А мама и папа будут приезжать? — спросила она.

— Нет, конечно. — Но если раньше ее это успокоило бы, то сейчас реакция была прямо противоположной.

— Ты такая же, как все, — вспыхнула она. — Ненавижу тебя! Уйди! — внезапно появился Рег и бросился на меня, выкрикивая ругательства.

Я поспешила уйти из ее комнаты и закрыла дверь, но осталась стоять неподалеку.

Десять минут спустя дверь открылась, и вышла Эми. Она сосала палец, а на пижаме было мокрое пятно.

И я обрадовалась (вот насколько странной и запутанной стала наша жизнь!) появлению Рега и Эми, ведь это значило, что какая-то часть «обычной» Джоди вернулась к ней.

Каждый новый день подводил нас все ближе к следующему визиту Джоди в Хай Оукс, а ее состояние тем временем балансировало между чем-то похожим на летаргию и вспышками ненависти, так что сочувствие и строгость приходилось проявлять попеременно, иногда даже в течение одной минуты. Мне нужно было разобраться и с собственными

чувствами по поводу ее отъезда, но в то же время не дать своим детям упасть духом. Меня как будто тянули в разные стороны.

Наступило утро среды, и мы вновь отправились в Хай Оукс, на этот раз собрав все необходимое для ночевки Джоди. Она радостно подергала колокольчик за шнурок. Дверь открыли Бетти и Рон, которые посоветовали мне попрощаться как можно короче, но в действительности у меня и выбора-то не было. Джоди я совершенно не интересовала, все ее внимание и вся симпатия мгновенно перенеслись на Бетти.

— Пока, Джоди, — сказала я ласково. — Желаю приятно провести время. Увидимся завтра утром.

Она ничего не ответила, а на мое желание обнять и поцеловать ее на прощание ответила резким отказом. Бетти ободряюще улыбнулась мне, как бы говоря «не принимайте на свой счет», но это не уменьшило ощущения того, что меня отвергли. Мы с Джоди были неразлучны целый год, и все то, через что мы прошли, тесно связывало нас — так мне казалось. Непросто было видеть, как она поворачивается ко мне спиной и без всяких раздумий уходит с кем-то. Это не было ее виной. Ее неспособность к привязанности — лишь еще один признак разложения ее личности, вызванной жестоким обращением. Это я была нормальной, не она, и я должна была быть благодарной за возможность любить и тосковать. Однако на обратном пути я остановилась, чтобы выпить чашку крепкого кофе, просто посидеть в тишине, собраться с мыслями.

Когда я вернулась, был уже почти вечер. Я приготовила ужин, вымыла посуду и просто упала на диван перед телевизором.

На следующий день, хорошо выспавшись, я вернулась за Джоди. Но насколько благополучным было наше первое посещение, настолько неудачным оно было в этот раз. Рон отвел меня в сторону, на крыльцо, и рассказал:

— У нее случилось несколько истерик, что было вполне предсказуемо. Бетти пришлось немного осадить ее, когда она набросилась на одного из наших ребят. Но не беспокойтесь, мы обязательноотреагируем на это происшествие. Мы абсолютно готовы к этому.

На постоянное проживание Джоди нужно было переехать через пять дней, и теперь меня это смущало.

— Может, нам стоит немного отложить, дать ей время привыкнуть?

— Нет, — категорично ответил он. — Чем дольше мы будем тянуть, тем сильнее она запутается, это я знаю на собственном опыте.

Мы вошли в холл, Бетти и Джоди вышли из игровой комнаты. Джоди была невеселой.

— Что ты здесь делаешь? — ворчала она. — Почему ты никогда не разрешаешь мне веселиться?

— Пора домой, Джоди, — терпеливо ответила я.

— Но я хочу остаться. Почему мне нельзя остаться?

Эго была прежняя Джоди, с ее необъяснимыми переменами в настроении и крайностями в поведении.

— Скоро ты сможешь совсем остаться здесь, но не сегодня, ладно? Пойдем, нам пора.

Рон и Бетти усадили ее в машину и принесли сумку.

Почти всю ночь мы не спали. Джоди была напутана и уверена, что в ее комнате кто-то был. Наутро я была без сил, но мне то и дело названивали люди, которые так или иначе имели отношение к делу

Джоди, все жаждали новостей и организовывали последние встречи. Приехала попрощаться Салли. Теперь ее отчет был закончен — непосредственная работа с Джоди подошла к концу. По тому, что она объяснила Джоди, я поняла, что Салли необыкновенно привязалась к ней. Какая сложная, должно быть, у нее работа: всегда с кем-то прощаться. Но Джоди так и не вспомнила, кто такая Салли, и велела ей «проваливать».

Джилл приехала на следующий день и привезла Джоди подарок для ее новой комнаты — украшение в виде китайской кошки. Джоди понравилось, и она даже сказала «спасибо».

Теперь, когда Джоди уезжала от меня, участие Джилл в ее деле тоже прекращалось, так

что она захотела просто попрощаться с девочкой как следует. Не только потому, что Джилл была добрым человеком — хороший социальный работник обязательно простится со своим воспитанником, если знает, что больше с ним не увидится. Ребенок, который всегда в переездах, постоянно встречает на своем пути новые лица, попросту сбивается с толку, если люди исчезают из его жизни без объяснений, он чувствует себя еще более одиноким, и его характер портится еще больше. Поэтому, когда дети покидали мой дом, у меня всегда были посетители и небольшой прощальный вечер.

— Прощай, Джоди, — сказала Джилл, уходя. — Удачи тебе!

— Попрошайся с Джилл, — сказала я, и Джоди покорно помахала ей рукой. Но стоило ей уйти, как Джоди швырнула кошку на пол и разбила ее на кусочки.

Днем позвонила доктор Берроуз, сказала, что хочет повидать Джоди в последний раз перед докладом в суде, но, к моему облегчению, добавила, что хотела бы перенести это на момент, когда Джоди уже переедет в Хай Оукс, чтобы и это включить в рапорт.

Последним посетителем, за два дня до переезда, была Эйлин, которая примчалась с опозданием больше чем на час и даже не извинилась. Но она не просталась, поскольку и дальше должна была продолжать работать с Джоди, — она приехала просто для составления справки об успехах ребенка. Мне было жаль, что единственным человеком, который останется в контакте с Джоди, будет тот, кто меньше всех заботится о ней. Но что я могла с этим поделать?

— Хочешь туда поехать? — спросила она равнодушно. — Будешь жить с другими ребятами, своими ровесниками.

— Я их всех убью! — взревела Джоди, распаяясь. — Я им всем головы поотрываю! И твою! Ты, чертова корова.

Эйлин отказалась от кофе и через пятнадцать минут (как обычно) ушла. Наверное, я ее больше не увижу — кто-то другой, возможно, информировал бы меня по вопросам следствия, но что-то мне подсказывало, что Эйлин не тот случай. И мне стало немножко легче от того, что наши общие дела закончены. Я проводила ее, и она повернулась с беспечным и милым выражением лица:

— Пока. — И никаких слов благодарности мне за то, что я делала для Джоди за прошедший год, и никакого представления о том, что эта девочка с трагической судьбой как-то да связала нас.

— До свидания, Эйлин, — сказала я. Если кому и нужен был самый лучший соцработник, так это Джоди, но, возможно, все остальные — доктор Берроуз, Салли, Джилл и я — сделали все, чтобы компенсировать это равнодушие.

После того как Эйлин ушла, мне еще целый час пришлось успокаивать Джоди, и я пообещала, что теперь она очень не скоро увидит эту женщину. Учитывая предыдущий опыт, я в этом была почти уверена.

Несмотря на вспышки Джоди в Хай Оукс, она очень много раз повторяла, что хочет «поехать и жить с коровами». На следующий день я нашла ее в кухне, где Она пыталась открыть дверцу шкафа.

— Ты что-то ищешь?

— Сумки, — пробормотала она так, будто меня это не очень касалось.

— Не хочешь сказать зачем? Может, я помогу.

— Собираться.

Я отвела ее наверх, достала со своего шкафа ее чемоданы и перетащила их в ее комнату. Мы собирались потихоньку, копошась рядом.

— Как ехать на каникулы, — сказала она, сгребая игрушки в свои сумки.

— Да, вроде того. А ты когда-нибудь отдыхала на каникулах?

Она тупо посмотрела на меня, и я поняла, что, как и у многих детей из неблагополучных семей, у нее наверняка ни разу не было нормальных каникул и она просто повторила то, что слышала в школе или по телевизору.

— Это больше похоже на переезд домой, — добавила я, поскольку сама именно так все воспринимала. Я сожалела, ведь, если бы обстоятельства сложились иначе, на первые каникулы ее могла бы отвезти я.

Все последние дни Эдриан, Люси и Пола были необычайно тихи, проявляя особенное терпение по отношению к Джоди, несмотря на все ее выходки. Как и для меня, для них это расставание было самым сложным из всех. Попрощаться с ребенком, который возвращается в родной дом, к родителям, который преодолел свои проблемы, — это оптимистическое прощание, сопровождаемое ощущением успеха. Даже те дети, которые не возвращаются домой, а находят себе приемную семью или постоянных опекунов, уходят в новую жизнь с пониманием того, что новые родители будут рады им, будут любить их. Единственным утешением для нас могло послужить то, что мы отдавали Джоди к хорошим людям, и то, что она наконец получит лечение, которое вернет ее к нормальной жизни.

ГЛАВА 33

Прощание

Утром в день переезда Джоди отказалась завтракать и сидела за кухонным столом в нетерпении. Я допила кофе и начала переносить ее вещи в коридор. Она стояла внизу лестницы и наблюдала за мной, но когда я попросила ее помочь, повернулась спиной. Вскоре все ее сумки и чемоданы были составлены в коридоре, как и тогда, когда она приехала ко мне.

— Куда мы едем? — спросила Джоди, пытаясь дотянуться до вешалки.

Я подала ей куртку:

— В Хай Оукс. Помнишь? Ты едешь в свой новый дом.

— Ой, так это сегодня? Я думала, в следующем году.

Следующий год, следующая неделя — Джоди не различала.

Эдриан, Люси и Пола встали рано, чтобы проводить нас. Они собрались у выхода. Никто не знал, что сказать. Пола решила начать и попробовала обнять Джоди, но та в ответ показала ей язык и отвернулась.

— Мы будем скучать, Джоди, — сказала Люси. — Мы скоро приедем к тебе.

Джоди пожалала плечами. Казалось, ей все это совершенно безразлично, а вот девочки, было видно, переживали. Мои дети помогли мне погрузить сумки в машину и проводили нас с порога.

— Ты потом уедешь домой? — спросила Джоди, как только мы отъехали от дома.

— Когда ты устроишься — да, уеду.

— Хорошо. Не надо тебя. У меня есть Бетти. Ты можешь ехать домой, Кэти.

Ничего, я все понимала — такова была ее реакция на расставание. Она что-то чувствовала, но сама не могла распознать, что именно испытывала.

— Я позвоню тебе в субботу. А когда Бетти и Рон разрешат, мы приедем навестить тебя.

— Не хочу. Ненавижу вас.

И хотя она проснулась только час назад, в машине опять заснула. Она и ночью сегодня спала совершенно спокойно, но, глядя на нее сейчас, я не понимала: как она могла спать в такой момент? Я тихо включила радио, потом выключила — струнный квартет только навевал тоску. Я пыталась сосредоточиться на дороге и напомнила себе обо всех положительных аспектах переселения Джоди, но я не могла отделаться от вопроса, который не давал мне покоя: все ли я сделала, чтобы помочь ей?

Когда мы приехали в Хай Оукс, Джоди все еще лежала с закрытыми глазами, но я знала, что она уже проснулась.

— Джоди, солнышко, — я легонько потрясла ее за плечо, — мы на месте. Пойдем поищем Рона и Бетти!

Ее веки дрогнули, глаза открылись, и она улыбнулась, глядя прямо на меня. Она подала

мне руку, и я помогла ей выбраться наружу. На пороге появились Рон и Бетти, но Джоди пронеслась мимо них прямо наверх, в свою комнату. Мы втроем прошли в гостиную и выпили по чашке кофе. Поскольку была середина недели, у ребят проходили занятия в игровой комнате, и во время нашего разговора я слышала слабый гул их нестройных голосов. Мы разобрались с бумагами, и я передала им банковскую книжку Джоди, на которую буду откладывать по пять фунтов в неделю. Эти деньги будут принадлежать только Джоди, и больше никому. Я также передала журнал, в котором было написано обо всем, чем мы занимались.

— Очень неплохо, — сказал Рон, листая страницы с фотографиями, где мы были запечатлены все вместе, когда куда-то выбирались, вклеенные рисунки, автобусные или железнодорожные билеты, буклеты и прочие памятки о днях, проведенных вместе. Под каждой я указала даты и коротко описала события.

— Прекрасно, — сказал он. — Этот журнал очень поможет работать над ее историей, и, конечно, мы будем продолжать его вести. Работа — одна из лучших, что я видел. Ведь так как многие попечители не находят времени, чтобы заниматься этим, а так важно иметь перед глазами живое напоминание о прошлом детей, особенно в начале лечения. Хорошо бы еще социальный работник Джоди рассказал о ней — что было до вашего появления?

— Я не стала бы на это надеяться.

Рон улыбнулся:

— Вы невероятно много сделали для Джоди, правда. Благодарю вас, Кэти. На лучшее она и не могла бы рассчитывать.

Я поблагодарила его за теплые слова. Я восхищалась работой, которую они с Бетти проводили в Хай Оукс, и признание Рона было очень ценным для меня.

Пора было уходить, и Рон снова посоветовал уйти как можно скорее и без особых эмоций. Пока Джоди играла у себя, мы разгрузили машину и перенесли вещи в холл. Закончив с этим, я встала в нерешительности, не зная, стоит ли мне подняться к ней.

— Я приведу ее, — сказала Бетти, разгадав мои сомнения. — Вы должны попрощаться.

Бетти исчезла наверху, а я осталась ждать вместе с Роном. Из игровой комнаты донесся взволнованный детский голос.

— Вы не волнуйтесь, — сказал Рон. — С ней все будет хорошо.

Бетти вернулась, держа Джоди за руку. Они потихоньку спустились, пересчитывая ступеньки, как мы делали дома.

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать... — Джоди замешкалась.

— Четырнадцать? — подсказала я.

— Точно, Кэти, но пусть Бетти говорит, это теперь ее работа.

Я не могла сдержать улыбку:

— Мне пора, Джоди. Ты обнимешь меня на прощание?

Она закатила глаза и вытянула руки, ожидая, что я подойду сама. Я подошла, нагнулась и обняла ее. Она была очень напряжена, но только я собралась отпустить ее, как внезапно ощутила, как ее руки обхватили мою талию. Головой она прижалась к моему животу. Я погладила ее по голове и сморгнула подступившие слезы. В последний раз я обнимаю ее вот так — это точно. Я захотела вложить в эти последние объятия все, что могла, — всю свою теплоту, всю надежду на ее выздоровление и все сожаления по поводу того, что не смогла помочь ей, когда ей так нужна была помощь. Она была самой сложной из всех детей, с кем я работала, и вместе с тем эти трудности так сблизили нас, что отпустить ее было, казалось, невозможно, несмотря на то что я знала: именно так и нужно поступить.

Я все-таки отпустила ее и отстранилась:

— Хорошо, милая, теперь я ухожу, а вы тут разбирайте вещи. Я позвоню через пару дней.

— А куда ты? — спросила она, нахмурившись.

— Домой, милая. У меня много работы, нужно покормить моих ребят. И у тебя тоже много дел.

Она подошла к Бетти, обхватила ее за пояс и прильнула к ней:

— Хорошо, Кэти. Понятно. Это теперь мой дом. Мой и Эми. Иди. Давай. Пока.

Я посмотрела на Бетти, потом повернулась к выходу. Джоди стояла позади меня, повторяя свои объяснения для Эми: «Бетти теперь за нами присмотрит».

Рон открыл передо мной дверь, я по тропинке дошла до своей машины и, пока не села за руль, не оборачивалась. Они быстро помахали мне вслед и скрылись за дверью.

ГЛАВА 34

Прогресс

В доме было тихо, если не считать периодически прерывающегося телефонного звонка. Я услышала щелчок автоответчика, перевернулась и закрыла глаза. Звонил ли один человек или все время разные люди? Не важно. Я сама по себе, и я разберусь сама.

Это было угро на следующий день после того, как уехала Джоди. Я проводила детей в школу и легла в постель. И пусть я не могла заснуть, обволакивающее тепло одеяла защищало меня и согревало. Спала ли она ночью или ее мучили кошмары? Чем занимается сейчас? Было уже не очень рано. Где она сейчас — в игровой комнате, или на прогулке, или разбирает чемоданы? Счастлива ли она? Как она общается с ребятами? Вот что беспокоило меня больше всего. Будут ли они терпимы к ней? Ведь они сами были в подобной ситуации. Или, наоборот, их злоба и боль в полной мере выльются на новенькую? Я боялась за нее, но понимала, что должна ее отпустить.

Телефон снова зазвонил, и я сняла трубку.

— Кэти? — услышала я голос Джилл. — Извини за беспокойство, но я подумала, ты захочешь узнать. Полиция арестовала родителей Джоди, троих дедушек и дядюшек, и против них выдвигают обвинение. Смиты обвинили их в совращении своей дочери, и на этот раз доказательства есть.

Я мгновенно пришла в себя и вскочила с кровати:

— Смиты?

— Ты знаешь их, соседи Джоди, которые запретили своей дочке Луизе общаться с ней.

— Да, да, знаю, но я думала, что они собирались дать им чуть ли не положительную характеристику.

— Да, пока все не вышло наружу. Тесты обнаружили ДНК отца Джоди и других. Полиция обыскала дом и нашла тысячи фотографий. Это круг педофилов, и, кажется, достаточно широкий.

Я смотрела на окно. В лучах солнечного света цветы на шторах, казалось, светились. До меня начинало доходить, какое событие только что произошло. Чаша весов с доказательствами покачнулась в сторону Джоди. Появилась вероятность, что справедливость восторжествует и мерзавцы, которые так обращались с ней, будут наказаны.

— Эйлин спрашивает, дашь ли ты показания. Я ответила за тебя «да». И еще им нужны твои записи. Я договорюсь, чтобы к тебе подъехали и забрали журнал.

Я смотрела прямо перед собой, разглядывая горящие красным цветом пионы на окнах.

— Конечно, да что угодно. Господи... слава богу! Они знают, когда это началось? Какие-то предположения?

— Еще идет расследование, но нашлись несколько фотографий, где Джоди совсем маленькая.

Я молчала.

— Восемнадцать месяцев. С тех пор у нее и стало прогрессировать отставание в развитии. Да, и кое-что еще до того. Я напишу тебе.

Я положила трубку и так и осталась сидеть на кровати. Я думала о бедняжке Луизе Смит, которая пострадала; ее родители были предупреждены, но бездействовали. Сколько же еще жизней было разрушено из-за того, что на слова Джоди никто не обратил внимания? Все эти годы она состояла на учете в социальной службе, видимо, ее семью периодически

навещали соцработники, и никто не замечал ничего необычного.

Думая о родителях Джоди, я вспомнила занятие (несколько лет назад) по теме жестокого обращения с детьми. Лектор говорил, что педофилов вычислить сложнее, чем других преступников, так как они не ведают, что творят зло, а стало быть, не ведут себя как виновные.

Вытащив себя из кровати, я пошла в комнату Джоди. Холодная пустота вокруг была несравнима с былым беспорядком. В комнате еще сохранялся запах Джоди, тот индивидуальный запах, который отличает каждого из нас, самое будоражащее воспоминание об отсутствующих близких людях. Я смотрела на постель, к которой не прикасалась с тех пор, как она ушла. В луче солнечного света кружились пылинки. В тишине я ощущала долгое присутствие Джоди, еще осязаемое, как будто в любую минуту она могла войти и взять меня за руку. Собираясь уходить, я заметила конверт, прикрепленный к ящику комода, с надписью «Кэти». Я достала лист линованной бумаги, вырванной из школьной тетради.

Дорогая Кэти!

Это пишет Пола, потому что я не умею. Спасибо, что ты присматривала за мной, и я бы хотела еще остаться. Прости за все плохое, что я сделала. Я ничего не могла поделать. Что-то меня заставляет. Ты единственная, кто смотрела за мной — и не злилась на меня. Наверное, ты понимаешь. Надеюсь, ты меня простишь. Эдриану, Люси и Поле очень повезло. Когда меня вылечат, можно я вернусь и буду жить с вами? Ты будешь моей новой мамой? Я не хочу, чтобы у меня была старая.

С любовью,

Джоди.

Она подписалась сама и всю страницу до конца красным мелком изрисовала поцелуйчиками. Я подняла глаза, слезы подступили к горлу. Она открылась мне. Значит, все было не зря. Теперь я больше не чувствовала себя такой виноватой.

Конечно, Джоди, я буду. Как только ты будешь готова.

Эпилог

Поначалу переезд дался Джоди нелегко. Клер и Валери, ее постоянные воспитатели, которые работали исключительно с ней одной, работали посменно. Мне не очень много рассказывали о ее успехах, поскольку я уже не имела официального отношения к ней. Я не была родственницей, не была попечителем — просто посетитель. Но я могла понять, что она по-прежнему часто бывала жестокой и вспыльчивой и продолжала вести себя приблизительно так же, как и последние месяцы со мной.

В первые месяцы она постоянно звонила. Номер набирали Клер или Валери, сначала я немного говорила с кем-нибудь из них, а потом они передавали трубку Джоди. Чаще всего она звонила пожаловаться на Клер или Валери за то, что они не разрешали делать все, чего ей хочется. Я терпеливо слушала, как она кричала: «Я ее побью!», а потом пыталась образумить ее, объяснить, что воспитательницы требуют от нее только того, что нужно для ее же блага, точно так же, как и я.

Хотя мы постоянно были на связи, Джоди редко произносила слова симпатии в наш адрес. Я думаю, что она переживала и чувствовала себя отвергнутой из-за переезда, особенно ясно она давала это понять, когда мы навещали ее. Когда мы уже уходили, я собиралась обнять ее, но, вместо того чтобы пойти мне навстречу, она могла стукнуть меня по руке или, еще хуже, просто молча стоять на месте.

Чем мы занимались во время наших встреч, зависело от ее настроения. Если она вела себя разумно, мы могли пойти в боулинг, или в парк, или в какое-то местное заведение, после чего обычно следовал обед в пиццерии, что она особенно любила. Если настроение было плохое, мы оставались в доме, играли в домашнем уголке, где Джоди готовила обед в игрушечной печке или играла в куклы.

Но как бы враждебно она ни принимала нас, она всегда спрашивала, когда мы приедем еще и когда позвоним. Полгода спустя она научилась прощаться перед нашим отъездом и при этом не бить меня, что уже казалось достижением. Мы очень гордились ею. Джоди вообще никогда не говорила о своих чувствах, если не считать ненависти, которую она испытывала по отношению к отцу, так что нам оставалось только так или иначе трактовать знаки, которые мы могли уловить. Она никогда не говорила, что обвиняет меня или считает, что мы ее бросили, но и о том, что скучает и хочет нас видеть, она тоже не говорила. Но теперь могла нормально прощаться, и это казалось хорошим знаком, поскольку позволяло предположить, что сейчас она как минимум смирилась с проживанием в Хай Оукс.

В это время еще обсуждалось, стоит ли наладить контакт между Джоди и ее братом и сестрой, которым нашли приемных родителей. Но решено было ничего не менять. Джоди никогда не говорила о них, если не считать терапевтических сеансов, да и вообще, складывалось ощущение, что они совсем не были близки, и лучше всего было бы позволить Бену и Челси начать все сначала самим, без Джоди (по многим причинам). У Джоди отняли детство, а у них оно все-таки было, ведь они нашли семьи в более младшем возрасте и, как мы полагали, избежали насилия, с которым столкнулась их сестра.

У Джоди намечались успехи в Хай Оукс, но ее лечение и выздоровление шли медленно из-за отставания в развитии. Томография показала повреждения мозга, вызванные, возможно, неоднократными ушибами головы в младенческом возрасте. Возможно, из-за этого у Джоди были так плохи дела с учебой и отставало развитие моторики и речи, но поведение ее все же исправлялось.

Там Джоди очень быстро прибавила в весе. Она была слишком полной, когда приехала ко мне, но мне удалось сделать так, чтобы она похудела. В Хай Оукс некоторые дети страдали анорексией, и политика там была такова: детям разрешалось есть столько, сколько им захочется. Джоди, когда ей позволили, съедала по две порции каждого блюда, и за считанные месяцы жировые складки снова появились на ее животе и бедрах.

Несколько месяцев спустя состоялись два судебных заседания: заключительное слушание по делу об опеке и дело о растлителях. Сначала был суд по делу об опеке, и по его решению Джоди, Бен и Челси были определены под постоянную опеку — это означало, что они остаются там, где находятся сейчас. В процессе слушания судья использовал мои записи, но присутствовать мне лично было необязательно.

Еще несколько месяцев спустя состоялся суд по другому делу. Обвинение не включало насилие над Джоди, поскольку доказательств тому так и не было найдено. Но отец Джоди и другие были осуждены за преступление в отношении другой девочки, а также за производство и хранение детской порнографии. И снова я не присутствовала на процессе, и только Джилл рассказала мне, чем все закончилось. Отец Джоди и еще двое были признаны виновными по всем пунктам обвинения, мать Джоди и двое других соучастников были оправданы. Трое осужденных были приговорены к лишению свободы. За время, что Джоди находилась на учете у социальных служб, до того момента, когда ее забрали на патронат, она около полусотни раз получала травмы: переломы, ожоги, порезы, ссадины. Дело Джоди в социальных службах было таким толстым, что его разделили на две папки.

Личное дело Джоди — это каталог ошибок и беспощадный обвинительный акт халатности социальных служб. Возмутительно даже то, что ее восемь лет держали на контроле в группе риска. В эту группу детей определяют, чтобы следить за ситуацией — либо это приводит к судебному делу, либо соцслужба признает, что все в порядке, и ребенка исключают из списка. В случае с Джоди не было сделано ни то, ни другое.

Обстоятельство, которое способствует такому незавидному положению дел, — большая текучесть кадров среди социальных работников. Только в деле Джоди принимали участие целых двадцать соцработников. Видимо, они всячески избегали посещать ее дом или позволяли себе не утруждаться лишними вопросами.

Но как бы странно это ни показалось, я могла их понять. Большинство социальных работников — женщины, а их вынуждают в одиночку справляться с жестокостью и

домашним насилием. Они нередко подвергаются нападениям, но не могут подать в суд, поскольку их работа требует установления контакта с родителями. И в итоге, если родители знакомы с системой, они уверены, что могут вертеть соцработниками как им угодно. В таких условиях неудивительно, что некоторые предпочитают обходить стороной дома, где есть склонные к насилию люди.

Поскольку Браунов передавали от одного соцработника другому, дело Джоди в социальной службе начало быстро расти (соцработники завалены бумажной работой) и скоро стало неподъемным, так что каждый новый работник понимал, что не может осилить его. Если бы кто-то знал всю подноготную Джоди вплоть до визитов к врачу, то, конечно, действовать начали бы раньше. Но беда в том, что дело Джоди — не исключение, и, увы, вряд ли оно станет последним.

Сегодня, три года спустя, Джоди по-прежнему медленно, но верно движется к выздоровлению. Ее озлобленность почти прошла, девочка научилась быть счастливой. Интенсивное лечение дало результат, и Эми и Рег теперь совсем редко дают о себе знать. В Хай Оукс Джоди чувствует себя в безопасности и понимает, что защита ей уже не нужна.

Теперь Джоди ходит в спецшколу. По мере ее взросления трудности в Обучении стали только заметнее. Когда мы с ней гуляем, посторонние принимают ее за умственно отсталую, подходят поговорить и ведут себя с преувеличенной добротой. У Джоди слишком большой вес, и это делает ее еще более неуклюжей и склонной к несчастным случаям. Задержка в развитии и плохая речь сейчас совершенно очевидны, и с каждым годом она все больше отстает от сверстников. Возможно, скоро она достигнет предела своей обучаемости, и ее недееспособность станет еще более очевидной в сравнении с остальными.

Теперь она редко вспоминает родителей, только на сеансах психотерапии. Она обменивается открытками на дни рождения и Рождество с братом и сестрой и однажды далее говорила с ними по телефону. Однако звонок этот не был удачным и вряд ли еще повторится, поскольку она очень смутилась и мгновенно замкнулась в себе. Много из того, что с ней случилось, остается глубоко скрытым в ее подсознании и, возможно, так там и останется. Время покажет.

Мы с детьми все еще навещаем Джоди, каждый месяц проезжая по триста — четыреста километров. В последний раз мы с Полой отвели ее в стейк-хауз (вместо пиццерии), и, пока мы ждали заказ, Джоди вдруг посмотрела на Полу и сказала: «Мне нравится твой топ. Очень красиво». Нам было очень приятно. Это был самый первый комплимент, который мы услышали от нее, и это говорило о настоящем прогрессе, ведь она начинала чувствовать: Джоди сделала Поле комплимент потому, что захотела сделать ей приятное, она хотела, чтобы мы хорошо подумали о ней.

Я все еще не могу до конца осознать, как вообще возможно то, что произошло с Джоди. Я могу понять, что есть родители, которые забывают про своих детей из-за алкоголя, наркотиков или болезни, чья жестокость — лишь побочный эффект их болезни. Но тот беспросветный кошмар, в котором жила Джоди, остается загадкой для меня. Такое зло, такая жестокость просто не укладываются в голове. Когда я смотрю на своих детей и на большинство других детей, которых, слава богу, любят, ценят, воспитывают, сложно понять, как устроено сознание родителей, которые вообще не беспокоятся о своем ребенке и не просто забывают про него, а, подключая к собственным извращениям, намеренно разрушают его жизнь.

Джоди — травмированный ребенок. На ней сурово надругались, разрушив ее сознание и душу. Вряд ли когда-нибудь она полностью восстановится и сможет вести нормальную жизнь, и она никогда не сможет в полной мере наслаждаться той жизнью, которая должна была принадлежать только ей. Она была приговорена к бесконечному наказанию теми людьми, которые должны были заботиться о ней больше всех на свете. Более тяжелое преступление невозможно вообразить.

Я все еще навещаю Джоди в Хай Оукс. Многие из тех ребят, которые жили там, когда она пришла, уже покинули приют и переехали к своим опекунам. Суждено ли это Джоди — еще неизвестно, но если да — я еще не так стара, и мое предложение в силе. И я все-таки занимаюсь патронатом. Всегда есть где-то ребенок, которому нужна помощь.

Благодарности

Мои сердечные благодарности Дэвиду, Эндрю Лоуни, Кирсти Кроуфорд, Кэрол Тонкинсон и всей команде HarperCollins. Спасибо Вам всем за создание книги.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)